

ВОКРУГ СВЕТА

11 1966
НОЯБРЬ

**НОВЫМИ ТРУДОВЫМИ СВЕРШЕНИЯМИ
ВСТРЕЧАЕТ СОВЕТСКИЙ НАРОД
49-Ю ГОДОВЩИНУ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.**

ВСТУПАЕТ В 50-ЛЕТИЕ ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ. Уже скоро полвека в истории человечества отмечено его прометеевым огнем, пронизано его животворным дыханием. Все эти славные годы советский народ идет под октябрьскими знаменами, жизнью, борьбой, трудом утверждая на земле идеалы коммунизма.

Перед нашим взором встают знаменательные картины великой истории Советского государства. В этом номере мы расскажем о волнующих эпизодах гражданской войны (продолжается серия документальных очерков «Атлас Ленина»), о подвиге советских людей, разгромивших гитлеровские полчища под Москвой, о преображенной земле советских среднеазиатских республик и делах строителей Сибири; мы помещаем также воспоминания одной из участниц французского Сопротивления — движения, вдохновленного победами советского народа в борьбе с фашизмом

Рассказ о Великой Октябрьской социалистической революции, о настоящем и прошлом Советской Родины мы продолжим в последующих номерах юбилейного года.

«Он вытащил из нагрудного кармана телеграфный бланк, вскинул руку: «Вот она — телеграмма от Ленина...»

В ПЕРВЫХ НОМЕРАХ «ВОКРУГ СВЕТА» 1967 ГОДА: ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА А. АЛДАНА-СЕМЕНОВА «КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ». БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ РЕВОЛЮЦИИ, ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ, СУДЬБА ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РЕСПУБЛИКИ, ОСВОБОЖДЕНИЕ КАЗАНИ ОТ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ - ТЕМА НОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ.

Рисунок Е. РАКУЗИНА

1966

ВОКРУГ СВЕТА

**№ 11
НОЯБРЬ**

Журнал основан в 1861 году

**НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ**

На страницах номера:

«...Локомотив бросало из стороны в сторону. Я не влез на крышу, а вполз и распластался на ней, раскинув руки... Но я должен был встать. И не только встать, но и пробежать по крыше и прыгнуть на следующую».

Три прыжка — чтобы спасти людей и сцепку тепловозов, три прыжка — каждый из которых мог стоить жизни герою повести Алексея Лентьева «Тройной прыжок».

«...И тогда Деметрио Касас заколебался. Теперь уже было все равно, откуда придет последний удар. Он пришел из его собственного дома».

Рассказ колумбийского писателя Антонио Гарсиа «Будущее».

«Теперь нам с Энн приходилось расставаться: ей в Дулаго, мне в Умби. Говорить, однако, что люди живут в этих деревнях, — значит тратить слова попусту. Большую часть своего времени они предпочитают проводить в окрестных лесах».

Этнографы Джейн Гудейл и Энн Чоунинг рассказывают о жителях острова Новая Британия.

«—Л хочу сказать, что был там! — заорал Блин. — ...Я ездил с места на место и рассмотрел всякой всячины, и все это было по-настоящему — вот как я сижу сейчас здесь».

Рассказ американского фантаста Клиффорда Саймака «Куш».

«...Вот так мы плыли и плыли и, обогнув выступ берега, увидели на суше впереди себя много больших селений. Так мы неожиданно набрели на благодатную землю и владения амазонок».

Очередное заседание «клуба 3-М» посвящено маркам, рассказывающим о загадочной стране Амазонии.

Вести из Австралии, Австрии, Англии, Антарктиды, Бразилии, Италии, ОАР, США, Франции, Чехословакии, Швейцарии.

К 25-летию РАЗГРОМА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ

1941-й. Рубежи Москвы. Низко нависшее над полями и перелесками свинцовое небо и ранний снег той осени, когда немецко-фашистские захватчики подошли к стенам советской столицы. Прошло четверть века, но они всегда в памяти народной — эти суровые, тревожные дни.

Стремительно и почти беспрепятственно гитлеровцы захватили колоссальную территорию — от Нарвика в Скандинавии и до Тобрука в Африке, а осенью 1941 года опьяненный успехами фюрер хвастливо провозгласил, что в дни праздника Великого Октября его войска пройдут по московской Красной площади триумфальным маршем победителей. Вся Европа, истерзанная фашистами, все человечество затаив дыхание следило за гигантской битвой, разворачивающейся в Подмосковье.

Москва выстояла. Москва победила. Гитлеровцы не смогли пройти к столице и захватить ее. Л в декабре — январе они были разбиты наголову на большом участке фронта и отброшены вспять. В этом историческом подвиге воплотились могучие усилия кашей социалистической Родины, всего советского народа, развеявшего миф о непобедимости фашистских орд.

Бессмертные герои битвы под Москвой. Мужественная и одухотворенная Зоя. Образец стойкости — несгибаемые панфиловцы. Отважные сибирские стрелки. Добровольцы московского ополчения — молодые, а порой совсем юные рабочие и студенты...

Сегодня, через двадцатипятилетие, они снова с нами — победители. Живые и павшие. Мужчины и женщины. Солдаты и маршалы. Труженики тыла. Через годы мы словно вглядываемся в их суровые, мужественные лица, стремясь еще глубже представить значение и смысл их подвига. И потому нам бесконечно дорого любое документальное свидетельство тех героических дней — солдатские письма и приказы Советского Верховного Главнокомандования, рисунки в блокноте художника и кинокадры.

Заканчиваются съемки нового фильма «Ни убавить, ни прибавить...» режиссера Василия Ордынского по сценарию Константина Симонова и Евгения Воробьева. В ОСНОВЕ ФИЛЬМА — КИНО- И ФОТОДОКУМЕНТЫ ТЕХ ЛЕТ, СОВЕТСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ (некоторые из них мы публикуем в этом номере журнала). Зрители увидят и рядовых бойцов ополчения и прославленных полководцев — маршалов Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, которые, вспоминая отгрохотавшие четверть века назад сражения, побывали вместе с кинооператорами в разных уголках Подмосковья.

Страницы воинской славы близки и дороги нам потому, что в них с потрясающей силой воплощены замечательные качества советских людей — любовь к Родине, воля к победе, умение побеждать вероломного и жестокого врага. Их ратными и трудовыми подвигами навеки прославлена наша столица Москва!

Очерки писателя Евгения Воробьева впервые увидели свет на страницах газеты Западного фронта «Красноармейская правда» без малого двадцать пять лет назад.

Эти очерки написаны в горячие дни подмосковной битвы, и в них ощущается дыхание боев тех дней, когда было нанесено жестокое поражение полчищам гитлеровцев.

Казалось бы, очерки не так уж масштабны — писатель и не ставил перед собой задачи осмыслить в этих зарисовках историческое значение первого крупного поражения фашистских армий. Он писал о защитниках Москвы — учителях, телефонистах, врачах, — о том, как из рядовых людей самых мирных профессий формируются воины, выковываются герои.

Но в этих фронтовых записях, рассказывающих о мужестве, самоотверженности, патриотизме советских людей, открывается секрет великого ратного подвига защитников Москвы.

«Внимание, идет съемка!» Четверть века назад маршал К. К. Рокоссовский и генерал Н. Г. Павленко воевали здесь, в Подмосковье. А сейчас кинообъектив запечатлел их для нового фильма «Ни убавить, ни прибавить...».

ЕВГЕНИИ ВОРОБЬЕВ

Священные камни древней Красной площади. Отсюда, прямо с октябрьского парада, полки идут в бой.

Рождение Командира

шали граната., приклад, пуля, рукоятка пистолета. или попросту сильные руки разведчика.

В этом коренастом человеке с массивными плечами угадывается большая физическая сила. Он может подкрасться и бесшумно снять часового, подмять его под себя и обезоружить. Он забыл фамилии взятых им в плен немцев, но помнит, что одного «языка» звали Людвигом, а другого Карлом.

Долго ходила за Александром Бараевым слава бесшабашного ухара. В пылу боя он часто забывал об осторожности и, по выражению санитарного инструктора Бутузова, «сгоряча шел на отчаянность».

Бутузов помнит, как Бараев, пытаясь выяснить местонахождение расположенных напротив наших позиций огневых точек, подполз с гармошкой к вражеским окопам. Он устроился за небольшим пригорком, достал гармошку и, чтобы подразнить врагов, принялся играть «барыню». Фашисты начинали обстреливать пригорок, а Бараев откладывал гармошку, брал в руки автомат и вел огонь из окопа, предусмотрительно отрытого им еще ночью в кустах. на самом пригорке. Очень скоро он «вызнал» точные адреса вражеских пулеметов.

Но с тех пор, как лейтенант Бараев начал командовать ротой, он понял: одной храбрости мало для того, чтобы стать хорошим командиром.

Александр Бараев вернулся из разведки накануне боя за деревню Кузовлево. Он пришел в порванной шинели, пропахшей порохом и гарью. На обшлаге и возле хлястика шинель была прострелена, одна нога опалена минным порохом.

По обыкновению он был немногословен и не спешил с рассказом, хотя, по-видимому, побывал в жарком деле. Бараев, как обычно, взял с собой в разведку семь гранат, запасные диски к автомату, а вернулся налегке и затем долго чистил закопченное оружие.

За плечами Бараева пятьдесят шесть вылазок в тыл противника, десятки стычек, исход которых ре-

Скоро наступление! Саперы-разведчики прокладывают путь пехоте через проволочные заграждения и минные поля.

Москвички... В эти суровые дни они рыли траншеи и окопы, сооружали заграждения, сваривали противотанковые ежи.

Давно ли учитель истории Александр Бараев рассказывал школьникам родного села Нижний Шкавт о походе Наполеона, о битве при Тарутине? Здесь русские разбили французов, согнали их со старой Калужской дороги и заставили свернуть на Смоленскую, уже выжженную и опустошенную.

И вот теперь он сам ведет бой неподалеку от Тарутина, у дороги, где на заснеженном холме стоит памятник героям Отечественной войны 1812 года. Гранитный обелиск весь в рябых отметинах от пуль и осколков. Столько раз Бараев проходил мимо него, что уже помнит наизусть надпись на обелиске: «На сем месте российское воинство, предводительствуемое фельдмаршалом Кутузовым, укрепяся, спасло Россию и Европу...»

И Бараев подумал, что здесь, в Подмоскowie, может быть, вторично решается судьба не только России, но и всей Европы.

Бой разгорелся в голой березовой роще. Фашисты отстреливались, прячась за пни, за стволы берез. Командир роты лейтенант Бараев полз в первой цепи. Он понимал всю меру ответственности, которая легла на его плечи. Идти, не пригибаясь, бравирюя, и рисковать сейчас без крайней надобности он попросту не имеет права. Ведь он отвечает за роту и за успех боя!

Когда рота вышла на прогалину, она попала под пулеметный огонь. Наступило короткое замешательство. Бараев чутьем понял, что наступил критический момент боя, когда колеблются чаши весов, и скомандовал:

— За мной!

Сейчас он не смеет считаться ни с какой опасностью. Промедление в начале атаки, когда превосходство только начинает накапливаться, очень опасно. Бараев правильно оценил обстановку и, используя элемент внезапности, рванулся вперед. Бойцы двинулись следом за командиром, броском преодолели открытое место.

Близко разорвалась мина, и командира кинула плашмя на землю. Его сшибла взрывная волна; и прежде чем Бараев встал на ноги, лес, по его выражению, «раза три перевернулся в глазах». Ему показалось, что стрельба вокруг прекратилась и в роще воцарилась тишина... Он хотел во весь голос подать какую-то команду, но не узнал своего голоса — едва слышно сипел.

Бараева серьезно контузило, но он не собирался покидать поле боя. Как он потом признался, ему больше всего на свете хотелось тогда полежать на земле, не двигаясь, закрыв глаза, хотя бы несколько минут. Но это было невозможно.

Перед утренним вылетом. Атака советских летчиков будет неотразимой.

На переднем крае — московская Пролетарская дивизия.

Преодолевая слабость и боль в ушах, Бараев шел впереди. Рядом с ним шагал Григорий Мурашкин — с недавних пор неотступный спутник Бараева в боях и надежный товарищ.

Знакомство с Мурашкиным состоялось в разгар боя за деревню Кузовлево. Бараев вылез на берег Пары, обессиленный длительным боем с четырьмя вражескими автоматчиками. К этому времени он уже расшвырял все гранаты, расстрелял из пистолета все патроны, кроме одного-единственного, оставленного про запас. Мурашкин сбегал к Наре, зачерпнул в каску воды. После нескольких глотков ледяной воды к командиру возвратились силы, и скоро его снова можно было видеть в самом пекле боя.

Сейчас Мурашкин вторично выручил своего командира. Лейтенант подавал все команды сильным шепотом.

— Слушайте командира! — кричал Мурашкин и звонко повторял слова Бараева.

Когда опасно шуришила мина на взлете или когда рядом шелкали разрывные пули, Мурашкин хлопал Бараева по плечу. Тот послушно припадал к земле, затем снова вскакивал и снова шел.

Березовая рота осталась позади, в просветах между деревьями показались поле и околица деревни.

Сейчас внезапность уже не была союзником, как в начале боя, и потому Бараев осмотрительно не спешил поднимать людей в атаку.

«Нельзя выходить на открытое место без разведки, — рассудил Бараев — Пусть бойцы сосредоточатся для атаки на опушке, под маской деревьев. Сперва нужно обнаружить пулеметы ирага. Тем более сумерки скоро подоспеют. Так что мы найдем пулеметы по отблескам».

В тот момент Бараев уже был уверен в благоприятном исходе боя. Его рота отобьет у фашистов еще одну русскую деревню! Но он стремился избежать лишних потерь. Он знал: никто не остановит теперь бойцов роты, ничто не возвратит противнику утраченной веры в свои силы. Кризис боя миновал, командир это знал твердо. Тем более что он уже установил точный адрес самого опасного, фланкирующего пулемета — тот торчал в голом кустарнике, метрах в ста пятидесяти восточнее стоящего у дороги сарая с соломенной крышей набекрень

Бараева так и подмывало желание подобрать смельчаков, взять над ними команду и самому подкрасться оголенными кустами к пулемету — там вспыхивали отблески. Но он боялся потерять нить управления боем, хотел сам выяснить, что делается

«а флангах роты, и своим присутствием поднять дух бойцов перед атакой.

К фланкирующему пулемету поползли две группы добровольцев. И вскоре старший сержант Киселев, тот, который подкрался слева, забросал гранатами расчет тяжелого станкового пулемета.

— Кому дорога Родина, вперед! — закричал Мурашкин, транслируя шепот Бараева.

Выстрелы. Перебежки. Безмолвие рукопашного боя. Еще выстрелы.

Бараев, подхватив винтовку раненого бойца, бежит вперед. Он бежит не очертя голову, а так, чтобы не упустить из поля зрения всю панораму боя — рошу, скобоченный сарай возле дороги, околицу деревни.

Пылает на дороге тупорылый немецкий грузовик. Он растапливает вокруг себя снег внезапным жаром. Наш пулеметный огонь становится плотнее. Это Киселев развернул захваченный пулемет и «подметает» деревенскую улицу, косит бегущих фашистов. Бараев снимает с убитого фашистского офицера еще одну, четвертую по счету, полевую сумку и отдает ее неразлучному Мурашкину. Тому все труднее шагать по глубокому снегу, он увешан офицерскими сумками. Но Бараев не зря воевал в разведке, он понимает, что иная сумка офицера, набитая картами, может оказаться разговорчивее самого словоохотливого «языка».

Бой отремел. По деревне с визгом бегают сорвавшийся с привязи поросенок. В избах на столах и в печах остался немецкий обед: кое-где его не доварили, а в иных избах не успели съесть.

Санинструктор Бутузов со своим помощником бережно несут на носилках старшего сержанта Киселева. Он ранен в ногу осколком мины. Бараев подходит, благодарит смельчака «за стойкую драку» и пожимает ему руку.

Кто-то докладывает командиру о трофеях — следует перечень орудий, минометов, пулеметов, счет убитых врагов.

Но, помимо всех этих трофеев, есть еще один по бедный итог боя, никем и нигде не записанный. В бою за деревню Кузовлево бывший учитель истории лейтенант Александр Бараев получил боевое крещение как умелый командир роты.

В боях западнее Малоарославца старший лейтенант Бараев стал командовать батальоном. Выросло его командирское умение, расширился тактический кругозор. Да, командовать батальоном, тем более обескровленным, потруднее, нежели самому возглавить группу разведчиков и совершить лихой набег на боевое охранение противника. Только теперь Бараев понял, насколько легче было командовать ротой. Совсем другая мера ответственности, совсем другая тяжесть легла на его плечи.

Свой воинский опыт он умножил в боях под Медью, эти бои пришлось вести в метельные дни, в снежное бездорожье.

Напоследок я видел Александра Бараева в той самой деревне Кузовлево, которую он когда-то с малыми потерями и так умело отбил со своей ротой. Теперь в деревне разместились полковой медпункт. Я нашел комбата Бараева на снях, которые только что подъехали к медпункту.

— Носилки комбату! — приказал военврач Игорь Котелевский, сбегая с крыльца, над которым был укреплен флажок с красным крестом. — Живо!

К Бараеву подбежали санитары с носилками, но комбат запрещающе поднял руку:

— Сперва унесите его.

Рядом с Бараевым на снях лежал его адъютант Григорий Мурашкин.

Бараев ранен в левый локоть. У Мурашкина тяжелое ранение в живот. Пока адъютанта не внесли в избу, Бараев не двинулся с места.

Он числился сидячим раненым и после перевязки ночь напролет провел возле друга. Он смачивал губы Мурашкина водой и бережно подносил сигарку; тот делал одну-две затяжки из его рук.

Утром Бараева и Мурашкина отправили в медсанбат. Они уехали в одной машине. И снова комбат сидел у ног своего адъютанта, пытаясь хоть чем-нибудь облегчить его страдания.

Малоарославцевское направление.

8 декабря 1941 года Александр Бараев был награжден орденом Ленина. 14 февраля 1942 года его наградили вторым орденом Ленина.

осколок снаряда перерезал телефонный провод, и он повис на шестах безжизненными обрывками.

Пусть наблюдатель батареи кричит в трубку до хрипоты, до изнеможения, надрываясь изо всех сил, а телефонист полка вслушивается, до боли прижимая наушники к ушам, — он не услышит ничего.

Но вот из каких-то пунктов навстречу друг другу выходят два связиста. Они движутся вперед наперекор близким разрывам снарядов, от которых ходуном ходит земля. Если нельзя идти в рост, они идут пригнувшись, они ползут, но кто-то из них находит место обрыва, срывает концы провода, и к телефону где-нибудь в штабной землянке вновь возвращается дар речи.

Не подсчитать, сколько раз начальник направления связи Василий Самохвалов исправлял под огнем линию, сколько раз срывал концы провода, перерубленного осколком, пулей, сметенного взрывной волной. В такие минуты не думаешь об опасности, не думаешь ни о чем, кроме молчащих телефонов, и кажется, вся линия твоей жизни полностью совпадает с линией связи.

Самохвалову случалось сутками просиживать в штабной землянке, не снимая наушников. Он держал связь с батальонами и батареями в такой обстановке, когда, казалось, о связи мечтать нечего.

В деревне Алексеевке Самохвалов начал дежурство, когда изба была жарко натоплена. А ушел из нее замерзший, с аппаратом под мышкой через пролом в стене. Оконные переплеты были вмяты внутрь силой близкого разрыва бомбы, крыша и дверь сорваны.

Имба была полуразрушена, но узел связи, или, проще говоря, Василий Самохвалов, лежащий на полу с телефоном, продолжал работать.

— Олень! Олень! Ты меня слышишь? — надрывался связист, сляясь перекричать смертный грохот бомбежки. — Я — Озеро Дайте Цусиму, дайте Цусиму!..

В деревне Кутино Самохвалов держал связь, когда на улице появились три фашистских танка, а автоматчики противника показались на околице. Имба, в которой сидел Самохвалов, загорелась. Но по-прежнему в углу горницы, под иконами, сидел человек, который называл себя «Енисеем» и сорванным, хриплым голосом выкрикивал какие-то цифры, ориентиры.

Потом «Енисей» прекратил существование, и Самохвалов под огнем огородами пробрался в ближний лес. Он шел, навьючив на себя два телефонных аппарата, коммутатор, катушку с штабным кабелем и еще кое-какое имущество.

Начальник направления явился к своему командиру Кирюшину обессиленный, охрипший так, что совсем не мог говорить, и шепотом доложил о своем прибытии.

В эту минуту Василий Самохвалов был по-настоящему счастлив, как бывает счастлив человек, который знает, что он честно выполнил долг и отлично сделал работу, которую сам любит. А двадцатидвухлетний Самохвалов как раз относился к числу тех людей, которые бесконечно любят свое дело.

Еще подростком он пристрастился к телефону и телеграфу. Стал мастером конторы связи в Курске, преподавал электротехнику, ремонтировал аппараты, коммутаторы и все это делал с увлечением.

Семнадцать девушек работали в одну смену на телефонной станции. И когда Самохвалов звонил с линии после очередного ремонта, все телефонистки узнавали его по голосу, весело откликались и включали Васю в сеть.

Провода, согретые теплом человеческих голосов, тянулись через весь город и дальше, в сельсоветы, машинно-тракторные станции, на аэродром. Сотни людей разговаривали одновременно по телефону: давали какие-то распоряжения, вызывали врача к больному, передавали сводки о посеве свеклы, улавливались о свидании, узнавали о прибытии самолета. Большая жизнь текла по этим проводам, и Самохвалову было радостно знать, что слышимость хорошая, что сеть работает нормально и никто не жалуется на перебой.

Вот так же и на фронте — старший сержант Василий Самохвалов радовался каждый раз, когда ему удавалось быстро наладить связь, исправить линию, помочь своему командиру, сидящему в штабе за картой, стать дальнзором, осведомленным.

Все это был творческий труд, несущий удовольствие мастеру. Думал ли когда-нибудь Самохвалов, что ему придется разрушать связь, резать провода, омертвлять их?..

После жестокого боя кавалерийский полк, в котором служил Самохвалов, прорвался к линии железной дороги, ведущей к Вязьме. Это было в дни рейда конников по тылам врага. Вдоль полотна шагали телеграфные столбы — вражеская линия связи, которую нужно было вывести из строя во что бы то ни стало.

Самохвалов и его помощник сержант Сергей Иванов подъехали к железнодорожному полотну на рас-

свете, оба верхом. Сергей Иванов, помимо всего прочего, был вооружен пилой и топором.

Столбы не были врыты в землю, их нарастили на обрубки рельсов, так что пилить столб было очень неудобно — трудно дотянуться пилой до бревна.

Фашисты заметили разведчиков и открыли огонь из пулемета. Сквозь гулкое гудение проводов доносился посвист пуль, несколько пуль впились в столб. Но Самохвалов и Иванов пилили, вытянув затекшие руки над головами, со спокойной деловитостью, будто дело происходило не на виду у противника и не под огнем, а где-нибудь на стройке колхозной школы, будто Самохвалов с помощником не связисты, а заправские плотники.

Столб завалился в сторону железнодорожной насыпи. Он повис наклонно на туго натянутых проводах, которые по-прежнему гудели, продолжая жить.

Самохвалов залез на рельсовую подпорку столба, достал клинок и, стоя на срезе, пытался клинком перерубить провод. Проволока звенела под ударами, но поддавалась с трудом. Ему удалось перерубить два провода, оставалось еще десять.

Тогда Самохвалов и Иванов ухватились руками за провода и повисли на них, пытаясь сдвинуть столб с места и повалить его на землю, но безуспешно. На помощь подошел Кирюшин, командир Самохвалова, и работу продолжали вдвоем.

Самохвалов заткнул топор за пояс, сел на телеграфный столб верхом и полез по нему к гудящим проводам, не обращая внимания на пулеметный огонь. Первый раз он ударил топором по изолятору довольно неуверенно. Как-то не поднималась рука бить по фарфоровым чашечкам, которые он привык беречь. Он рубил провода, балансируя на скользком, неустойчивом бревне, и подбирался к верхушке столба. Одна пуля впилась в столб рядом с кистью руки, другая — выше головы, но удача, видимо, в тот день была заодно с Самохваловым.

Вот уже осталось только два провода. Самохвалов понимал, что перерубить последний провод не так-то просто. Тяжелый столб, который сейчас пружинит, потому что провода тянут его в разные стороны, не просто рухнет на землю, а еще сделает в воздухе какой-то выверт. Но выбора не было, и Самохвалов ударил топором по туго натянутому проводу.

Провод лопнул, столб подпрыгнул, дернулся в сторону и, наконец, упал.

Самохвалова швырнуло со столба за рельсы, он больно ударился о насыпь, и Кирюшин помог ему прийти в себя, встать на ноги и выпутаться из проводов*. Самохвалов посмотрел на дело рук своих — спиленный столб, вялые, уже безмолвные провода, битые куски фарфора на земле.

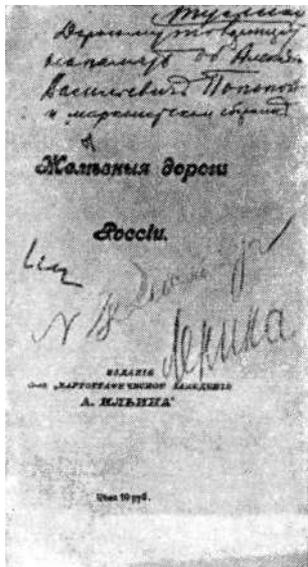
И в эту минуту он опять был по-настоящему горд, как бывает доволен человек, который знает, что хорошо сделал свою работу, хотя на этот раз Самохвалов ничего не строил, а только разрушал.

Самохвалов дошел до коня, который ждал его в укрытии. Он вдел ногу в стремя, но сам взобраться на лошадь не мог — не хватило сил. Коновод Василий Прокопьев помог Самохвалову сесть в седло, и конники поспешили в лес к своим.

Волоколамское направление

Василий Самохвалов был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

АТЛАС ЛЕНИНА

А. ШАМАРО

КРУШЕНИЕ «КОЛЧАКОВИИ»

Мы еще придем. Мы еще придем потому, что здесь НАШИ фабрики и земля, НАШИ дома, НАШЕ достояние.

Мы еще придем потому, что сила наших врагов слабеет, а мы растем от притока сил.

Мы еще придем. И пусть помнят палачи трудящихся, что смеется хорошо тот, кто смеется последним, мы вступили в последний, решительный бой с угнетателями, и для них он действительно будет ПОСЛЕДНИМ.

Пусть труссы бегут от революционной борьбы. Нам не страшен враг».

...Июль тысяча девятьсот восемнадцатого — в красных отблесках суровых боев. Екатеринбург... И вот это — прощальное воззвание Екатеринбургского Совета к рабочим-уральцам: «Мы придем! Белые будут сокрушены!..» Надежда и вера. Даже в тяжелый час отступления.

Седой могучий Урал. Да, именно сюда переносимся мы теперь из черноземных краев Центральной России с ее нивами, перелесками и медленными реками, из тех мест, где происходили события, о которых говорилось в предыдущем очерке («Вокруг света», 1966, № 4). В атласе Ленина мы открываем новый лист, новую карту, отмеченную но-

мером XIV. В ее рамках — огромная территория: от Оренбурга до Соликамска и от Казани до Кургана. И ленинские пометки... Внимание Ильича приковано к Приуралью, где разворачиваются важные события. Вождь революции верит, знает, что пройдет время — и отступающие красноармейские полки остановят белых и снова пойдут вперед.

В мае — июне 1918 года поднял мятеж чехословацкий корпус, который направлялся в эшелонах по Транссибирской железной дороге во Владивосток. С помощью белочехов пришли к власти контрреволюционные «правительства» в Поволжье, на Урале и в Сибири. А 18 ноября того же года в результате военного переворота в Омске власть захватил «верховный правитель» — адмирал Колчак.

На первых порах Колчаку удалось добиться успеха: его дивизии на исходе декабря 1918 года захватили Пермь и стали прорываться к Вятке. Это были тревожные дни. В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта В. И. Ленин связывал судьбы революции с необходимостью до следующей зимы завоевать Урал.

Стойкость, выдержка большевиков отвели от Советской республики смертельную угрозу. Красная Армия стала теснить колчаковцев и в начале июля вышла на линию Пермь — Кунгур — Красноуфимск... Пришел день, когда легендарный начдив Азии отдал бойцам один из своих пламенных приказов-воззваний:

«Звездоносцы, боевые орлы 28-й стрелковой дивизии!

Не одна лавровая ветвь вплетена вами в победный венец Пролетарской Революции,— их много.

Славные бои с чехословаками под Казанью, взятие Чистополя, Елабуги, Сарапула, Ижевска — вот те кроваво-красные рубины, которые вкраплены вашими руками на страницу боевой истории дивизии.

Довольно отступления! Ни шагу назад! Революция приказывает вам идти вперед, за рубежи Урала! Прочь усталость! Революция не знает отдыха!»

И именно с этими днями связаны две пометки в ленинском атласе: Кузино и Екатеринбург. В эти дни, в раскаленный июль 1919 года, лежит и путь нашего журналистского поиска.

В моих руках один из последних номеров колчаковской «военно-литературной газеты» «Голос сибиряка», 6 июля 1919 года... На первой странице

напечатан пространный «военно-политический обзор», в котором выделены следующие строки:

«Положение дел на нашем сибирском фронте есть вполне нормальное и последовательное стратегическое явление. Наши неудачи имеют исключительно местное значение. Весь вопрос сводится к выигрышу времени и упорной обороне, пока блестяще начатое наступление наших северных и южных армий не создаст большевикам полное поражение на юге...

Будет, несомненно правильным сделать еще один вывод: в самом непродолжительном времени на нашем фронте произойдет перелом в военных действиях, конечно, в нашу пользу. Большевики начнут не отход, а «бег» на ту же Волгу...»

Вот так за восемь дней до вступления в Екатеринбург красных дивизий колчаковские обозреватели пытались успокоить (или обмануть?) своих читателей.

Однако признаки агонии были уже несомненны. Город, отданный во власть головорезов атамана Анненкова, переживал страшные дни. Расстрелы рабочих. Насилия. Грабежи. Пятница 10 июля стала поистине «черной пятницей» даже для купцов, хозяев магазинов и лавок — тех самых колчаковских верноподданных, которые еще вчера смотрели на

ПОЛВЕКА СПУСТЯ. Там, где грохотали бои гражданской, ныне возникают новые ажурные цехи Нижне-Тагильского металлургического комбината-гиганта.
Фото А. ПТИЦЫНА

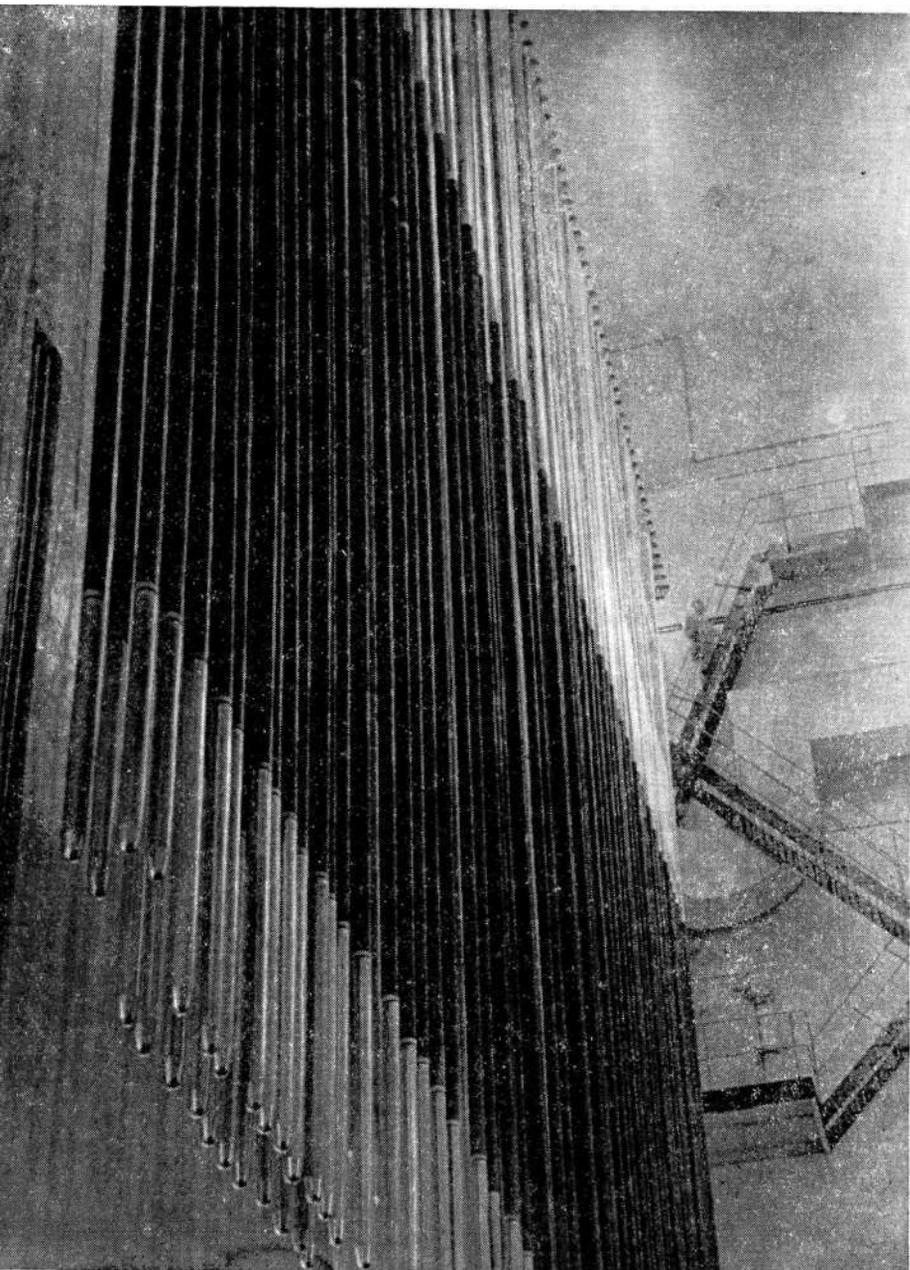
белогвардейцев, как на своих надежных защитников. «Защитники» громили магазины.

А в это время по Сибирскому тракту между селом Грбово и поселком Билимбаевским, в пятидесяти верстах западнее Екатеринбурга, уже двигалась 28-я красноармейская стрелковая «Железная» дивизия.

Передо мной воспоминания комиссара «Железной» Г. Пылаева, словно хранящие пороховой запах тех далеких боев.

Был жаркий солнечный день, колонны красноармейцев безостановочно продвигались вперед... Пехота, артиллерия, обоз, опять пехота... Пыль густой пеленой висела над старинным трактом, и красноармейские колонны будто «ныряли» в нее.

**ПОЛВЕКА СПУСТЯ. В Белоярске мирный атом работает на коммунизм.
Фото АПН**

К полудню разведчики 250-го полка подошли к Билимбаевскому заводу. Возле окраинных построек внезапно показались кавалеристы.

— Колчаковцы!

Затрещали выстрелы. Пехотинцы пробежали по улицам и на пригорке за поселком растянулись в цепь. Установили пулеметы. Несколько рот красноармейцев бросились в лес, чтобы перерезать колчаковцам путь к тракту... Короткая яростная схватка нарушила монотонность марша. Дивизия снова двинулась на восток.

Вскоре был занят и Шайтанский завод.

— Товарищ комиссар! — крикнул политком полка, вбежав в комнату Пылаева. — Нашли! План города нашли! И человека. Был там всего несколько дней тому назад.

— Давай его сюда.

В дверях показался съезжившийся от испуга человек в потертой чиновничьей фуражке.

— Здравствуйте!..

— Здравствуйте! Вы кто такой будете?

— Я — лесовод... У меня, товарищ комиссар... этот план.

— Показывайте.

Дивизионный и полковой комиссары склонились над планом.

Посыпались отрывочные вопросы: «Где штаб?». «Где городская дума?», «Где почта?», «Где тюрьма?», «Где банк?»

Лесовод отвечал, пояснял.

— Вот что, Михаил, — распрямив спину, обратился Пылаев к своему ординарцу. — Скажи комиссарам первой и третьей бригад, чтобы они собрали комиссаров полков и батарей и немедленно сюда.

Необходимо было срочно размножить план в 15—20 экземплярах и нанести на каждый из них важнейшие пункты города. Хозяин квартиры — рабочий местного завода, его жена, две дочери и сам лесовод бегали по поселку, разыскивали служащих заводского управления, гектограф, бумагу, копировальные чернила — и уже часа через три полковой комиссар держал первые свежотпечатанные листы городского плана.

Бригады и полки 28-й дивизии получили приказ 15 июля быть в Екатеринбурге. Все было написано заранее: каким полкам брать город, кому взять под охрану городские учреждения, кому освобождать из тюрьмы политических заключенных.

Севернее 28-й дивизии, вдоль железнодорожной ветки от Лысьвенского завода до станции Кузино, наступала 21-я дивизия. Ку-

зино... Станция, отмеченная в атласе кружком. Карандаш Ленина коснулся этого места на карте, вероятно, в дни наступления красных войск на Екатеринбург. В какой именно день? Может быть, в тот, когда 258-й полк этой дивизии после боя вышел к станционным путям?

В составе полка воевал И. П. Ермаков. Мне удалось найти его рукописные воспоминания в архиве Свердловского краеведческого музея.

— По пристанционным улочкам, — вспоминает И. П. Ермаков, — стелился едкий дым — на путях пылали составы. Горели вагоны со станками, вывезенными с Лысьвенского завода, мукой, мылом, солью.

Но радость победы была велика. Впереди уже открывался знаменитый Сибирский тракт, где оба потока — 28-я и 21-я дивизии — слились и 14 июля начали последний бросок на Екатеринбург.

Красноармейские части подходили уже к западным окраинам города. Сопротивление колчаковцев усилилось. Броневики белых то и дело вылетали навстречу и жалили пулеметными очередями. Но все было напрасно. Революционные полки неудержимо двигались вперед. Сама близость столицы Урала воодушевляла, торопила.

Вечером 14 июля 258-й полк начал бой на переправе через реку Исеть... «Энтузиазм бойцов, — рассказывает Ермаков, — был настолько велик, что под сильным огнем противника орудия переправляли через реку и прямой наводкой били по сопротивляющимся колчаковцам».

15 июля, 3 часа ночи... Полк вошел в Верхне-Исетский поселок. Все население было на улицах. Над крышами растекался дым — добрый дым из топящихся бань, из печей, в которых пеклись для красноармейцев оладьи и блины.

От Вятки начался этот поход, целью которого был Екатеринбург. Сотни километров, десятки дней. А теперь — последние часы...

В этот же день — 15 июля 1919 года — огромный пожар на станции затянул небо клубами черного дыма. Здесь, как и в Кузине, белогвардейцы уничтожали все, что не могли украсть у народа.

«Мне уже 62 года, я никогда не писал воспоминания, — говорится в записях екатеринбургского рабочего-железнодорожника А. П. Белоусова, хранящихся в Свердловском музее, — но в день освобождения Урала я пишу воспоминания, чтобы все знали и помнили о зверствах белых. Колчаковцы ухитрились из Екатеринбурга. На станции Екатеринбург! они облили керосином вагоны с товарами и подожгли».

Было ветрено. Быстро охватил пожар все пути. Целое море огня катилось по линии. Я кинулся в город. Но пожарных машин не было — белые позаботились разломать или вывезти их. Тогда из рабочих я организовал дружину, которая взялась за тушение пожара и откату еще не загоревшихся вагонов.

В это время уходила последняя конная часть белых. Проезжая мимо станции и видя, что рабочие стараются остановить пожар, белые стали бить рабочих плетями. Не пощадили даже мальчишка-подростка».

Пожар был таким сильным, что огонь согнул, искорежил рельсы на станционных путях... Позднее специальная комиссия Всероссийского Совета народного хозяйства подсчитала ущерб, нанесенный кол-

чаковскими поджигателями: до тысячи вагонов, груженых народным имуществом, которое белые не успели вывезти. В одной из комнат вокзала разведчики увидели тела расстрелянных рабочих...

Рано утром 15 июля Екатеринбург был освобожден от белых. Ровно 10 дней «не дотянула» белая власть до своей первой — и последней — годовщины. Красноармейские полки хлынули в город.

«Трудно описать такие моменты участию их. «Интернационал» красной кавалерии... Крики «ура» в тюрьме... Торжественная встреча рабочих с молоком и хлебом возле тюрьмы... Орудийная стрельба по удирающим из города... И удалая кавалерийская гонка по улицам с оружием в руках, пролетевшие мимо ушей несколько пуль... Красный свет пожара, радость пролетария окраины и желание схватиться с казаками в городе... Все смешалось в один радостный, светлый, незабываемый порыв...»

Так рассказывал комиссар 28-й дивизии Г. Пылаев. И может быть, в эти часы, насыщенные радостью победы, родились у артиллериста-красноармейца Иванова простые, но по-своему волнующие стихи, которые напечатала вскоре дивизионная газета «Красное знамя»:

Пощады нет от нас врагу,
Бери за ворот мироеда;
Свернем мы шею Колчаку.
Вперед! Да здравствует победа!

В тот же день телеграф доставил весть о победе Владимиру Ильичу Ленину, а в атласе мы видим еще одну небольшую отметку.

15 июля 1919 года, отправляя в Пермь «с оказией» письмо Надежде Константиновне Крупской, совершавшей поездку по Волге и Каме на агитационно-инструкторском пароходе «Красная Звезда», Ленин писал:

«На фронтах восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбурга».

В тот же день около тысячи красноармейцев в клубе «Кукушка» на Ходынском (ныне Октябрьском) поле в Москве восторженно приветствовали своего вождя, выступавшего с речью о внешнем и внутреннем положении. Особо В. И. Ленин остановился на уральских делах.

— Теперь ясно, что Колчак погиб, — сказал Владимир Ильич.

К августу 1919 года весь Урал был очищен от колчаковщины.

«Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь! Ты приказал взять Урал к зиме. Мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем в Сибирь».

Так писали Ленину красноармейцы Восточного фронта

А вскоре по всей Советской республике, по всем фронтам, ее опоясавшим, разошлось «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», написанное В. И. Лениным.

«Товарищи! Красные войска освободили от Колчака весь Урал и начали освобождение Сибири. Рабочие и крестьяне Урала и Сибири с восторгом встречают Советскую власть, ибо она выметает железной метлой всю помещичью и капиталистическую сволочь, которая замучила народ поборами, издевательствами, поркой, восстановлением царского угнетения».

Революционные армии шли на восток...

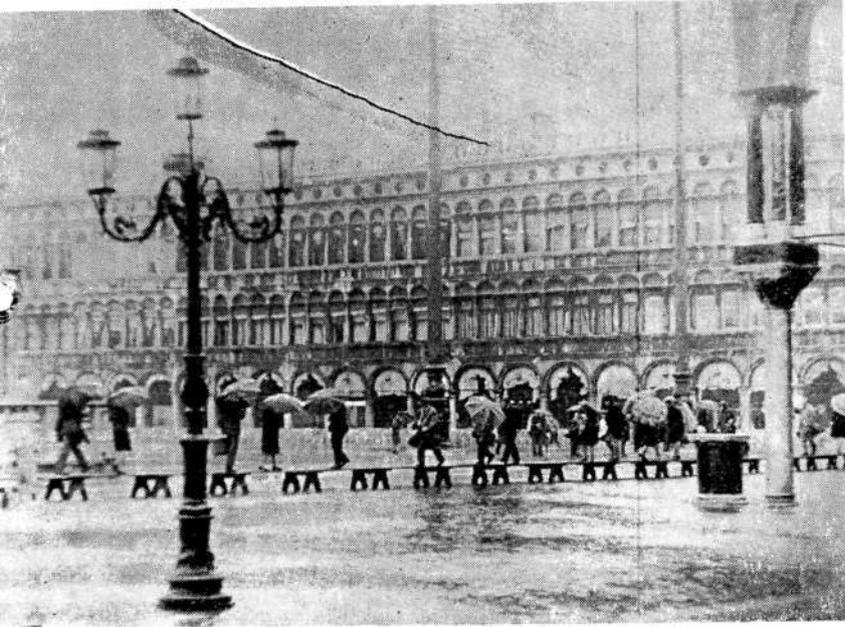

ПРОТЯНИТЕ РУКУ КОРОЛЕВЕ

Венеция, висящая между небом и морем, кажется чудом. Пожалуй, это единственный из всех крупных городов на земле, так первородно, без изменений сохранившийся на протяжении 400 лет. Окажись сейчас в Венеции один из самых ее знаменитых горожан — Тициан, он ориентировался бы в городе так же легко, как и в 1566 году. И площадь Святого Марка, и чудесные дворцы и церкви, и многочисленные каналы, и даже многие улицы с их лавками и магазинами — те же, что и тогда.

В середине пятого века жители материка, спасаясь от нашествия гуннов, заселили сто семнадцать крошечных островков обширной лагуны. Новая жизнь предъявляла особые требования к поселенцам. Чтобы построить дом, они заостряли верхушки срубленных деревьев и вгоняли их в зыбкую почву. Так были созданы фундаменты почти всех зданий нового города. Например, церковь Санта-Мария делла Салюте стоит на полутора миллионах таких свай. До сих пор могучий лес вогнанных в землю стволов держит на себе город, не давая ему погрузиться в лагуну. Величественные дворцы застыли над гладью каналов, ажурные мосты проплывают над узкими черными гондолами, и, как жемчужина в роскошной оправе, встает уникальный ансамбль площади Святого Марка...

Но вот в 1961 году появилось сообщение, которое потрясло город и подтвердило давние опа-

Королевой Адриатики называют Венецию. Королева давно не правит заморскими владениями и не собирает дань с подвластных ей жителей. Теперь она сама, всей своей красотой служит людям и могла бы служить еще века.

Но специалисты говорят, что по крайней мере половина из 200 дворцов Венеции нуждается в срочном ремонте, десятая часть всех домов города уже в безнадежном состоянии, а каждый шестой дом требует радикальной перестройки. Один из специалистов, ведущих постоянное наблюдение за строениями, профессор Марио Джотто, так сказал о своем городе: «Венеция похожа на больницу, в которой слишком много больных и слишком мало врачей...»

О. РУДАКОВ

Фото М. ОКУШКО

сеня ученых: Венеция медленно погружается в море. Около двух лет велись пристальные наблюдения за положением ста точек, выбранных в разных концах города. Результаты сравнили с подобными же исследованиями, проведенными в 1908 году. Оказалось, что практически город погружается в море на два с половиной миллиметра в год. Например, статуя Кампо Сан-Стефано в центре города погрузилась на 13 сантиметров. Понижение уровня островов привело к тому, что морские приливы стали вмешиваться в жизнь города. Когда сильный ветер дует с моря, вода остается в лагуне; наступает прилив, и площадь Святого Марка превращается в соленое озеро. Тогда люди идут прямо по грязной жиже, тогда строятся бесчисленные мостки, а гондолы плывут там, где раньше было сухо. Движение по каналам почти прекращается потому, что лодки не могут пройти под низкими мостами. Море вливается в двери магазинов, затопляет первые этажи.

До недавнего времени такие наводнения были не слишком часты: за 80 лет, с 1867 по 1947 год, зарегистрировано двадцать крупных наводнений. Но за последние 7 лет, с 1958 по 1965 год, — их было уже двадцать пять.

Однако приливы не единственная беда Венеции. Время и вода крошат фундаменты зданий, а чтобы отремонтировать их, приходится дожидаться, когда городские власти начнут чистить канал.

Будущее

АНТОНИО ГАРСИА
(Колумбия)

Рассказ

Предки Деметрио Касаса голодали из года в год уже целое столетие. Это были индейцы-пастухи, батрачившие на гасиенде. Они питались вяленым мясом, болтушкой из бобовой и маисовой муки, жили в конюшнях при помещицьем доме. И сейчас еще от Деметрио кисло пахнет сырмятными ремнями, которыми привязывают к плугу быков.

Его отец, Бенигно Касас, первый сбросил тяжкие столетние путы батрачества, которое постепенно превратилось в традицию семьи, стало своего рода религией и было неотделимо от представления о боге, создавшем неравенства, разделившем людей на богатых и бедных.

Бенигно, безбородый и высохший, пас скот на равнинах Касанаре, и там, в раскаленной пампе, затерянный со своим стадом среди бескрайних пастбищ, он восстал против древней традиции предков. В нем пробудилась вера в свои силы, и он разорвал рабскую, бессмысленную связь с землей, на которой медленно вымирали поколения сильных, суверенных и покорных индейцев. Он стал торговать скотом с Иса, Пуэблвехо, Тота, Лабрансагранде. Однажды, обходя деревни, он встретил женщину с лицом, выдолбленным ветрами с холмов. Звали ее Абигаиль. Они поженились. Вдвоем они продолжали кочевать: перегоняли скот с равнины в восточные деревни, продавали на дальних хуторах ткани и дешевые украшения.

На одном из постоянных дворов родился Деметрио. Деревенская повитуха выкупала его в воде, настоящей на травах, и запеленала. Абигаиль посмотрела в узкое оконце на звезды; свежий ветер дул с севера, и она решила, что это хорошая примета. Глухим от волнения голосом женщина проговорила:

— Пусть он идет твоим путем!

Бенигно повернул к ней плоское лицо с блестящими глазами: — Так... будь по-твоему.

И добавил, протянув руку, как бы желая погладить ее влажные, гладкие волосы:

— Так лучше!

Абигаиль испуганно подняла глаза.

— Один бог может это знать!

— Бог или он!

В детстве Деметрио постоянно разъезжал верхом по степи; он не видел, как его деды работали во время сева, как они спали в поле и питались земляными орехами, горячий водой с луком, бобами и чичей.

От вторых, преждевременных, родов Абигаиль умерла. В жесткую зимнюю непогоду она шла по болоту, где скотина увязала по брюхо, а с черного неба все лились и лились потоки дождя на ее голову, на грязную рубашку, на живот...

Оставшись один с Деметрио, старый индеец продал последнюю партию скота и приехал в Тунху в день пасхи, когда от солнца розовели слои глины на склонах гор. Здесь, в Тунхе, Деметрио вырос и стал взрослым мужчиной. Он сделался кузнецом. Огромной рукой брал он ногу лошади и опускал ее, словно пресс, на свое мощное колено.

Но камни, овраги, темные эвкалипты на вершинах холмов, серые пятна земельных участков волновали его, и в сердце росла тоска по деревне. Было и еще нечто: Тунха напоминала феодальное поместье. Церкви, большие порталы, мастерские, хлевы, даже каменные купели, оставшиеся от времен колонизации, — все, казалось ему, было связано с «домом в гасиенде», и от этого больно сжималось сердце. А главное — при мысли о деревне в ду-

ше Деметрио оживал древний печальный мир застывших каменных идолов; он чувствовал, как тянуло с полей сладким запахом наливающегося маиса и мягкое тепло струилось на рассвете от фыркающих коров.

Старый Бенигно понимал, что творится с сыном, и говорил горестно:

— Я знаю, чем это кончится.

И тут же посмеивался про себя: «Козу всегда в горы тянет!»

К этому времени у Деметрио Касаса уже была собственная кузница с маленьким горном, молотками, тисками, наковальней и новенькими блестящими мехами, которые пытели целые дни. По вечерам Деметрио смывал сажу с лица, бросал в угол кожаный фартук и уходил в предместье искать женщину. Там он однажды встретился с приглянувшейся ему девушкой и так же, как когда-то его отец, женился, не тратя времени на размышления.

Его жену звали Мерседес. Она была белая, веснушчатая, с румяными щеками и золотистыми волосами до пояса. Она родилась в семье ремесленника и получила воспитание в монастыре. Там ее научили играть на роале, читать молитвы и вышивать. Когда Мерседес увидела, что всему этому больше нет места в ее жизни, она смирилась и без возражений забвела все, чему ее учили. «Ничего не поделаешь!»

Пошли дети, а с ними — стремление к новой, лучшей жизни. Деметрио тщетно пытался укрепить благополучие семьи.

— Нам никогда не выйти из бедности.

— Кузнецы плодятся день ото дня.

— Надо обеспечить будущее.

— Наше будущее — в деревне!

Будущее...

Деметрио продал кузницу, купил механический плуг, семена и отправился на землю, в те самые места, где его предки гнули спину на помещицком поле.

Пыхтит котел. Кочегары еще раз прочищают блестящие трубы паровоза. Из толстого шланга льется в резервуар вода. Пассажиры теснятся на полках, опустив усталые лица. Нескончаемой вереницей бегут по перрону грузчики с корзинами угля, вереница тянется до первых домиков станции. Пассажиры третьего класса, раздувая щеки, поднимают с комическими усилиями свои тощие парусиновые мешки и чемоданы из грубой кожи.

Через несколько минут станция пустеет, тормозные вскакивают на буфера, двери пакгаузов запираются. Густой, полный угольной пыли дым застилает все. Удар колокола, удаляющиеся голоса... Колеса визжат по рельсам.

При первых толчках люди смеются, но вот поезд набирает скорость, в окно начинает порывами бить ледяной ветер, и лица становятся битыми хмурыми, на них застывает недоверчивое выражение. Все ошеломлены головокружительной смелой пейзажей, расплывающихся в паровозном дыму. Деметрио Касас сидит, держа на коленях двоих детей, и смотрит на живот же-

ны. Там, в ее теле, скрыто маленькое существо, которое увидит лучшую жизнь. Деметрио мечтает о сыне, сын — тонкая ниточка, тянущаяся в будущее.

Они сидят в вагоне третьего класса. Пассажиры — большей частью крестьяне — дремлют. Их жены присматривают за курами, которых везут на продажу, и жуют вяленую баранину. Под шерстяными накидками у них сумки; они достают из сумок пироги с мясом и шумно двигают челюстями, поглядывая искоса в окно на фантастический бег телеграфных столбов. Когда поезд останавливается, крестьянки высовывают головы из окна, как любопытные животные, и ветер треплет их грязные волосы. А когда они снимают измазанные селитрой и золой фартуки, вырисовываются их круглые груди.

На станциях нищие стучат костылями по камням. Они просят милостыню, машинально, повторяя одни и те же давно заученные слова. Деревенские ребятишки вертятся возле них. Они учатся тоже протягивать руку и смотреть глазами благодарной собаки.

— Господин, у меня жена прожженная!

— У тебя?

— Да, сеньор.

— Для нее ты и просишь?

— Да, господин.

— Ну, тогда проси сразу для троих!

Ковыляя, подходит нищий и говорит тихо:

— Я голодаю, сеньор.

Если это не трогает, продолжится бесконечный перечень:

— Я голодаю, и у меня четверо детей.

— И маленький только что умер.

— И брата разбил паралич.

— И...

Грохот поезда покрывает, ослепляющее.

Оуката. Изможденный индеец тянет по перрону за недоуздок двух кляч под грязными седлами. С одного седла свешиваются штаны для верховой езды, они болтаются в воздухе, будто ноги мертвеца. По широкой уличке вышагивает старый, сторбленный сеньор в накрахмаленной манишке, за ним супруга, вся в кольцах, и робкая румяная дочка с раскосыми кошачьими глазами. Индеец рысью бежит за ними в облаке пыли.

Сотакура. Каналы, маисовые поля, сосны, вишневые деревья, изможденные дети с мотыгами в руках согнулись над серой коркой земли. Толпа торговков наполняет воздух криками. Даже трудно поверить, что такие звуки могут вырываться из человеческого горла.

— Э-эй! Налетай!

— Булочки, кофе, яблоки, куры!

Кто-то предостерегающе кричит:

— Осторожно, поезд отходит!

Деметрио не по себе, его раздражает сомнение.

Снова мелькают узкие пласты чернозема, песок, белая глина, известняки. Земля все бесплоднее, Местами — сероземы, которые тянутся по вершинам холмов, словно полосы дыма.

В деревнях — глиняные стены, увитые плющом. Во внутренних дворах на поросшей мхом земле лежат индейцы. Дети в рубашонках из грубого полотна прыгают вокруг умирающих лошадей. У дверей домов сидят старухи с закутанными лицами, видны только глаза и нос. Они прядут, не отрывая глаз от веретена.

Но горше всего Деметрио смотреть на красивых девушек. Они выходят к поезду в надежде, что кто-нибудь увезет их с собой. Они хотят жить. Их позы — издевательства над деревенской добродетелью. Они рвутся к жизни и не хотят больше лжи. Их жадный пристальный взгляд притягивает против воли. Он умоляет, зовет, проклинает, обещает. Девушки знают, что они товар, все равно — на рынке добродетели или на рынке порока.

Дальше *Дуитам* — яблоневый

Рисунок Ю. АРНДТА

сад. Из-за глиняных стен высываются верхушки яблонь, покрытые белым пухом; словно деревья, тоскуя в одиночестве, посыпали пеплом свои головы. В долинах между холмами пшеница выше. В деревянных ящиках продают кислые сливы. Их густо-лиловый цвет контрастирует с желтыми, пахнущими табаком руками нищих. Хриплые голоса полны враждебности:

— Давай скорее!

— Я не продаю, понятно?

А один голос тянется, ползет по земле, как паралитик:

— Ради господ бога нашего..

Деметрио думает о том, как велик бог, если он приходит даже сюда, в эту глушь. Глаза его снова затуманиваются. Прочь! Это лишь мимолетная слабость! И с чего, в самом деле...

Валье де Соамосо — свежий, детски невинный пейзаж. А по склонам холмов опять тянется полоса бесплодной земли. Крестьяне на своих участках пытаются кое-как бороться с неурожаем. В долинах пасется упитанный скот с гасиенд, и крестьяне смотрят на него со смутной злобой, смотрят сверху вниз, с высоты своих жалких ранчо, своих тощих коровенок, своего голода.

Наконец перед сияющим Деметрио Касасом раскинулось бескрайнее зеленое поле. Он огородил свое маленькое владение проволокой. С балкона его дома виднелись в котловине огромные скотные дворы гасиенды, где все Касасы были батраками. С самого начала Деметрио предвидел, как сложатся дела. Он сказал жене, указывая на помещичий дом:

— Смотри, Мерча. Вон там, внизу, — наш враг. Нам придется драться.

— Но мы совсем одни.

— Эти, внизу, тоже одни. Их пеоны такие же, как мы.

Обитатели гасиенды поднялись к ранчо «Гора», чтобы поздороваться с Деметрио Касасом.

— Сейчас опасно сеять. Ветры, морозы...

— А! Да. — И добавил как человек, уверенный в успехе: — Чтоб не отстать от других, приходится рисковать.

— Мы можем посеять вместе.

— Я хочу один. Спасибо.

Сначала, пока Деметрио расчищал землю, борьба не была такой беспощадной. Деметрио даже пригласили отведать соленых земляных орехов. Но потом, когда он наладил механический плуг,

у него сманили работников. Его окружили со всех сторон. Ему не продавали ни хлеба, ни молока. Пришло время полоть, а деньги кончились. Последние сбережения ушли на оплату поденщиков. Но Деметрио не сдавался. Ведь он боролся за будущее! Он взял денег в долг и продолжал работать. Затраты были огромны, и пришлось снова доставать денег в долг. На этот раз он заложил «Гору».

— С урожая я все выплачу.

Он победно улыбался:

— Ну, если это все...

Но это было еще не все. Сняли урожай, а долги остались висеть на нем по-прежнему. Те, снизу, с гасиенды, заранее скупили все зерно у мелких фермеров и сбили цену. Деметрио снова взял займы, чтобы дожидаться повышения цен. Он продал кое-что из инвентаря, но те, из большого дома, предвидели и это. Ему отрезали все пути к спасению: прошел месяц, а цены не повышались. Пришлось уступить. С удвоенной энергией он принялся снова сеять. «Нижние» приходили посмотреть, как идут дела, и говорили, сочувственно улыбаясь:

— С нами бывало так же, Деметрио.

— Кто рискует — тот рискует. Ничего не поделаешь.

Однажды утром он обнаружил, что сломан плуг. С искаженным злобой лицом он прибежал в гасиенду.

— Я знаю, чьих это рук дело!

— Нам очень жаль, Деметрио. Кто-то явно хочет тебя разорить.

— Кто-то? Ха-ха! Это-то я знаю!

— Ты еще можешь продать нам землю...

— Да, да! Я отдаю ее вам! Берите!

Он с яростью взглянул им прямо в глаза:

— Держите карман шире! Поняли?

Не сказав больше ни слова, он повернулся и вышел. Этой ночью Деметрио Касас плакал первый раз в жизни. Лежа в постели, он зажимал рот большими руками, сясь подавить рыдания.

На продаже второго урожая он потерял еще больше. И тогда Деметрио Касас заколебался. Теперь было уже все равно, откуда придет последний удар. Он пришел из его собственного дома. Однажды ночью, когда ущербленный месяц мутным светом освещал балконы, Деметрио услышал шаги на лестнице... потом

короткий кашель и лошадиное ржание за оградой. Он зарядил револьвер и приоткрыл окно.

Первым движением его было сразу нажать курок. Но он тут же овладел собой. Ежедневная тайная свирепая борьба научила его быть сдержанным.

Он ясно рассмотрел прибывшего: это был индеец — управляющий гасиендой, той самой гасиенды, где трудились когда-то предки Деметрио. Деметрио стоял неподвижно и видел, как его жена, все еще красивая, в черной мантилье, уселась на седло впереди управляющего. Он видел, как они выехали из ворот «Горы». Тогда-то Деметрио Касас завыл, как собака, избиваемая в доме, который она стережет.

В комнате Мерседес он увидел развороченную постель и пустой сундук из-под платьев.

Он велел оседлать лошадей, разбудил детей и отправил их с двумя пеонами в Сагамосо. Маленького несли поочередно две служанки. Теперь остались только дрожавший от холода на внутреннем дворе пастушонок, две коровы, лошадь да сам Деметрио. Он приказал мальчику гнать коров в деревню. Когда тот скрылся из виду, Деметрио запер на замок все ставни, двери и выехал в поле. Он ехал на своем гнедом по только что вспаханному полю, униженный и одинокий.

Когда он подскочил к гасиенде, уже светало. Он остановился у скотного двора и, приподнявшись на стременах, крикнул. Из дома выскочил управляющий с ружьем и метнулся в поле. На втором этаже приоткрылось окно.

К Деметрио подошел, опустив голову, индеец-арендатор. Печально, тихим голосом он проговорил: — Я вам хотел сказать, дон Деметрио...

— Молчи, ты, навоз! С тобой говорить нечего... Ты... Раб — вот ты кто!

Он вдруг как бы успокоился и положил руку на плечо индейца.

— А почему, приятель?

Тот не отвечал, и видно было, как он дрожит.

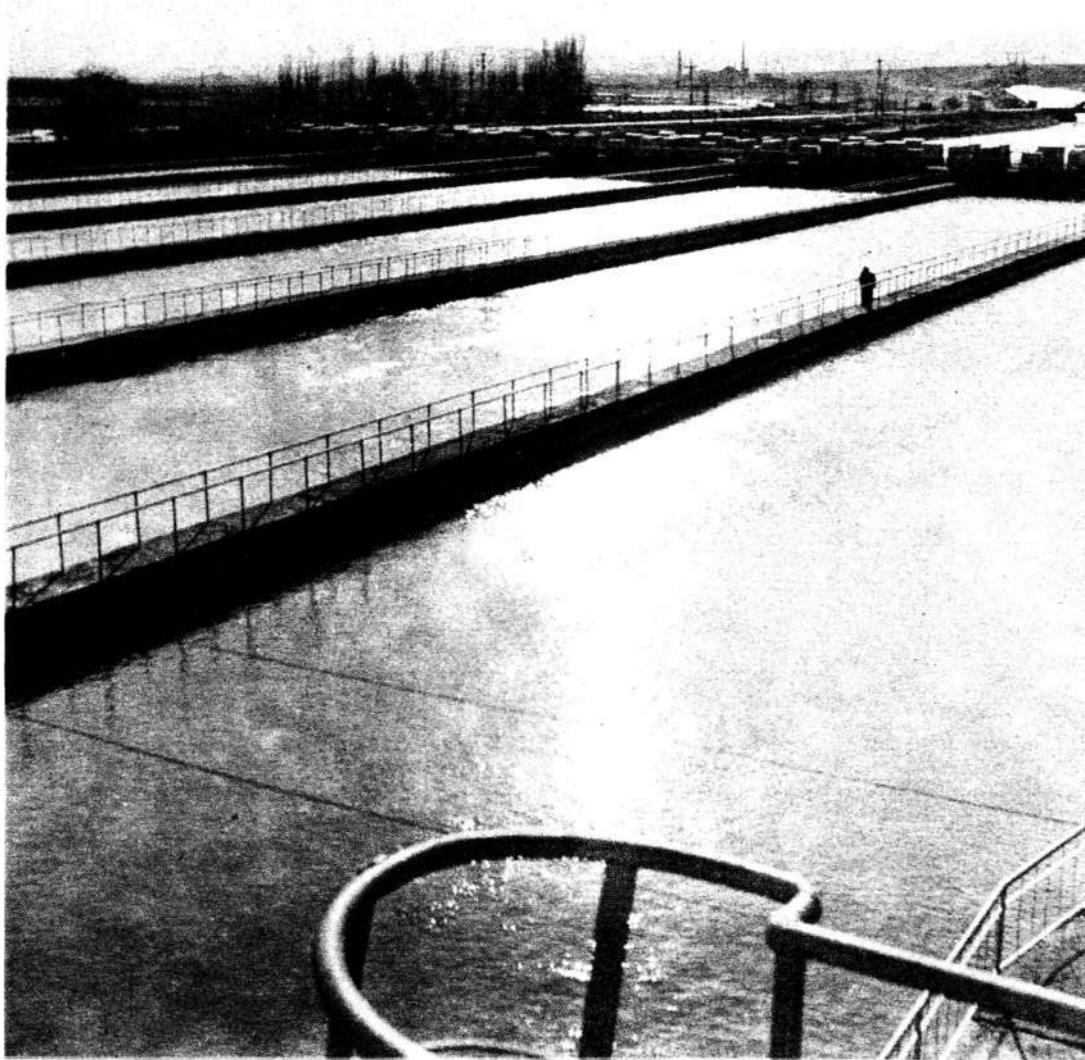
Потом Деметрио сказал властно:

— Я хочу, чтобы ты ее привел. Нет, не приводи. Принеси платья, которые я ей дал, я заработал их! Слышишь? Или нет. Оставь их ей, пусть прикрывает свое поганое тело!

Он дал коню шпоры и хлопнул за собой створкой ворот...

Перевела с испанского Р. САШИНА

Фотоочерк Л. ГОРЯЧЕВА
(наш спец. корр.)

Вода и электроэнергия — дары Чирчика.

ЗЕМЛЯ ПРЕОБРАЖЕННАЯ

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ... СЕДЯЯ ДРЕВНОСТЬ — И УДАРНЫЕ КОМСОМЛЬСКИЕ СТРОЙКИ... ЗАБЫТЫЕ КАРАВАННЫЕ ПУТИ, СЛЕДЫ ПОГИБШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ — А РЯДОМ СОВРЕМЕННЫЕ КАНАЛЫ, ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ, ИНДУСТРИЯ XX ВЕКА. СВОЕОБРАЗЕН ОБЛИК ДРЕВНЕГО КРАЯ, ВОСПЕТОГО ЕЩЕ НАВОИ, РУДАКИ И ФИРДОУСИ... А ВПЕРЕДИ У НЕГО — БУДУЩЕЕ, ДОСТОЙНОЕ НОВЫХ ВДОХНОВЕННЫХ ПОЭМ.

На древней дороге

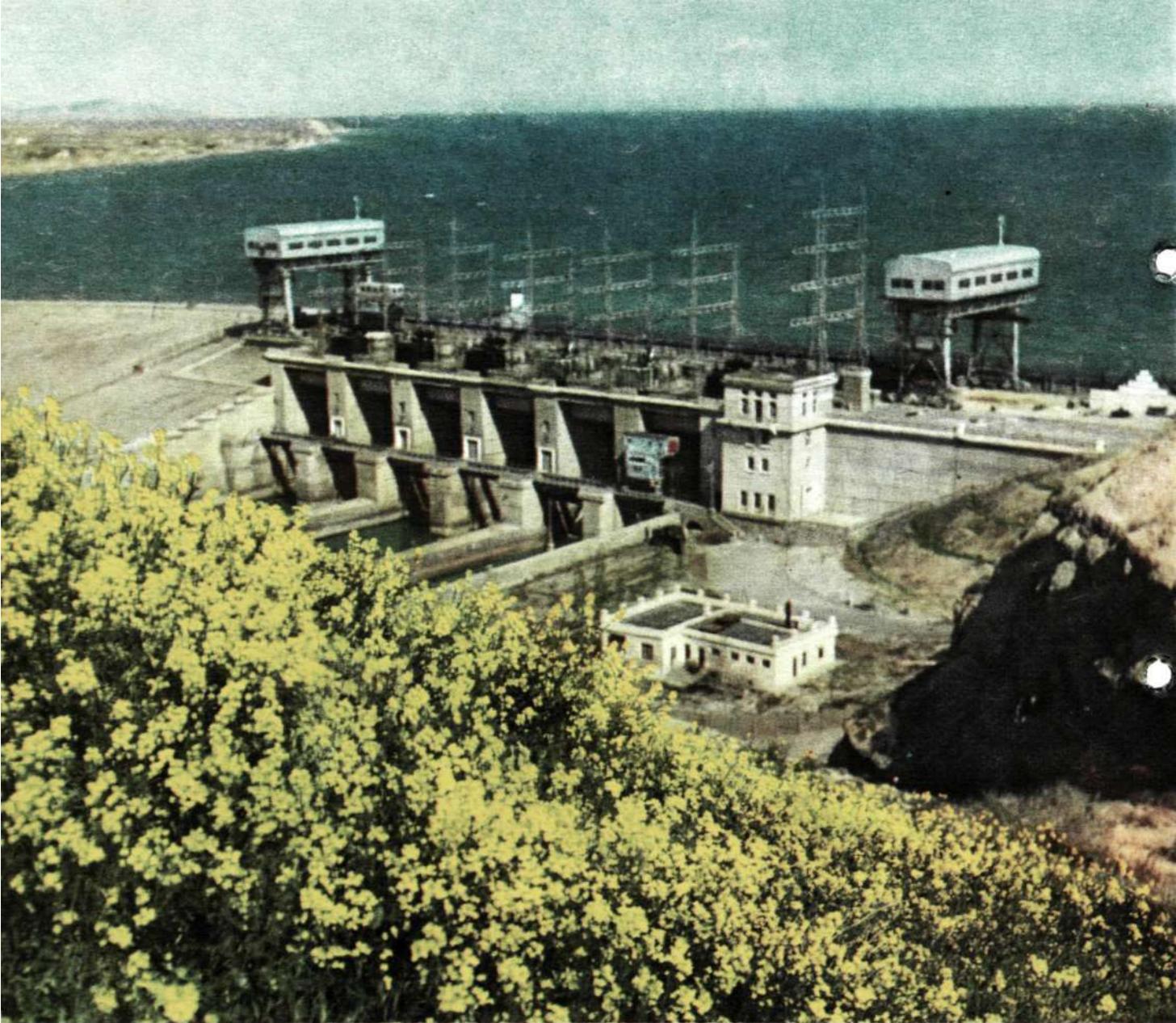
В Закаспийской степи мы искали древнюю дорогу. Когда-то она вела из Хорезма к берегам Волги, а оттуда на север, к волжским болгарам, и на запад, на Русь. По этой дороге давным-давно никто не ездил. Даже самолеты облетали Аральское море с востока.

Чтобы добраться из Москвы в Хорезм по железной дороге и по шоссе, нужно было ехать через

Ташкент, делая большой крюк. Но мы знали, что уже проектируется железная дорога Кунград — Бейнеу, что она пройдет меж Аральским и Каспийским морями, через степь и пустынную равнину плато Устюрт. Она и будет самой короткой дорогой из Хорезма в Поволжье, такой же прямой и короткой, какой была древняя, забытая караванная тропа.

Как же найти дорогу, по которой, наверное, уже более пятисот лет никто не ездит?

В средние века из Хорезма на Русь и обратно шли караваны. В тюках, прилаженных к верблюжь-

им горбам, везли из русской земли меха, а из Средней Азии — шелковые и шерстяные ткани, изделия ювелиров, слитки драгоценных металлов. По той же дороге гнали живой товар — рабов, перегоняли скот.

Все это было, конечно, желанной добычей для степных разбойников. Поэтому караваны сопровождала вооруженная стража. Купцам, воинам и путешественникам нужно было где-то отдохнуть, разгрузить усталых верблюдов, напоить их. Чтобы разбойники не могли застигнуть путешественников врасплох, у колодцев, источников, у переправ через степные речки строились караван-сарай. И если древняя дорога, тропа, выбитая в земле на глубину верблюжьего копыта, давно уже исчезла, то развалины караван-сарая должны были сохраниться.

Их было бы трудно искать в степи, не будь одной приметой.

Из века в век бродили по степи со своими стадами кочевники. У них не было ни городов, ни селений, ни домов, ни дворцов. Напоминаем об их жизни остались лишь кладбища, гробницы и мавзолеи.

Особенно часто встречались квадратные гробницы с приподнятыми углами. Издали такие гробницы напоминали кошачьи уши. Были тут и кирпичные мавзолеи с куполами и стрельчатыми арками.

Мы всегда приглядывались, из чего сложены мавзолеи и гробницы. Иногда это были плиты тесаного камня, иногда серый саманный кирпич, но попадались и хорошо обожженные, желтовато-зеленые, аккуратные плитки средневековых кирпичей.

Дочь Таджикистана.

◀ В названии Кайрак-Кумской ГЭС запечатлено высокое и нерушимое — «Дружба народов».

Опоры линии электропередачи шагают из Джизака в Самарканд.

В одном из мавзолеев мы нашли на стенах красочную роспись. Тут были нарисованы различные предметы, которые нужны душе человека на том свете. Среди них были... тульский самовар и швейная машина фирмы «Зингер». Гробница XIX века, а кирпичи почти на тысячу лет старше. Значит, их взяли из каких-то развалин.

Так оно и было. Рядом с вечными пристанищами кочевников мы находили плоские квадратные бугры временных приютов старинных путешественников — развалины караван-сараяв.

На карте появлялись кружки, которыми мы обозначали караван-сарай, а между ними пунктиром намечался древний караванный путь. Но хотелось увидеть его не только на карте. И однажды нам это удалось.

На берегу речки Сагиз есть место, которое называется Таскичу, что означает Каменный брод.

Все шло как надо. Сначала мы нашли гробницы и мавзолеи, сложенные из средневекового кирпича; потом развалины караван-сарая, он был квадратный, вдоль стены — крохотные каморки, где ночевали путешественники, а посередине большой двор: здесь отдыхали верблюды и лежали тюки с товарами.

Мы сняли план караван-сарая, раскопали одно из помещений, уложили находки. Но мы не торопились сниматься с места. Мечтали найти Каменный брод, увидеть хоть кусочек самой древней дороги, постоять на ней, ощутить ее под своими ногами.

К счастью, недалеко от развалин виднелись юрты. Здесь «остановился» небольшой аул. Между юртами расхаживали женщины в красивых белых одеяниях и совсем молодые парни в шапках с опушкой из лисьего меха, на поминающих знаменитую шапку Мономаха. Кочевники в шапках Мономаха оказались дачниками. Это были студенты из Алма-Аты, Ташкента, один даже из Ленинграда. Здесь вместе со старыми чабанами, своими родителями, они проводили каникулы. Помогали старикам ухаживать за стадом, а большую часть времени читали книжки, загорали, охотились — словом, отдыхали.

Старый чабан знал Каменный брод и указал нам это место.

Мы вышли к речке, она медленно текла между невысокими, но крутыми берегами. Да и текла ли

она? Вода стояла только в омутах и бочагах, и лишь тонкие струйки сочились из одного бочага в другой. До моря речка в это жаркое время уже не доходила. Но от мутной солоноватой воды веяло свежестью и прохладой. Мы влезли в один из пересяхающих бочагов, сели в воду и сидели там часа полтора, пока не продрогли.

Потом мы снова пошли по берегу речки, повернули вместе с ней и остановились: по речке невозмутимо плавали дикие утки с выводками. Не обращая на нас внимания, они дружно опускали головы в воду и так же дружно извлекали их из воды, отряхивались, снова плыли, и каждый выводок качался в кругу, поднятых им маленьких волн.

Снова поворот. Мы вышли к отлогому берегу и полезли в воду. Мы старательно ощупывали илистое дно босыми ногами. И вдруг кто-то поскользнулся на камне. Так мы вступили на древнюю дорогу.

Сбегали за рулетками, за складными метрами и, опустив рулетки в воду, меряли ширину Каменного брода. Извлекали со дна скользкие черные камни, измеряли их и снова клали на место. Это был уже

не пункт на карте, это был кусочек настоящей дороги, той самой, по которой прошел в X веке знаменитый арабский путешественник Ибн-Фадлан. Дороги, связывавшей страны, народы, культуры.

ФАТА-МОРГАНА

У нас в отряде есть своя фата-морганя. Попросту говоря — мираж. Он отличается удивительным постоянством: каждый день мы видим его в одном и том же месте.

Призрак на редкость точен: возникает около одиннадцати, уходит в половине пятого.

Наваждение имеет форму озера. Размером приблизительно двести метров на сто двадцать.

Светлое озеро отражает небо и деревья.

◀ Эти парни зажгут
еще одно электриче-
ское солнце.

Мы победим тебя,
Вахш!

Мираж — наша достопримечательность. Нам не безразлично, как отнесутся к нему наши гости.

— Неужели озеро? — удивляется один из них.

— Нет, мираж! — отвечаем мы не без гордости. — Правда, хорош?

— Неужели мираж? — догадываются другие.

— Он самый, — произносим мы с нежностью. — Правда, красив?

А одна девушка ничего не спросила, просто взяла полотенце и пошла на озеро купаться. С каким восторгом мы следили за ней!

Мираж исчезает не сразу. Он заигрывает с нами подпускает к себе. Он делает вид, что к нему можно подкрасться, что его легко перехитрить. Но еще шаг вперед — и озеро вздрагивает, дробится в кустах и пропадает.

А кусты стоят на месте. Они даже не подозревают, что были тенистыми деревьями, отраженными в воде. И продолжают оставаться ими для тех, кто смотрит сейчас из лагеря.

Лагерь близко, воду к нам привозят аккуратно, и потому эта коварная игра природы не кажется нам жестокой.

Больше того. Мы любим свой мираж. Боимся, что в один прекрасный день он исчезнет и не вернется. Нам так хорошо с ним в плоской, выжженной степи под белесым небом!

Светлое озеро, сразу и воображаемое и зримое, скрашивает нам жаркие дни и освежает душу. Мы любимся им, словно мастерски написанной картиной.

Но картину эту не назовешь реалистической. Хотя

по виду наше озеро не отличается от настоящих степных озер. Мы знаем ее секрет. Знаем, чего ей не хватает.

Не хватает только одного. Темной каемки вдоль берегов. Влажной кромки, разделяющей и соединяющей воду и землю. Узенькой полоски мокрого песка.

Хороший климат

Вера Владимировна, географ, приехала к нам на раскопки, живет в нашем лагере, изучает наш климат.

Даже в обеденный перерыв, в самую жару, она таскает по пустыне какие-то громоздкие приборы.

Ей интересно, как отражается солнечный жар от различных поверхностей. От заросшей степи, изрытой звериными норами. От гладких такыров, белых и серых, розоватых и золотистых. От чистейших желтых барханов. От грязноватых песчаных гряд с мозаикой следов и снопами пустынного ячменя. От сверкающих солончаков и от темных пухляков с хрустящей корочкой и едкой пылью.

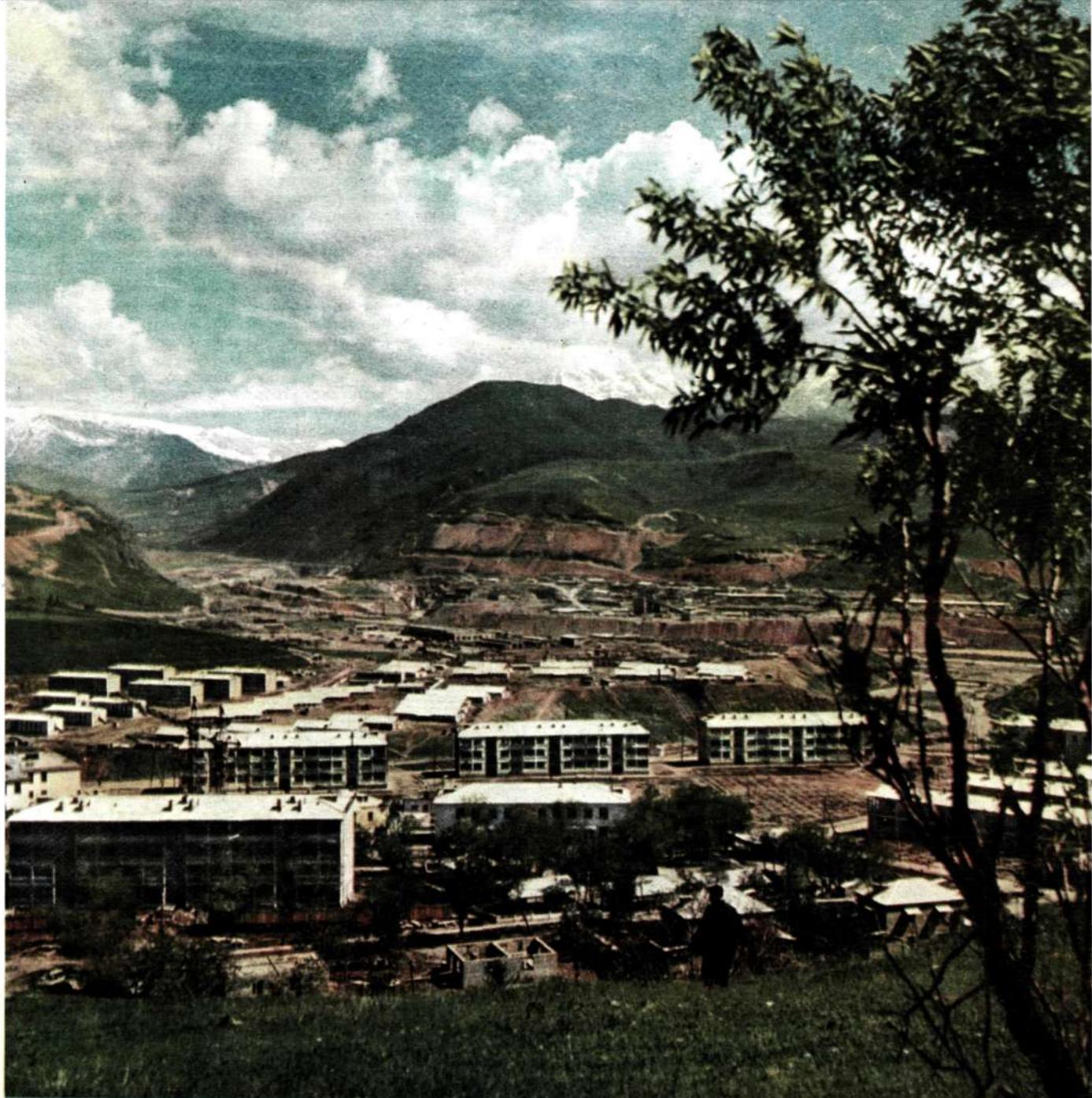
А мы терпеливо ждем результатов ее исследования. Нас интересует только одно: какой у нас климат, хороший или плохой?

— Так какой же у нас климат, Вера Владимировна, плохой или хороший?

Чарвак — город гидро-
строителей.

Варзобский каскад — голу-
бая артерия жизни.

— Климат бывает сухим или влажным, морским или континентальным и так далее. Но он не может быть хорошим или плохим.

— Нет может! — хором возражаем мы.

— Уверяю вас, не может! — говорит Вера Владимировна дрожащим голосом. — Вы должны это понимать. Вы же научные работники, серьезные люди!

Это превратилось в игру. Каждый вечер в столовой кто-нибудь из нас, подмигнув соседям, начинает:

— Так какой же у нас климат, Вера Владимировна, с научной точки зрения? Хороший или плохой?

Вера Владимировна чуть не плачет.

— Нет, это невозможно! Вы же человек науки! Какая у вас тема? Древняя скульптура? Так вот. Вы же знаете, что скульптура бывает мраморной или гипсовой, миниатюрной или монументальной...

— Но хорошей или плохой, — невозмутимо добавляем мы, — она быть не может.

— Вы меня совсем запутали! — не выдержала Вера Владимировна. — Не знаю, от чего я раньше сойду с ума, от вас или от этой проклятой жары. Успокойтесь; хороший у вас климат, хороший! Особенно для змей, ящериц, черепах... И для таких пихонов, как вы!

Действующие лица:
РЫБОЛОВНЫЙ ТРАУЛЕР
ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

НА ВОДЕ. «Флит лэди», траулер шкипера Стэнли Дрейка, мирно бороздил Ла-Манш в надежде поймать что-нибудь из темных глубин. Сам шкипер стоял у штурвала, так и эдак прикидывая, какой улов ожидает его в этот день.

Вдруг Дрейк ощутил, что палуба траулера вздрогнула. Почти тотчас вслед за этим из морской пучины, куда уходил трал, на поверхность стали подниматься пузыри. Услышав сильный, полный угрозы гул, шкипер похолодел от страха.

Было ясно, что в сети его маленького, 62-тонного траулера попало что-то необычно крупное.

Впереди на горизонте маячили силуэты военных кораблей. За кормой траулера их было еще больше. Происходило все это 5 октября 1962 года невдалеке от Эддистонского маяка, в самом центре района военно-морских учений НАТО под кодовым названием «Шарп скуол». Шкипер знал, что в то утро, когда он ловил рыбу, военные инсценировали совсем другого рода «ловлю» — ловлю «вражеской» подводной лодки.

Палуба траулера снова стала сотрясаться, и тут в голову Дрейка пришла безумная мысль. Неужели в его сети попала?.. Да нет. Конечно же, этого не может быть. Эх, если бы воды Ла-Манша не были такими мутными...

ПОД ВОДОЙ. В это же самое время где-то на глубине 120 футов командир подводной лодки Датского королевского флота Блонде Петерсен объявлял тревогу. Его акустик уловил ровный гул винта какого-то судна, проплывавшего над лодкой.

Потом что-то сильно дернуло лодку вверх за нос.

«Спекхуггерен», что по-русски означает «Косатка», находившаяся на глубине 115 футов, вдруг подскочила на 35 футов вверх.

«Затопить носовой балласт!» — немедленно командовал Петерсен. По мере того как вода наполняла балластную цистерну, командир чувствовал, как «Спекхуггерен» погружается на прежнюю глубину и принимает горизонтальное положение»

«Что же это было? — терзался командир.— А вдруг,— пронеслась в его голове безумная мысль,—вдруг ходовая рубка запуталась в... Да нет. Конечно же, этого не может быть. Эх, если бы у подводных лодок были иллюминаторы, а воды Ла-Манша не были такими мутными...»

Оба капитана — один наверху, другой внизу — не могли поговорить друг с другом. Петерсен еще не определил, кто его поймал. Дрейк еще не знал, кого он поймал. Дрейку оставалось только ждать — именно это он и делал; Петерсену же надо было принимать решение. Надо было, что называется, выпутываться из создавшегося положения.

«Продуть балластные цистерны»,— командовал Петерсен. Раздался хлюпающий звук выбрасываемой воды, и «Спекхуггерен» снова поднялась на 35 футов.

НА ВОДЕ. Стэнли Дрейк увидел, как на поверхности моря снова забурились пузыри, и откуда-то из глубины донеслись свист и хлюпанье. Будто огромное морское животное с силой выдувало из себя воздух. Затем траулер сильно рвануло и потащило как-то боком. Двигатель суденышка, сколько ни бился, не мог пересилить чужую страшную силу.

Что-то надо было предпринимать, и немедленно.

— Поднять трал! — крикнул Дрейк своему помощнику Вивьену Смиту и машинисту Крису Роу. Заработала лебедка, но тут же, заскрежетав, остановилась. Она явно не была рассчитана на такой груз.

В ту же минуту все находившиеся на палубе вздрогнули — в каких-то 25 ярдах от носа траулера взлетела и взорвалась дымовая шашка. Дрейк понял, что он не ошибся. Он улыбнулся матросам и сказал: «А мы-таки заарканили подлодку».

ПОД ВОДОЙ. Командир Петерсен понял, что ему не выпутаться, если он будет только всплывать и погружаться. Оставалось одно: попробовать вырваться на скорости. Восьми узлов должно было вполне хватить. Вот только не запутались ли в сетях винты?..

НА ВОДЕ. Траулер с колоссальной силой рвануло вперед. Шкипер почувствовал себя китобоем, загарпунившим добычу: кит не сдается и тащит за собой маленькое суденышко.

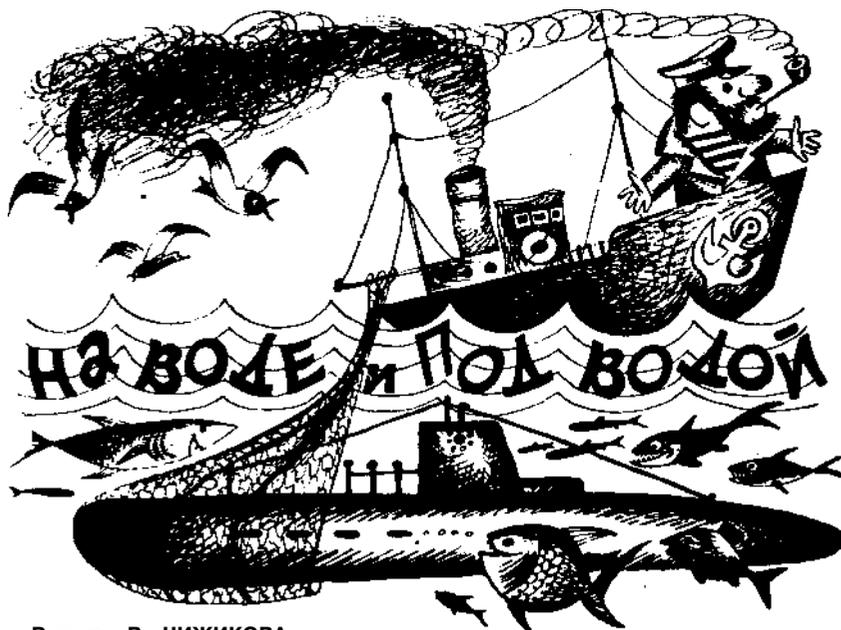

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

ВСЁ ПО-СТАРОМУ

ДЖЕЙН С. ГУДЕЙЛ

Фото ЭНН ЧОУНИНГ

на Новой Британии

«Несколько дней я объедалась всякими вкусными вещами, приготовленными из самого свежего мяса: в воскресенье — тушеная летучая мышь, в понедельник и в среду — жареный угорь, а в четверг — печеная змея. Но сегодня, увы, опять наступила пора консервов. Что и говорить, приятное было время...»

Я читала письмо Энн Чоунинг, а передо мной стояла банка солонины, которую я как раз собиралась вскрыть к обеду. Можно понять, как я завидовала Энн. Я тоже ничего не имела бы против тушеной летучей мыши или жареного угря — я их как-то пробовала, и они оказались вполне сносными. Но нет ничего лучше, так утверждала Энн, чем кусочек свеженького молодого питона, в меру зажаренного в коре или листьях. Его мясо напоминает мясо ящерицы, которое, в свою очередь, напоминает цыпленка.

Однако для аборигенов Новой Британии, среди которых я прожила 13 месяцев, змея, к сожалению, табу. Мой повар наотрез отказался готовить питона, и мне так и не удалось его попробовать. У жителей деревни, где жила Энн — это всего в десяти милях от моей деревни, — был свой собственный длинный список табу, но змей там считали вполне съедобными.

...Однако прежде всего мне, наверное, надо рассказать, как мы вообще оказались в этом затерянном и почти совсем не изученном уголке Земли.

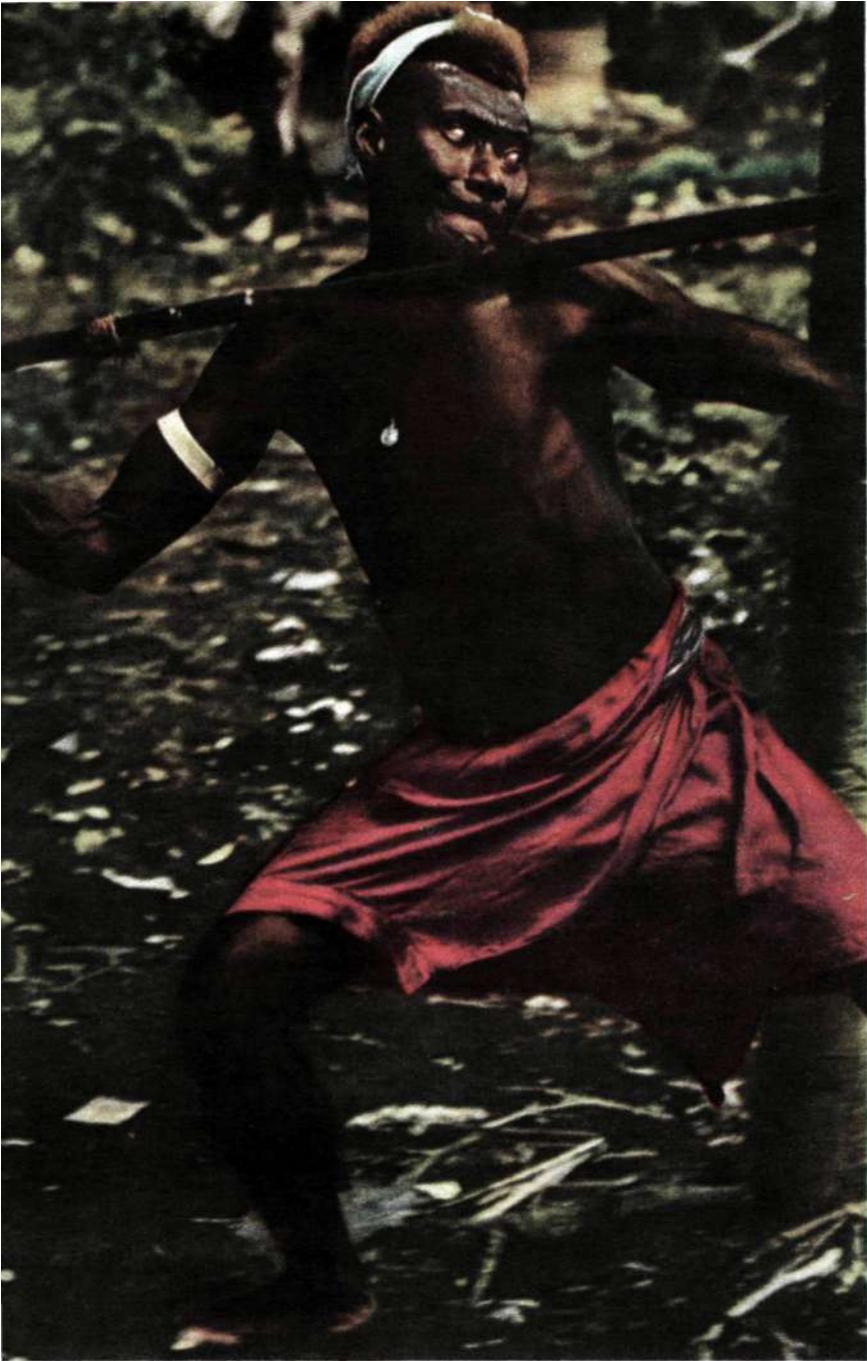
Энн и я — этнографы. В данном случае объектом нашего исследования были каулонги и сенгсенги, живущие в юго-западном районе Новой Британии — Пассисмануа.

Путь наш лежал из Кандриана — селения на берегу моря — и вился немислимими тропами в глубь острова целых тридцать миль. В Кандриане мы наняли 35 носильщиков. По мере того как мы проходили мимо деревень, носильщики по собственной инициативе менялись, а так как они к тому же шли каждый своим маршрутом, то мы вскоре почти совсем потеряли их из виду. Тем не менее на нашем сборном пункте все, кроме зонтика, оказалось на месте. Да и зонтик вскоре нашелся, просто по ошибке он отправился не в ту деревню. Теперь нам с Энн пришлось расставаться: ей в Дулаго, мне в Умби. В Дулаго живут сенгсенги, а в Умби — каулонги. Говорить, однако, что лю-

ди живут в этих деревнях — Значит тратить слова попусту. Большую часть своего времени они предпочитают проводить в окрестных лесах. Там они охотятся, спят в маленьких хижинах, выращивают таро, маниоку, табак, сахарный тростник. Только в особых случаях — главным образом когда приезжают представители власти — собираются они в деревнях, построенных по официальным приказам.

Каждая семья живет в отдельном доме; а кроме того, для холостяков существует «мужской дом». По последним подсчетам, в Умби — самой большой деревне этого района — в дюжине домов живет 78 человек; в Дула-

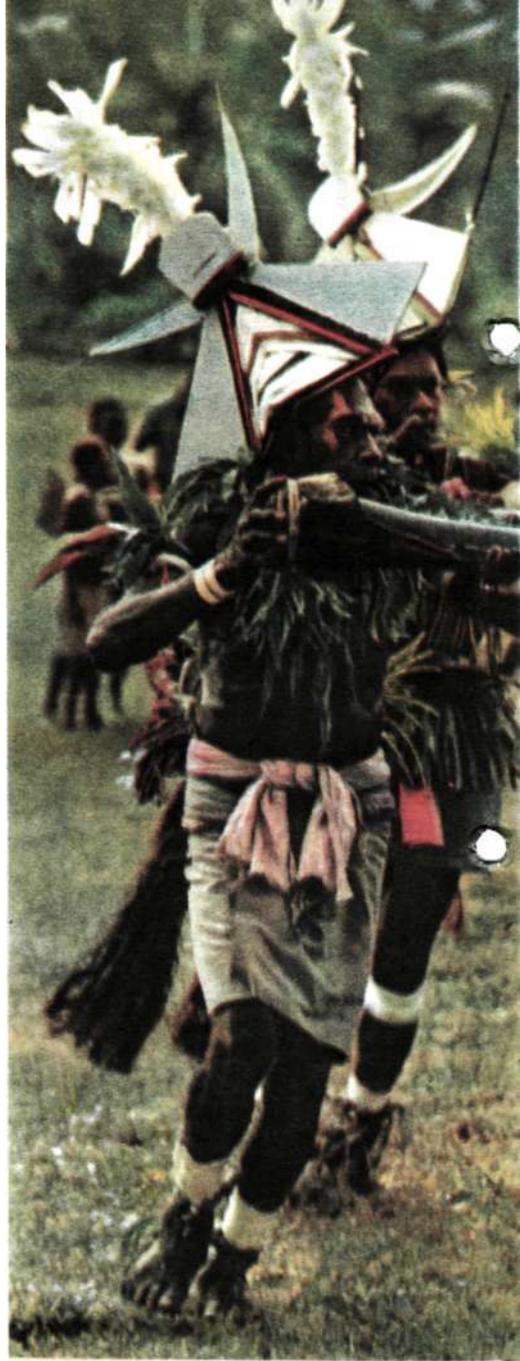
Мощный, точный бросок, и копье охотника попадает в цель. Копье состоит из двух частей: передняя — тяжелая, вторая — легкая, из бамбука или тростника.

го — одной из самых маленьких деревень — в семи-восьми домах живет 40 человек.

Большинство каулонгов и сенгсенгов с готовностью принимают австралийские или другие деньги как плату за труд, но в торговле между собой они предпочитают перламутровые раковины с золотыми каемочками. Раковины при-

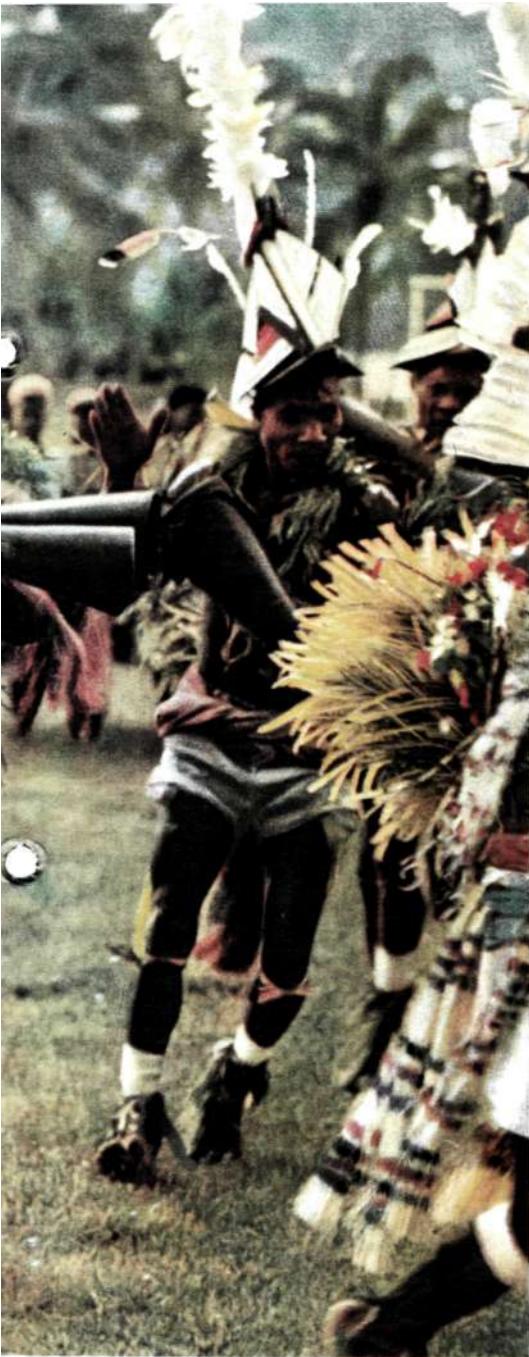
возятся в основном с острова Манус, расположенного на северо-запад от Новой Британии. Раз в год подрядчики набирают из

Авторы этой статьи — этнографы. Д-р ДЖЕЙН С. ГУДЕЙЛ преподает в пенсильванском Брин Мор колледже, ее коллега д-р ЭНН ЧОУНИНГ — нью-йоркском Бернад колледже.

Вот так встречают сенгсенги Новый год. Изготовление праздничных барабанов — настоящий обряд.

каулонгов и сенгсенгов рабочих в австралийский опорный порт на Манусе. За работу платят приличные, по тамошним понятиям, деньги, к тому же рабочие могут дешево покупать раковины или сами добывать их. За раковины можно не только купить все необходимое, но и завоевать с их помощью личный пре-

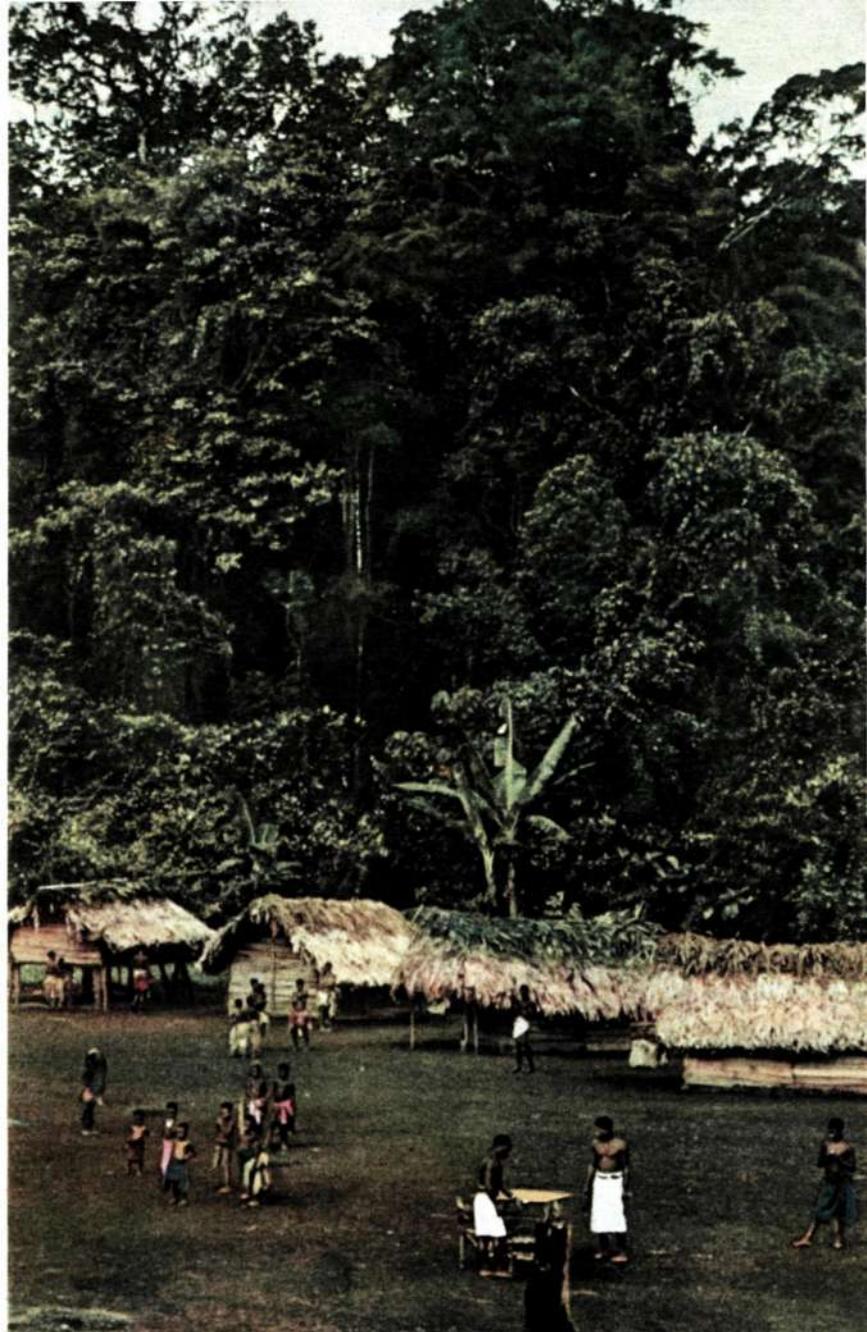
Пока кожа ящерицы не приклеится основательно к раструбу барабана, сенсенги соблюдают тишину.

стиж. Неженатых юношей считают слишком незрелыми для того, чтобы доверять им их же собственные раковины. Поэтому они должны отдавать свое богатство на сохранение солидным, семейным родственникам.

Энн и я писали друг другу часто, передавая письма через посыльных. Один раз в месяц одна

из нас обычно приходила навестить подругу. Каждый раз это было целое путешествие: четыре-шесть часов похода через пересеченную — того и гляди подвернешь ногу — местность, потом через болото и бурную речку. Пробираясь по мрачному лесу от Умби к Дулаго или к побережью, мы редко видели чистое

небо и солнечный свет. Небо было обычно покрыто дождевыми облаками и спрятано за гигантскими деревьями с огромными обнаженными корнями. Реки всегда казались переполненными, и сильное течение грозило унести нас. Ежегодные осадки в этом районе достигают 250 дюймов.

Каулонги приходят в деревни из своих лесных хижин только по понедельникам.

Из всех меланезийцев только жители этого острова знакомы с духовым ружьем, или, как его еще называют, стрелометательной трубкой.

Чаще всего это были страшные и неожиданные ливни, реки тогда превращались в ревущие коричневые стремнины.

Мы прожили в наших деревнях больше года. Почти все время мы оставались ночью в одиночестве и каждый день ходили в лес, чтобы увидеться с людьми. Однажды мне пришлось покинуть свой дом и ночевать в лесу вместе с каулонгами: дело в том, что, как они мне объяснили, в деревне появился злой дух — на самом деле это была эпидемия, — и всем нужно спрятаться от него в лесу. В то время мы были частью их мира и должны были руководствоваться его законами. Нужно к тому же сказать, что, несмотря на весь блеск огромного количества религиозных медалей, полученных жителями от миссионеров, я бы не взялась утверждать, что христианство оказало на них большое влияние. Вся их жизнь подчинялась традиционным страхам и вере в магические заклинания.

Люди в этом районе говорят на языке, родственном другим меланезийским языкам, и только считанное число туземцев знает ломаный английский, так называемый «пиджин-инглиш». Так что нам с Энн пришлось учить местные диалекты.

Каулонги и сенгсенги учили нас своему языку и правилам поведения так же, как они учат своих детей. Единственное отличие состояло в том, что у нас было 13 месяцев, чтобы как-то уразуметь то, что ребенок выучивает за годы.

«Не дразни собаку, иначе ты умрешь», — предупредили меня, когда я играла со щенком.

«Ребенок умрет!» — в ужасе воскликнула мать, когда я позволила себе заметить, что у малыша вырос здоровый новый зуб.

«Не шевели золу в костре!» Огонь — самое священное существо — мог обидеться и сжечь меня.

Из Дулаго Энн прислала мне список табу сенгсенгов:

«Если ты бросишь свиньям корки от тыквы и они их съедят, свиньи умрут».

«Если юноша подерется с девушками, чернота сойдет с его зубов, и они станут отвратительно белыми».

«Если ты засунешь палку в крысиную нору, земля откроется и поглотит тебя».

Каулонги и сенгсенги охотятся на крупных животных — например, на кабанов — с копьями. Кенгуру и казуаров ловят хитроумными капканами. Но самое интересное — это их своеобразные духовые ружья. Мне повезло, и я видела, как охотятся с этими длинными — от двенадцати до двадцати футов — связанными из бамбуковых отрезков ружьями. В «дуло» вставляют сделанные из пальмового дерева стрелы, каждая длиной в 3 фута, оперена с одной стороны и заострена с другой. Охотятся в основном на летучих мышей или летучих лисиц. У этих кошмарных созданий размах крыльев доходит до 3 футов. Днем они устраиваются целыми колониями на деревьях и засыпают; тут-то их и убивают. Особого мастерства для такой охоты не требуется. Подобравшись к намеченной жертве как можно ближе, охотник набирает в легкие воздух и, взяв в рот ружье, делает сильный выдох. Очень часто стрела поражает летучую мышь, даже не вылетев до конца из трубки.

Те, кто обитал здесь прежде, по-видимому, применяли оружие гораздо более простое, чем эти ружья. Во время наших походов мы обнаружили куски кремня, оббитые в форме ножей и скребков. Действительно ли они принадлежали предкам наших друзей? Или были оставлены другим народом? Мы передали часть **этих** кремней для исследования австралийским археологам, но, правда, надеемся в недалеком будущем и сами заняться этой загадкой.

В моей деревне Умби понедельник считался таким днем, когда могло случиться все что угодно. По интересному совпадению в этот день, согласно распоряжению австралийской администрации, туземцы должны работать в своей общине: приводить в порядок деревню, прокладывая лесные тропы... Понедельник стал каким-то особенным днем для жителей деревни: взаимные визиты, болтовня, обмен товарами, собирание долгов, улаживание споров и их возобновление. В то время как взрослые

беседуют, спорят или даже устраивают потасовки, дети играют. Любимая их игра — «охота на диких кабанов».

В один из таких понедельников произошел забавный случай. Я как раз сидела в тени своего дома и вела какую-то пустячную беседу с жителями деревни, как вдруг увидела, что на лесной тропе появился незнакомец. По его внешнему виду можно было угадать, что он только что отработал сполна по контракту на какой-нибудь из прибрежных плантаций около Рабаула, столицы острова. На нем была ярко-красная хлопчатобумажная юбка, поверх нее — новый блестящий кожаный ремень, на широких ступнях — резиновые сандалии. В руках — какие-то узлы. Не говоря ни слова, незнакомец спокойно вошел по лестнице в мой дом. Нингби, мой повар и слуга, прошел за ним.

— Это Бэмли, — сказал он, проходя.

Потом я услышала, как Нингби и Дебли, мой второй слуга, начали показывать Бэмли дом. Сначала он осмотрел общую комнату, затем спальню слуг, кухню, кладовую и, наконец, мою личную половину. Потом наступило молчание. Озадаченная, я потребовала объяснений. Бэмли, сказали мне, из деревни Йомбон, он не был дома два года и теперь как раз возвращается.

Бэмли не выходил, и никто из туземцев не делал попытки присоединиться к нему. Я почувство-

вала, что происходит что-то необычное.

— Идите к нам, — предложила я ему.

— Я боюсь, — ответил он.

— Почему же?

Бэмли улыбнулся и пожал плечами. Так молча, он просидел на кровати еще четыре часа.

Уже к вечеру Нингби спросил меня, можно ли Бэмли спрятаться в кладовой. Я только было собралась отказать, как услышала шум. По лестнице, размахивая ножами, взбиралось около десятка женщин. Нингби, Дебли и еще двое юношей стали около дверей и приняли удар на себя. Однако самая ловкая девушка влезла на стену высотой в пять футов и через отверстие между стеной и крышей проникла в комнату. Она прыгнула на пол и стала приближаться с поднятым ножом к Бэмли. Тот стоял прямо, вероятно спокойный, даже и не собираясь защищаться. Один из слуг успел все же вырвать нож из рук девушки. Но атака продолжалась: женщины принялись бить несчастного Бэмли кулаками. Дом угрожающе шатался, горшки и сковородки гремели, банки подсакивали на полках. К этому ужасному шуму прибавились крики и визги. Каким-то образом Бэмли вырвался и, бросив мне фунт, крикнул, чтобы я разменяла его на шиллинги. Мне показалось, что он выбрал несколько странное время для этого, но я все же быстро отсчитала 20 шиллингов и передала ему.

Битва прекратилась так же внезапно, как и началась. Бэмли раздал монеты женщинам. Потом залез в свой мешок и достал табак, расчески, бритвы, зеркала и куски материи. Получив подарки, женщины забрали свои ножи и разошлись.

Я было открыла рот, чтобы спросить, в чем дело, как в комнату ворвались еще восемь воинственных женщин, и представление повторилось с самого начала. Однако на этот раз женщины не ушли. В комнаты набилось множество народу, все болтали, смеялись, и Бэмли тоже вместе с остальными. Позже, когда мои ребята готовили ужин, они мне все объяснили.

— Женщины напали на него потому, что он заставил их плакать, — сказал Нингби. — Теперь он расплатился с ними: так это и нужно.

Оказалось, что в то время, когда Бэмли работал на плантации, пронесся слух, что его убили. Все очень горевали, особенно женщины-родственницы. И вдруг Бэмли объявился цел и невредим. То, что я видела, было нормальным отношением каулонгов к человеку, вызвавшему испуг или напрасное горе. Бэмли побилизил еще в одной деревне до на-

Едва рассеется дым от выжженных деревьев и кустарника, женщины приходят на участок: пора готовить его под посевы таро.

Копья вонзаются в жертвенных свиней. Это значит, что пришел конец празднику, посвященному предкам сенсенгов.

шеи, и, несомненно, он должен был понести самое большое наказание в своем родном поселении. Он, впрочем, и не возражал против этого ритуала...

С самого начала нас с Энн очень интересовало отношение жителей к таким вещам из другого мира, как журналы и радио. Журналы, например, были бесконечным источником удивления для них. «Много времени у меня занимает объяснение фотографий, — писала мне Энн. — До сих пор их любимой фотографией был снимок Луны, хотя они по этому поводу и не задавали мне никаких вопросов. А вот отличать мужчин от женщин они научились только постепенно,

Такие длинные лианы жители деревень протягивают через реки всякий раз, когда они разливаются от частых дождей. Так ведь куда удобнее ходить друг к другу в гости.

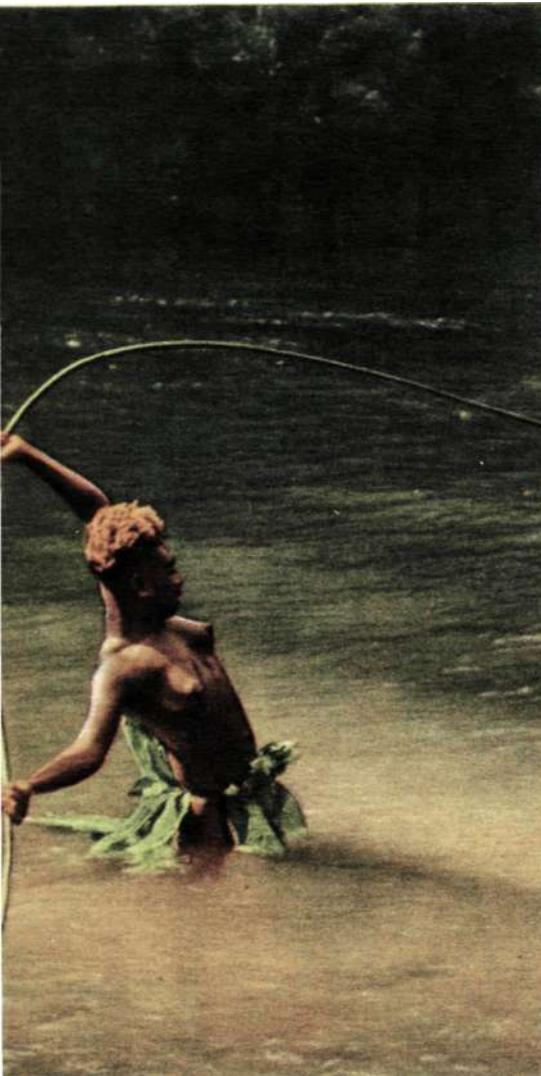
заметив разницу в длине волос и помаду на губах у женщин».

В другом письме Энн описывала реакцию своих соседей на музыкальную передачу, которую она поймала по транзистору: «Люди здесь поют прекрасно. Но у них самое отвратительное мнение о наших ковбойских песнях, которые составляют основную часть радиопрограммы. Они считают, что певцы поют плохо, больше того, им кажется, что эти люди тяжело простужены или тонут».

Чем дальше я жила среди своих новых друзей, тем больше поглощали меня их заботы и проблемы. Вот, например, Кахамеи и Казли. Оба они были назначены вождями деревни Умби, и оба носили уважительные титулы: лулуй и тултул.

Как и большинство жителей деревни, Кахамеи невысок ростом и мускулист. У него много свиней, таро и приличный запас раковин с золотым ободком. Такие богатства обеспечивали ему власть и авторитет во всей округе.

Казли, считавшийся вторым среди местного начальства, — молод, почти что беден, зато у него много амбиции и еще больше хлопот. Две его жены (множество среди каулонгов

Новая Британия — едва ли не единственная область Меланезии, где известен щит. Жители остальных островов считают, что со щитом сражаются только трусы. Да и здесь щит чаще всего праздничный атрибут.

допускается, хотя и не особенно распространено) то и дело дрались, время от времени угрожая покончить жизнь самоубийством. В конце концов Казли это надоело. Он развелся с одной из них, заплатив несколько раковин ее семье. Оставшаяся жена была чрезвычайно ленива. Хозяйство Казли пришло в упадок, свиньи одичали и разбрелись, посадки таро погибли. За этими бедами пришли новые. Никто уже не подчинялся приказам Казли. Тогда он взял свою собаку и от-

правился в лес охотиться на диких кабанов. Здесь Казли был более удачлив. Богатая добыча вернула ему уважение жителей.

Еще я хочу рассказать о молоденьких девушках Ихимеи и Тихимеи. Они присматривали за детьми и работали на огороде, а все свободное время посвящали уходу за моими двумя помощниками — холостяками Нингби и Дебли.

Однажды вечером, когда я спокойно читала, в дом, захавшись, вбежали мои ребята.

— Девушки бьют нас! — Похоже, дело было серьезным: на их руках и спинах уже вздулись рубцы.

За ними тут же ворвались Ихимеи и Тихимеи, размахивая какими-то хлыстами. Испугавшись, я тоже забилась в угол. Девушки кинулись на ребят.

— Что ж вы не дадите им сдачи? — крикнула я.

— Мы не имеем права! — крикнули они в ответ. — У нас так не принято.

Потасовка закончилась лишь тогда, когда Нингби и Дебли дали девушкам немного табака. Впрочем, такие случаи повторялись изо дня в день.

Для Нингби и Ихимеи, однако, все кончилось неожиданно: они поженились. Кстати сказать, меня это очень удивило, потому что Ихимеи больше нравился Дебли, и он позволял ей бить себя гораздо охотнее, чем Нингби. Вот как все произошло. Казли, Ихимеи и еще двое ее двоюродных братьев пришли однажды в дом и завели откровенный разговор с Нингби.

— Ты должен жениться, — сказал Казли.

— Я не могу, — ответил Нингби. — Я еще слишком молод.

— Ихимеи сказала нам, что ты ей нравишься. А ее родители говорят, что ты должен на ней жениться.

— Нет, я не женюсь. Лучше убегу и наймусь работать.

Дебли, который был занят на кухне, не вытерпел и вмешался:

— Ихимеи слишком молода для замужества. И потом ее родители сами говорили, что за нее нужно много раковин, а у Нингби нет раковин.

Сама Ихимеи, пока происходил весь этот спор, стояла молча, повернувшись лицом к стене. Через два часа, так ничего и не решив, все разошлись.

На следующее утро меня оставил мой сосед:

— Доброе утро, Джейн. Нингби и Ихимеи поженились.

— Как же так?

— Казли запер их в доме и продержал там всю ночь. Теперь считается, что они женаты.

Период после женитьбы весьма отличается от периода ухаживания. Ихимеи согласно обычаю не могла уже называть Нингби его настоящим именем и должна была придумать ему новое прозвище. Она звала его Лукасом. Супруги должны были также заменить в своем лексиконе большинство слов; естественно, это затрудняло их общение, а мне стало трудно понимать их. Кроме того, они не имели права есть многие блюда, и, пока у них не набралось приличного количества раковин, их многочисленные родственники не только не ели вместе с ними, но даже и не разговаривали. Однако самое поразительное — это как изменилась Ихимеи. Из шаловливого, задиристого подростка она неожиданно превратилась в работящую, домовитую, очаровательную жену.

...Как-то я получила очередное письмо из Дулаго, от Энн. Она рассказывала о предложении вождя деревни построить посадочную самолетную полосу. Таким образом, как объяснил вождь, им уже не надо будет каждый раз ходить за тяжелой поклажей в Кандриан.

«Я не очень-то поняла, почему он считает, что полосу легче построить, чем перетаскать груз, — комментировала это предложение Энн. — Я подозреваю, что все это связано с «культом грузовых самолетов» — огромных железных птиц, так часто пролетающих в небе над деревней. Кстати, сами жители неоднократно спрашивали меня о них. Жрецы этого культа учат, что когда-нибудь на этих птицах вернутся в деревню их предки и принесут с собой все вещи белых людей. Вещи, которых белые несправедливо лишили сенгсенов».

Я рассказала обо всем этом своим знакомым каулонгам. Те рассмеялись.

— Эти сенгсенги вечно выдумывают какие-то глупости. Наши предки умерли. А когда человек умирает, от него ничего не остается, кроме костей. Как же они могут вернуться к нам?

Сокращенный перевод
с английского А. АНТОШИНОЙ

А же на расстоянии он почувствовал жар поравнявшихся с ним тепловозов. Но грохота не последовало. Шум состава постепенно стихал. Начальник разъезда поднял голову. Он лежал один. Дежурного рядом не было.

Ничего не понимая, он встал. В полосе света у стрелки стоял дежурный.

— Ты!.. — голос сорвался. — Жив?!

Дежурный не ответил. Он смотрел вслед сцепке.

— Видал? — спросил он.

— Ты знаешь... — пробормотал начальник разъезда. — Я хотел...

— Двое их там, — перебил дежурный. — Парень и девчонка. Совсем сопляки.

АЛЕКСЕИ ЛЕОНТЬЕВ

Тройной прыжок

Повесть

18

За окном замелькали светофоры, фонари, из мрака выскочило здание небольшой станции. Плохо освещенный перрон был пуст. Только какой-то человек с фонарем бежал вдоль пути.

У железнодорожной стрелки стоял еще один человек. Он смотрел вслед нашей сцепке. Я помахал ему рукой.

— Перестань пить кофе, — сердито сказала Люся и забрала стаканчик. — Лучше придумай, как остановить эту машину! Слышишь?

— Остановим, — сказал я. — Не такие останавливали!

— Тогда что ты ждешь? Останови!

— В два счета...

Я запнулся. Я смотрел на панель. Прямо передо мной была кнопка, и возле нее буквы: «Запуск 2-й секции». Как же я не видел этого раньше?

— Что с тобой? — спросила Люся.

Я не ответил. У меня просто сердце замерло. А голова сразу стала ясной. Я смотрел на кнопку.

— Почему ты молчишь? Тебе плохо?

Окончание. Начало в № 10.

— Закрой глаза — и считай до десяти!
Голос у меня был такой, что Люся послушалась. Я подождал, пока она сказала: «Десять!», и изо всех сил нажал кнопку.

Кнопка поддалась. Я осторожно отпустил ее и замер.

Но ничего не изменилось. Просто ничего не произошло. На панели горели все те же три лампочки: две красные, одна зеленая.

Отчаяние снова охватило меня. Не знаю зачем, я дернул соседнюю кнопку. Под ней была надпись «Топливный насос». Это было бессмысленно. Тепловозы продолжали мчаться с прежней скоростью.

— Сергей! Что это?

Голос Люси прозвучал странно.

Она сидела с закрытыми глазами, склонив голову, будто прислушиваясь к чему-то

— Ты слышишь?

Я ничего не слышал.

— Слышишь? — настойчиво повторила Люся.

И вдруг я понял, почему так странно звучал ее голос. До сих пор мы говорили очень громко, почти кричали, чтобы перекрыть шум дизеля и грохот мчащегося состава. А сейчас Люся говорила нормальным голосом, и я ее отлично слышал... В кабине стало тише! У меня опять замерло сердце.

Нет, мы не ошиблись: двигатель за стеной стих...

— Ура! — закричал я. — Да открой глаза, чудака! Понимаешь, я выключил двигатель! Понимаешь? Выключил!

Люся осмотрелась вокруг, поглядела в окно. Рассудительно сказала:

— Но мы же едем... И так же быстро.

— Чепуха! Это закон инерции! Физику знать надо!

Меня просто распирало. Я должен был срочно еще что-нибудь сделать.

— Куда ты?

— В первую кабину... Попробую еще что-нибудь выключить!

— Я с тобой!

— Нет, нет... Подожди здесь.. Я быстро...

19

Я прошел через затихшее машинное отделение. Тепловоз сильно раскачивало. Но мне казалось, что сцепка идет уже медленней. В открытые люки врывался холодный ночной воздух. Первый раз я этих люков даже не заметил. Я поднял голову и увидел кусочек звездного неба.

Распахнув дверь, я шагнул в следующую секцию. В уши сразу ударил оглушительный грохот двигателя. Он работал. Работал, как прежде. Значит, удалось выключить только один, последний.

Я остановился. Хотел повернуть обратно. Но вспомнил, что там ждет Люся, и стал пробираться к кабине. Тут же больно ударился головой о какой-то выступ. Кажется, о тот же самый, что и в первый раз. На звезды я уже не смотрел.

В кабине на щите теперь горели только две красные лампочки. Зеленая погасла. Наверное, она сигнализировала о работе дизеля последней секции.

Я зажег свет внутри кабины. На щите была точно такая же кнопка с надписью «Топливный насос». Я дернул ее. Через несколько мгновений дрожь корпуса стихла. Двигатель замер. Но тепловозы по-прежнему мчались вперед.

Я сел в кресло. Больше я ничего не мог сделать.

Впереди раскачивалась кабина следующей секции. Там работал двигатель. И в следующей и в следующей... Двигатели трех спаренных тепловозов. Чтобы отключить их, надо было нажать всего-навсего по кнопке на каждом контрольном щите.

Обтекаемое выпуклое стекло кабины третьего тепловоза было близко, всего в каких-нибудь полтора метрах. За ним сразу — щит с кнопками. Но попасть туда было невозможно. Кабины между собой не сообщались. На их закругленных бортах не было никаких выступов, перил, ограждений, по которым можно было бы перебраться с одного тепловоза на другой.

Я долго сидел в кресле. Я ни о чем не думал. Просто не хотел идти назад. Там меня ждала Люся, и я не знал, что скажу ей теперь.

20

Когда я вошел в кабину, Люся, вздрогнув, вскинула голову. Кажется, она задремала.

— Ну что? Выключил? — спросила она.

Я кивнул.

— А что теперь?

— Надо подождать, — сказал я. — Немного подождать.

И сел на откидное сиденье рядом с ней.

Когда я переходил из одной секции в другую, то снова почувствовал, что как будто тепловозы идут медленнее. Но, может быть, мне это только показалось?

Я решил пока ничего не говорить Люсе. У нее было очень усталое лицо.

— Ужасно спать хочется, — сказала она.

— А ты поспи.

— На этой вертушке не уснешь.

Кресла, и правда, были как живые, поворачивались от малейшего движения.

Я взялся за спинку ее кресла.

— Спи.

Люся слабо улыбнулась.

Я был бы рад, если бы она заснула. Сейчас надо было спокойно ждать. Ведь должен же встретиться на пути хоть один крутой подъем! А если тепловозы идут медленней...

Что-то коснулось моего плеча. Это была голова Люси. Вздрогнув, она отстранилась. Я не шевельнулся, будто ничего не заметил. Аккуратный пробор Люси опять начал клониться в мою сторону. Черные ее волосы легли на мое плечо. Я пододвинулся, чтобы ей было удобней.

Сквозь рубашку я чувствовал тепло ее щеки. У меня гулко стучало сердце. Голова Люси тяжело лежала на моем плече. Я никогда еще не сидел так ни с одной девчонкой. Нет, не то чтобы совсем не имел с ними дела. Я даже целовался несколько раз. Но сейчас было совсем другое...

У меня от напряжения затекла рука. Мурашки по ней так и бегали, но я боялся пошевелиться. Мне еще никогда не было так хорошо, как сейчас. Я даже объяснить не могу, почему мне было хорошо. Просто понимал, что могу просидеть так сколько угодно, хоть всю ночь, только бы она не отняла своей головы от моего плеча. И даже дышал потихоньку, чтобы не потревожить Люсю.

Я вспомнил, как на весенние каникулы в прошлом году мы ездили на экскурсию в Узловую. Всю дорогу пели песни, дурачились. А потом открылся город, раскинувшийся на склонах холма. Вокзал стоял на горе. Я вспомнил крутую дугу

рельсов, подымавшихся вверх над кварталами города. И... подскочил. Подъем! Вот он, подъем, где состав замедлит ход. Надо только продержаться до него!

Люся открыла глаза. Недоуменно посмотрела на меня и отодвинулась. Поправила прическу. Не глядя, спросила:

— Долго я спала?

— Не очень.

Люся потерла щеку, сердито сказала:

— Не мешало бы тебе иметь на плечах побольше мяса.

— Постараюсь, — сказал я, незаметно растирая руку. — К следующему разу подкоплю.

— Нет уж! Следующий раз я поеду только по билету с плацкартой!.. Где мы?

Она спросила так, будто мы ехали в нормальном поезде. Но теперь я на нее не сердился. Я был уверен, что с нами ничего не случится. С нами просто не могло случиться ничего плохого.

— Слушай, — сказал я. — Ты сможешь прыгнуть на ходу?

— Опять?!

— Нет, я серьезно.. Не сейчас. У самой Узловой будет подъем, понимаешь? Большой подъем. Сцепка там замедлит ход... Понимаешь?

В кабине был полумрак. Люсины глаза серьезно смотрели на меня.

— Пора собирать вещи?

Нет, все-таки она была молодец!

— Можешь, — сказал я. — И не забудь болгарскую сумку. Там еще столько продуктов. Знаешь, пожалуй, я сойду с ней первый.

Люся засмеялась.

— Учти: мне надо быть в Узловой не позже двенадцати.

— Закроются аптеки?

Люся смотрела на часы.

— Не бойся, — сказал я. — Там есть дежурная.

Люся кивнула. Поежившись, плотней запахнула плащ.

— Что-то похолодало.

В кабине действительно стало холодно, а на мне была только рубашка. Пиджак остался в первой кабине. Надо было снова лезть через две секции. Вот дурная голова!

21

Пиджак валялся в углу кабины. Прошло чуть больше часа, как мы с Петькой поднялись сюда.

Я посмотрел на контрольный щит. Может быть, можно еще что-нибудь сделать?

Я сел в кресло машиниста. Осторожно нажал одну кнопку, другую. Повернул какой-то рычажок. Двигатель был выключен, натворить большой беды я уже не мог. Я стал нажимать подряд все кнопки и рычажки.

Вдруг кто-то тихо позвал:

«Сереза...»

Я вздрогнул. И снова негромкий мужской голос произнес:

«Сергей Селезнев...»

Я чуть не заорал от страха. Но в кабине горел свет, и я был в ней один. Немного успокоившись, снова взялся за рукоятку на которой остановился. Повернул ее.

И сразу в кабине отчетливо зазвучал голос:

«...Сцепка из трех тепловозов... Они должны нагнать тебя...»

У меня даже дыхание перехватило. Это было радио! К нам шли на помощь!

«...Тепловозы подсоединятся к твоей сцепке», — продолжал незнакомый голос.

Он говорил очень мягко, с небольшим акцентом.

«...Если даже тепловозы не догонят тебя — вдруг так случится, — не отчаивайся. Тогда ты должен будешь прыгнуть в начале подъема у Узловой. Слышишь, Сереза? Обязательно — в начале подъема!..»

— Хорошо! — крикнул я, забыв, что меня не слышат. — Я так и хотел!

«...Дальше будет крутой поворот. На такой скорости сцепка не удержится. Может быть крушение... Понимаешь? Ты должен прыгнуть, когда начнется подъем...»

Голос вдруг оборвался. Сначала я ничего не понял, а потом увидел рукоятку включения радио в своей руке. Я так сжимал ее, что вырвал из гнезда. Я стал лихорадочно прилаживать рукоятку обратно. Это никак не удавалось. Снять щит и добраться до проводов было невозможно. Я стонал от досады, оборвал в кровь пальцы, но радио больше не говорило. Наконец сообразил, что в последней кабине тоже должно быть радио. Я кинулся обратно.

22

— Что так долго? — сердито сказала Люся. — Я уже стала волноваться.

Я бросился к пульту и повернул знакомую рукоятку. Крутил ее туда и сюда, но радио молчало. Наверно, передача была настроена только на радио кабины, где мы были с Петькой.

Люся дышала мне в затылок.

— Скажи, что случилось?

— Меня сейчас вызывали по радио!

— По радио?

В ее голосе было недоверие.

— За нами высылают тепловозы. Они должны догнать нас.

— Правда?! А еще что?

— Еще...

Я хотел сказать о повороте и вовремя прикусил язык.

— В общем все.

Люся помолчала.

— Сереза... А вдруг нас не нагонят?

— Нагонят!

— А вдруг?

— И тогда не отчаивайся... Будем прыгать на подъеме, как я говорил. Ничего не случится.

23

И тут я вспомнил. Я не мог точно сообразить, когда и где это было. Только помню, что был еще совсем маленький. Лет шести. Мы ехали в поезде с папой и мамой. Не помню куда. Нас долго держали на какой-то станции. Там скопилось очень много поездов. Говорили, что впереди крушение. Папа куда-то уходил, потом вернулся и сказал, что точно, впереди крушение: столкнулись и сошли с рельсов составы.

Потом мы поехали. Наш поезд пропустили вперед, потому что он мог еще войти в расписание. Другие должны были идти за нами. Я тогда ничего не понимал и радовался, что мы всех обогнали. Папа рассердился и сказал, чтобы я немедленно ложился

спать. Я не хотел спать, но он прикрикнул на меня и задернул шторы. Взрослые ушли из купе.

Я не мог понять, почему меня днем уложили в постель. Я поднялся и отдернул штору.

Наш поезд медленно шел по высокой насыпи. А внизу... Внизу на поляне лежал на боку паровоз. У него была погнутая, смятая труба. А рядом разбитый вагон. Возле паровоза и вагона суетились люди. Это было очень страшно и странно — большой, настоящий паровоз лежит на боку со смятой трубой. Поезд шел медленно, я смотрел на паровоз и не услышал, как в купе вернулись взрослые. И тут папа меня ударил Первым раз в жизни. Он никогда меня не бил. Мама — та и шлепала и подзатыльники давала. А он нет. Я никогда больше не видел его таким.

Сейчас я снова увидел этот паровоз со смятой трубой, лежащий под насыпью...

24

— Сережа! Они обязательно нас нагонят?

Я не ответил. Мы приближались к станции.

На соседнем пути, закрывая перрон, стоял товарный состав. Он был очень длинный. Чуть ли не в километр. Состав обрывался вагоном. Тепловозов не было.

Тепловозы появились через несколько секунд. Длинная сцепка медленно шла по запасному пути. Я схватил Люсю за руку.

— Смотри!

Мы поравнялись с первым тепловозом. Спереди у него была небольшая площадка, огибавшая корпус. В кабине стояли люди. Один из них, высунувшись в окно, что-то кричал, но мы не расслышали.

Через мгновение тепловозы уже были позади.

И тут же мы увидели их снова.

Вернее, не сами тепловозы, а луч прожектора. Он шел за нами.

Люсины пальцы сжали, мою ладонь. Губы ее шевелились. Я не слышал, но понимал, что она шепчет.

— Скорей! Скорей! Милые, хорошие... Нажмите еще... Нажмите!

Люся все сильнее сжимала мою руку.

Тепловозы мчались за нами. Они были совсем недалеко. Еще минута-другая — и они нас догонят. Тихо стукнувшись, соединятся составы. Машинист даст задний ход. Люся отпустит мою ладонь, и кончится этот сумасшедший бег, эта необыкновенная ночь... Неужели кончится?!

25

Свет не приближался. Мне даже показалось — он начал отставать. Я не хотел в это верить, но прожектор идущего за нами состава все больше отодвигался назад. Это был уже не луч, а только яркое пятно света. Потом пятнышко. Наконец и оно исчезло за горизонтом...

Люсины пальцы отпустили мою ладонь.

А у меня перед глазами был паровоз под насыпью. Он лежал на боку со смятой трубой.

26

...Я чувствую — вот он, подъем! Я высовываюсь в окно. Даже в темноте видно, как впереди насыпь дороги круто подымается вверх. Тепловозы замед-

ляют ход. Им не под силу взять с разбегу этот подъем.

— Не забудь сумку! — говорю я.

Люся улыбается. Теснее прижимается ко мне.

— Не бойся, — говорю я.

— Я не боюсь...

— Ты сможешь прыгнуть?

— Смогу. Только ты первый. Мне тогда будет не так страшно.

— Ты не бойся и прыгай сразу за мной.

— Я прыгну сразу.

— Не бойся. Я поймаю тебя.

— Я с тобой не боюсь!

Мы поднимаемся все выше. Дорога идет над стоящими у подножья холма домами. В свете прожектора они белые, чистые, как на картине «В лунную ночь»

Я гашу прожектор и снова смотрю вперед. Там уже виден крутой поворот. Дальше медлить нельзя.

— Прыгай сразу за мной, — говорю я и распахиваю дверь. — Вперед и немножко вбок!

— Сережа!

Люся бросается ко мне. Крепко обнимает.

— Если со мной что-нибудь случится...

— Ничего не случится!

Я целую ее.

— Пора!

Я спускаюсь по ступенькам. Прежде чем прыгнуть, оборачиваюсь. Люся стоит наготове, держась за поручень. В глазах у нее какое-то совсем особенное выражение.

Я машу ей рукой и прыгаю вперед и немного вбок. Меня ударяет © щебень, я падаю, но тут же вскакиваю.

Люся уже на последней ступеньке подножки.

— Давай! — кричу я.

Люся отделяется от подножки. Я со всех ног бросаюсь к ней. Люся клубком катится к краю насыпи. Я поспеваю вовремя и удерживаю ее

— Ушиблась?

— Нет, ничего...

Она очень испугана.

— Кости целы?

— Вроде да...

Мы смотрим на удаляющиеся тепловозы. Они уже наверху возле поворота. Отсюда кажется, они идут совсем не так быстро. Темный состав четко виден на фоне неба. Так в кино идут поезда, перед тем как их подорвут партизаны.

И вдруг...

Ровная линия состава надламывается. Тепловозы

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

вздыбливаются — лезут друг на друга. И вот уже первый из них летит вниз.

Мы с Люсей бежим вверх по насыпи. Люся что-то кричит. А может быть, это кричу я?

Тепловозы один за другим летят вниз. Они кажутся по высокой насыпи, по склону холма. Один, второй, третий, четвертый.

А внизу в домах спят люди. Они спокойно лежат в постелях и не знают, что через секунду на их дома обрушатся страшные громады. Они сомнут стены, раздастся взрыв..

— А-а-а!.. — в отчаянии кричу я.

27

— Что с тобой? — спросила Люся.

Мы по-прежнему стояли с ней в последней кабине несущейся в ночи сцепки.

— Ничего.

— Ты вдруг дернулся...

— Нет, ничего.

Не могу же я рассказать ей, что привиделось мне сейчас.

— Сережа, они нас теперь не догонят?

Она все еще всматривалась в темный горизонт, на что-то надеясь.

— Наверное... нет.

Сейчас уже нельзя врать. Надо говорить только правду.

— Значит... будем прыгать?

— Придется. Да не бойся!

— Я не боюсь.

— Все будет в порядке...

Если все будет в порядке, мы окажемся на насыпи и начнем ошупывать синяки. А тепловозы уйдут

вперед — к повороту, и... Мне не хотелось думать, что будет дальше.

Послышалось всхлипывание.

— Не реви! — сказал я.

— С чего это ты взял! — сердито ответила Люся и затихла.

28

А я думал. Мне никогда в жизни не приходилось так думать. До сих пор самый сложный вопрос, который я решал, был: «Идти сегодня в школу или не идти?» А сейчас я должен был думать не только о себе. Я не мог не думать о Люсе. И потом, как я ни старался, но не мог не думать о тех людях, что сейчас спали в Узловой, в домах, стоящих под насыпью.

«Брось! — говорил я себе. — Ведь тебе ясно сказали: «Прыгай! Прыгай во что бы то ни стало!» Ну, значит, и надо прыгать. И нечего раздумывать. Прыгай — и все! За тебя решили!»

Ведь я не обязан был знать о повороте. Откуда мне знать? Может быть, я никогда в жизни не был в Узловой.. И радио не слышал. Неизвестно, когда сломалось радио. А если бы оно сломалось на секунду раньше? Вполне могло. И я бы не услышал про поворот. И ничего бы не знал. Кто может знать, что я слышал радио? Никто! Ведь я был там один. Один! И никто не узнает про это. Никто не упрекнет. Хорошо, что я ничего не сказал Люсе про поворот. Как чувствовал. И хватит об этом думать!..

Но я не мог не думать. Я никогда их не видел, но они все были передо мной, те, что спали сейчас в своих постелях. Большие и маленькие. Ребята вроде меня. Мамы, похожие на мою маму. Девчон-

ки, такие красивые, как Люся. Совсем мелюзга, первоклашки, и те, что ходят еще в детский сад или даже совсем не ходят, а спят в колясках. Они все были рядом со мной, и я не мог отделаться от них. Но что я могу сделать, чтобы помочь им? Ничего. Я же не могу добраться до передних тепловозов. Они не сообщаются. Никаких дверей, перил, площадок. Не могу же я перескочить из одной закрытой кабины в другую.

Только если с крыши на крышу... Тогда уж лучше прямо под колеса. С крыши на крышу при такой скорости, в темноте!

Хватит, довольно травить себя! Все равно ничего ты сделать не можешь. Сейчас начнется подъем, и мы с Люсей прыгнем на землю. И нечего думать о всякой ерунде. Ты не герой, не Матросов и не Брумель. Да еще посмотрел бы я, как Брумель прыгнул. Это не на стадионе в яму с песком. И никто тебя никогда не упрекнет. Вернешься домой, все сочувствовать будут, крыть Петьку.

Ведь никто ничего не узнает. Никогда в жизни. Только я буду знать. Тоже всю жизнь. Всю жизнь буду носить это в себе. И буду помнить. Утром за чаем, днем на работе, вечером, ложась спать. Ночью мне будут сниться летящие вниз тепловозы и дома под ними, белые, как на картине «В лунную ночь». Разве я смогу жить, если всегда буду помнить об этом?!

Через люк в машинном отделении можно выбраться на крышу. Впереди семь секций. Нет, я никогда не смогу этого сделать!

Я вернусь домой. Мама будет счастлива, что я уцелел. Потом придет отец. Он посмотрит мне в глаза и все поймет. И придется рассказать... Нет, не только потому, что отцу трудно, невозможно врать. Не только...

Я знал, почему мне придется рассказать. Потому что сам он не мог бы прыгнуть с поезда, если бы беда грозила другим людям. Он бы точно влез на крышу, чтобы добраться до первых тепловозов. И не вспомнил даже, что у него раненая нога до сих пор болит в колене. Его ранили в конце войны, весной сорок пятого. Он пошел добровольцем, он тогда был чуть старше меня. Папа был стрелок-танкист. Его ранили, когда он вернулся к своей подбитой машине. Там остался командир. Командир приказал всем уходить. Сказал, что пойдет последним. Они не знали, что он тяжело ранен и не может уже выбраться. Но командир не хотел, чтобы из-за него погибли отец и водитель. Они вылезли из танка и побежали. А потом отец обернулся и увидел, что командира нет. Он крикнул водителю, но тот не остановился и бежал все дальше. А папа вернулся. И тут его ранило. Но он все-таки вытащил командира. Он долго тащил его по полю, и командир умер у него на руках. Он все-таки дотащил его до своих. А потом он встретил в медсанбате водителя. И ударил его. Водитель был старшина, а папа только младший сержант. Его судили трибуналом и разжаловали в рядовые. Но отец говорил, что если бы он еще раз встретил того водителя, то все равно бы удалил...

29

Три! Только три раза надо прыгнуть с одной крыши на другую. Ведь каждые две секции общаются между собой

Теперь я знал, что прыгну, — я не думал, чем это кончится. Я просто не мог поступить иначе. Надо

было позаботиться о Люсе. Она не должна рисковать. Она прыгнет, как только начнется подъем.

— Люся! — сказал я. — Не дрейфь. Спрыгнем, как на парашюте.

Видно, я перебрал в бодрости тона, и Люся тут же это почувствовала.

— Это еще вопрос, кто дрейфит, — сказала она.

— Слушай: ты прыгнешь первой.

— Почему я?

— Так лучше. Да ты не бойся.

— Я сказала, что не боюсь!

— Тогда слушай меня...

— Смотря что скажешь...

— Надо спуститься на последнюю ступеньку.

— Спасибо, за «Цеу».

— Какое «Цеу»?

— «Ценные указания». А то я уж думала из окна кидаться.

Она отвечала сразу, не думая, пытаясь закрыться от страха резкими ответами. Но я не обращал внимания на ее слова. Главное, чтобы она прыгнула.

— Значит, договорились: ты прыгнешь первая...

— Это я уже слышала. А почему все-таки я?

— Я прыгну сразу за тобой. Тут же. Просто я должен быть уверен, что ты прыгнула.

— Какая забота о человеке!

— Люся! — сказал я. — Послушай... Это не так просто. Я один раз уже пробовал... И не смог!

— А теперь сможешь?

— Смогу.

— Значит, и я смогу! — отрезала она. Но тут же извиняюще коснулась моей руки. — Хорошо, Сережа! Я все сделаю, как надо...

Я выключил наружный свет и спустился на подножку. Взошла луна, стало немного светлее. Впереди отчетливо виднелись огни, раскинувшиеся по холму. Это была Узловая.

Я поднялся в кабину. Люся возилась со своей сумкой.

— Собираешь вещи? — спросил я — Брось, только помешает.

— Что ты! — ужаснулась Люся. — У меня все здесь!

Люся кончила колдовать над сумкой.

— Я готова!

Огни на холме приближались. Их стало больше.. Скоро должен начаться подъем.

30

В домах зажглись огни. Недовольные люди подымались на стук с постелей. Еще не стряхнув сон, они выслушивали короткие тревожные слова. Люди невольно подымали головы и смотрели туда, где над их домами шла крутая эстакада железнодорожного пути.

Потом они возвращались домой, будили детей и выходили вновь, уже одетые, с наспех собранными вещами в руках.

Люди уходили в сторону от железной дороги. Плакали разбуженные дети, коротко перебрисывались словами взрослые.

31

— Георгий, ты сошел с ума!

— Ошибаешься. Никогда в жизни я еще не был так разумен.

— Это бред!
 — Это расчет. Понимаешь, я выхожу навстречу на легком тепловозе. Жду их у начала подъема
 — Они сомнут тебя!
 — Зачем сомнут? Я тоже буду подыматься вверх. Почти с их скоростью. Понимаешь? Почти! Они нагонят меня. Я приму их на свой хвост
 — И сцепка сбросит тебя вниз.
 — Никогда. Я смягчу удар.
 — Ну хорошо, а потом?
 — Потом переберусь на первый тепловоз. Любой ценой! Хоть прыгну с крыши.
 — Ты погибнешь, Георгий!
 — А погибнет мальчик? Погибнут люди? Тогда что, а?

32

— Пора! — сказал я и раскрыл дверь
 Все было почти так, как я представлял себе. Внизу под насыпью стояли белые дома. В окнах горели огни, фары автомашин освещали темные улицы.
 Люся шагнула вперед. Красно-синяя сумка была зажата в руке. Сцепка шла вверх по подъему. Скорость сейчас казалась не такой большой.
 — Скорей! — сказал я.
 Люся остановилась в дверях.
 — А ты?
 — Я за тобой!
 Люся медлила.
 — Ты сразу?
 — Да, да! Быстрей!
 Я нервничал. Состав подымался все выше, а мне надо было еще пройти в машинное отделение первой секции, подняться на крышу...
 Люся спустилась по ступенькам.
 — Давай! — подбодрил я.
 Она снова остановилась.
 — Ты что?
 Она молчала. Ее огромные глаза в упор смотрели на меня, как будто спрашивая о чем-то.
 — Прыгай! — закричал я.
 Люся отвернулась. Сжалась на ступеньке.
 — Ну!
 Я легонько подтолкнул ее в плечо. Люся вдруг выпрямилась и легко поднялась в кабину.
 — Что с тобой?
 — Я не буду прыгать.
 — Почему?
 — Я боюсь.
 — Прыгай! — заорал я. — Прыгай! Слышишь?! Сейчас же!
 — Я не буду прыгать, — негромко сказала Люся — Я боюсь.
 — Врешь!
 — Пусть. Но я все равно не прыгну.
 — Почему?
 — Ты что-то задумал.
 — Ничего я не задумал!
 — Не кричи Я же вижу. И я никуда не уйду.
 Я чувствовал ее дыхание, видел ее глаза. Я понял: она не уйдет. Ни за что.
 — Хорошо! — сказал я — Оставайся!.. Только дай слово!
 Она кивнула.
 — Если увидишь.. Поймешь, что плохо... Понимаешь? Совсем плохо!.. Тогда прыгай! Сразу. Не жди меня... Слышишь?
 Люся еще раз кивнула. Вот сейчас, пожалуй, она смотрела на меня как-то по-особенному

Опираясь на выступы затихшей машины, я поднялся к люку.

Локомотив бросало из стороны в сторону. Я не влез на крышу, а вполз и распластался на ней, раскинув руки. При одной мысли, что надо встать на этой покатокой металлической поверхности, нехорошо замирало сердце. Но я должен был встать. И не только встать, но и пробежать по крыше и прыгнуть на следующую.

Я поднялся, на колени. В лицо ударил ураганный ветер. Я заставил себя встать во весь рост. Ветер просто валил с ног. Сердце стучало, как хороший двигатель. Я сделал шаг вперед. Второй... Третий... Крыша следующего тепловоза была недалеко. Всего метрах в двух. Я посмотрел вниз и зажмурился. Темный провал показался шириной с Черное море. Даже закружилась голова. Сквозь грохот поезда послышалась сирена не то пожарной машины, не то «Скорой помощи».

Я открыл глаза. Смотреть вниз больше не рисковал Я отступил назад к самому краю секции. Прочитал до пяти, бросился вперед...

И не смог прыгнуть. Не хватило духа.

Снова отошел назад и, не раздумывая, разбежался. Оттолкнулся ногой, наверное, раньше, чем надо, но прыгнул!..

Я больно ударился коленями о крышу впереди идущего тепловоза и упал ничком. Я лежал, прижавшись щекой к металлу и чувствовал, как крыша содрогается под ударами работающего внутри двигателя.

У меня не было сил встать. Я пополз вперед и добрался до ближайшего люка. Спустился вниз и бросился назад в кабину секции.

В кабине дернул знакомую кнопку. Когда я торопливо пробрался по машинному отделению обратно, двигатель уже затихал. Потом выключил двигатель в первой секции. Уже половина дизелей не работала. Но сцепка по-прежнему шла вперед.

Через открытый люк снова поднялся на крышу. Теперь я оказался как раз посредине состава. Два тепловоза были сзади и два впереди.

Состав шел уже по городу. Внизу справа и слева виднелись дома. Надо было спешить.

Я отметил место толчка. Теперь я знал, что надо сделать пять шагов. Отошел назад, разбежался и прыгнул. На этот раз с первого раза.

Мне даже удалось удержаться на ногах. В конце концов тепловозы разделяли всего каких-нибудь два метра.

Спускаясь, я подумал, что, наверное, оба двигателя тепловоза соединены и их можно выключить сразу из первой кабины. Я мог бы сэкономить минуты

Я прошел в первую секцию второго тепловоза и нажал кнопку «Запуск второй секции». Тут же погасла зеленая лампочка на щите, та — теперь я это знал, — что сообщала о работе второго двигателя. Потом я дернул кнопку справа — стук дизеля за стеной кабины тоже смолк. Значит, я выключил оба!

Окрыленный, я бросился назад, к люку, ведущему на крышу. Мне осталось сделать всего один прыжок, чтобы добраться до первого тепловоза и остановить этот проклятый состав!

Я быстро поднялся на крышу. Уверенно выпрямился. В лицо ударил яркий свет прожектора. Он был впереди, на одной линии с нами. Я с ужасом

подумал, что какой-то поезд идет навстречу. Я закричал, замахал руками. Но, если поезд шел навстречу, ничто уже не могло предупредить несчастье. Прошло несколько томительных секунд. Прожектор по-прежнему бил в глаза, но ничего не случилось.

Тут я понял: поезд шел не навстречу. Наоборот, мы догоняли его. Мы шли по одному пути друг за другом.

Прожектор становился все ярче. Я рванулся вперед. Прожектор слепил меня, но я должен был все равно добраться до первого локомотива, пока мы не врезались впереди идущий состав.

Я был уже у самого края, когда свет вдруг погас. Я на миг ослеп. И тут же нога провалилась в пустоту. Я упал на спину и заскользил вниз по скату кабины, напрасно пытаюсь зацепиться за что-нибудь руками. Под ногами была пустота. Я неудержимо сползал вниз в разрыв между тепловозами.

Каблук ботинка на мгновение зацепился за бортик окна и тут же соскользнул. Я сдвинулся еще на несколько сантиметров.

Вдруг моя рука уцепилась за что-то. Отчаянным усилием я перевернулся и ухватился другой рукой. Невероятно, как мне удалось это сделать. Я висел на фаре прожектора. Она спасла меня. Я подтянулся на руках и выбрался обратно на крышу.

Впереди идущий состав был скрыт первым локомотивом. Но я знал, что он рядом.

Я встал. Ноги подкашивались. Я должен был прыгнуть еще раз. Во что бы то ни стало! Я шагнул вперед и, оттолкнувшись изо всех сил, перемахнул на крышу первого локомотива.

Я спустился вниз и прошел в кабину. Самую первую кабину состава. Она была пуста. Одна из дверей открыта настежь. Я нажал кнопки, выключающие двигатели, потом посмотрел в окно. Впереди шел состав. Мы догоняли его. Там снова вспыхнул прожектор. Он слепил меня. Тогда я включил свой. Прожектор впереди идущего состава тут же погас. Я тоже погасил наружный свет.

Все двигатели были выключены. Но по инерции сцепка еще шла вперед. Больше я сделать ничего не мог. Ноги меня не слушались. А надо было еще соскочить с состава. Догадается ли Люся спрыгнуть сейчас, когда тепловозы замедляют ход? Я опустил в кресло и на секунду закрыл глаза. В кабине было тихо. Совсем тихо. Только хлопала незакрытая дверь.

Когда я открыл глаза, впереди идущий тепловоз был совсем близко. Он был другой конструкции, с площадкой перед кабиной. На площадке стоял человек. Он махал рукой. Не тревожно, скорее приветственно.

Мы постепенно сближались. Я смотрел на человека на площадке. Он широко улыбался и махал рукой. Скорость заметно упала. Я решил не прыгать.

Теперь мы шли одной скоростью с первым тепловозом — может быть, только чуть быстрее. Нас разделяло несколько метров. Человек на площадке, склонившись, ждал, когда сцепка подойдет вплотную.

Толчок был несильным. Лязгнула автосцепка. Теперь мы были в одном составе. Человек что-то крикнул, обернувшись назад. На этот раз сильно трянуло. Передний тепловоз дал задний ход. Человек соскочил с площадки. Я распахнул дверь. Человек поднялся — нет, прыгнул в кабину. Он рванул какую-то рукоятку и срабастил меня в объятия.

— Дорогой! Бичо!..

От него пахло нефтью и табаком так же, как от моего отца. Он что-то громко говорил, мешая русские и грузинские слова, пытался заглянуть мне в лицо, но я только плотней прижимался к его промасленной куртке.

Сцепка последний раз вздрогнула и остановилась. Я высвободился из объятий грузина, незаметно вытер глаза и прыгнул на землю.

От последнего локомотива ко мне навстречу бежала Люся.

— Сережка!..

Она с разбегу налетела на меня, повисла на шее. У меня вдруг опять закружилась голова.

Люся плакала и смеялась сразу.

— Сумку забыла.. — сказал я.

Люся засмеялась и вытерла слезы.

34

Последние километры до станции мы ехали на головном тепловозе. На нем было трое: два машиниста и огромный грузин, оказавшийся каким-то начальником из управления дороги. Нас хлопали по плечам, поздравляли.

Грузина звали Георгий. Я спросил, как его отчество, а он сказал: «Зачем тебе отчество? Зови просто Георгий!»

Георгий все рассказывал, как испугался, увидев меня на крыше локомотива.

— Ай, молодец! — восклицал он. — Ай, какой молодец, себя не пожалел!

Мне было неловко, но в то же время приятно. Меня еще никогда так не хвалили. Я только боялся увидеть знакомую усмешку Люси. Она слушала серьезно, но все-таки при ней мне было неудобно.

— А как Петька? — спросил я.

— Какой Петька?

— Шукин... Ну, слесарь, что был со мной. Цел?

— А! Цел твой Петька. Живой, невредимый. Молодец, понимаешь, успел к телефону — не дал вас под откос спустить.

— Это кто же додумался нас под откос пускать? — сердито спросила Люся.

— Да тут, понимаешь, нашелся один горячий человек!

Георгий покосился на машинистов, и все трое засмеялись, как будто он сказал что-то необыкновенно смешное.

В кабине было тесно. Мы с Люсей вышли на площадку, огибающую локомотив. Состав не торопясь шел по эстакаде. Впереди уже светились огни вокзала. А внизу у наших ног лежал раскинувшийся по склонам холма город.

Я стоял рядом с Люсей. Наши руки лежали на перилах. Я осторожно подвинул ладонь, и наши пальцы соприкоснулись. Я замер, но Люся своей руки не отняла.

Это было необыкновенно. Даже лучше, чем тогда, когда Люся дремала на моем плече. Она хотела спать, и ей было все равно, о чье плечо опереть голову, она просто устала. А сейчас Люся не могла не понять, что я нарочно подвинул ладонь, и она не отняла своей руки! Я даже не мог представить, что мне когда-нибудь будет так хорошо, как сейчас. Ради этого стоило оказаться на сумасшедших тепловозах. Сейчас я мог бы снова забраться на крышу тепловоза и прыгнуть пять, десять, пятнадцать раз!

Неужели Люся сейчас чувствовала то же самое?

По лицу ее ничего не было заметно. Она пристально смотрела вперед, туда, где все ближе подступали огни вокзала.

Но она же не отняла руки!..

35

Сцепка остановилась. Георгий протянул руку Люсе. Она спустилась по ступенькам. Я сошел за ней. К тепловозу подскочили санитары с носилками. Они почему-то обязательно хотели отвести нас в медпункт, и мы насилу отбились от них. Но в медпункт, правда, своими ногами, нам все-таки зайти пришлось.

Меня заставили раздеться, и врач смазал мне йодом царапины на ногах и животе. Я здорово ободрался, пока прыгал по крышам.

Потом меня отравили в душ. Вымылся я с удовольствием и даже замыл, как мог, на своей нейлоновой рубашке грязные пятна. Потом причесался перед зеркалом. Выглядел я совсем неплохо, если не считать ссадины на лбу, которую заработал в самом начале пути. Когда я вышел из душевой, мне сказали, что надо идти к начальнику.

Люси в медпункте не было, спросить, где она, я постеснялся.

В кабинете начальника было много людей, и среди них Георгий. Люси тут тоже не было.

Меня снова похлопывали по плечу, поздравляли, а самый главный начальник пожал мне руку и сказал, что мой героический поступок (он так и сказал) будет отмечен приказом по отделению дороги и ценным подарком.

Я очень жалел, что всего этого не слышала Люся. Вдруг все замолчали и повернулись к двери. Я тоже посмотрел на дверь. В кабинет вошла Люся. Георгий торопливо пододвинул ей кресло.

Люся была совсем другая, опять высокая, с очень длинными, как у заграничной кинозвезды, глазами. Все смотрели на нее, а я-то понимал, почему она такая: просто переодела туфли — теперь у нее на ногах были лодочки на высоченной шпильке, а глаза накрасила и ресницы тоже успела.

Начальник спросил, когда мы хотим вернуться обратно. Через полчаса будет скорый поезд в нашу сторону, и нас могут отправить с ним.

Люся поблагодарила и сказала, что ей надо задержаться в городе.

— Может быть, вам нужна гостиница? — спросил начальник.

— Нет, спасибо, у меня здесь есть знакомые, — сказала Люся.

Раньше она мне о знакомых не говорила.

— А вы? — спросил меня начальник.

Я сказал, что поеду обратно, но, если можно, немножко попозже. Я хотел проводить Люсю до аптеки.

Мне сказали, что можно и позже, но поезд тогда уж будет не скорый, а пассажирский. Я сказал, ладно, пусть будет пассажирский.

Мы вышли из кабинета. В зале на скамейках дремали в ожидании поезда люди. Люся быстро шла, поминутно поглядывая на часы. Я едва поспевал за ней. Я чувствовал, что она волнуется, и не мог понять почему, ведь все уже кончилось. Но потом сообразил, что из-за лекарства.

— Не волнуйся! — сказал я. — Все будет хорошо!

Люся странно посмотрела на меня и ничего не ответила.

Мы вышли на привокзальную площадь. Горели огни. Напротив еще было открыто летнее кафе. Столики стояли прямо на тротуаре. Оттуда доносилась музыка.

Я спросил у прохожего, где тут аптека. Он показал на улицу, по которой шли троллейбусы.

— Пойдем, — сказал я Люсе.

Но она не пошла. Она стояла на ступеньках и оглядывала площадь, как будто ждала чего-то. Она была сейчас тонкая, высокая и очень красивая. Я ничего не понимал. У вокзала стояли автоматы с газированной водой. Мне захотелось пить. Я порылся в карманах и нашел несколько медяков.

— Хочешь газировки? — спросил я Люсю.

Она не ответила. Кажется, она даже не слышала, что я сказал. Она смотрела на площадь.

Я подошел к автомату и выпил стакан воды с мандариновым сиропом. Вода была холодная и вкусная. Я решил выпить еще стакан с апельсиновым сиропом и бросил монетку в соседний автомат.

Люся вдруг сбежала со ступенек. Автомат уже заурчал, и я не мог сразу пойти за ней. Люся бежала через площадь, чуть раскинув руки, не обращая внимания на резкие сигналы машин.

На той стороне площади возле кафе стоял высокий парень в черном свитере. Он смотрел на Люсю.

Люся увернулась от выскочившего из-за угла такси и взбежала на тротуар. Мне показалось — она хочет что-то спросить у парня в свитере.

Вдруг она вскинула руки и обняла парня. Они стояли на тротуаре. Им было все равно, что мимо идут люди и их может видеть вся площадь. Я не знаю, сколько времени они целовались. Мне показалось, не меньше часа. Потом Люся что-то сказала, и они посмотрели в мою сторону. Люся взяла парня под руку, и они пошли через площадь обратно к вокзалу. Люся что-то быстро рассказывала. Проходивший троллейбус закрыл меня от них.

— Освобождай посуду! — произнес рядом со мной хриплый голос.

Я очнулся. Полный стакан газировки с сиропом стоял под краном автомата. Я выпил его и вошел в вокзал. Не хотелось знакомиться с этим парнем в свитере. Я спрятался в будке телефона-автомата и видел, как они искали меня в зале ожидания. Один раз они прошли совсем рядом с будкой, где я стоял. Я не слышал, о чем они говорили, но видел Люсино лицо. Она смотрела на парня так, как я, наверное, смотрел на нее. Парень взглянул на часы и что-то сказал Люсе. Люся замотала головой и пошла в соседний зал.

Я вышел из будки. Возле кабинета начальника встретил Георгия.

— А где Люся? — спросил он.

Наверное, у меня стало очень нехорошее лицо, потому что Георгий вдруг забеспокоился, как я себя чувствую. Я сказал, что нормально, но хочу уехать обратно на скором. Георгий отвел меня к дежурному по вокзалу, и мне выписали литер, как настоящему железнодорожнику, в мягкий вагон.

Скорый уже стоял у перрона. Георгий проводил меня до вагона. На прощание обнял меня.

— Будь здоров, генацвале! — сказал он. — Приезжай, всегда дорогим гостем будешь!

Дать мне свой адрес он так и забыл.

Поезд уже тронулся, когда я увидел Люсю. Она бежала по перрону вслед за вагонами. На высоких каблуках-шпильках ей было трудно бежать. Она сбросила туфли и побежала в одних чулках.

Я отошел от окна. В вагоне все спали. Хорошо, что я был совсем один.

...Сергей сидел в коридоре вагона и смотрел в окно. За стеклом было темно, но он угадывал места, которые они проезжали.

Наконец впереди засветились огни большой станции. Сергей поднялся, посмотрел на часы. Сейчас в депо как раз заканчивалась вечерняя смена.

Первая смена в его жизни.

Конец

со стр. 24 ▼

Дрейк вцепился в штурвал, пытаясь удержать траулер в повиновении. Примерно с милу «Флит лэди» слушалась руки капитана. Но вот внезапно нос траулера резко осел. Вероятно, пойманная подводная лодка сбавила ход. Что-то теперь придумают там, внизу?

По правому борту появились пузыри. Кажется, командир снова решил всплыть. Сейчас он находится под траулером, а когда он всплывет, наверняка раздастся такой взрыв, который услышат даже в Плимуте.

— Полный вперед! — скомандовал Дрейк.

Тотчас же одно крыло трала ударило по воде и провисло. Очевидно, что-то отпустило его, зато другое крыло натянулось и рванулось назад, в сторону кормы.

Дрейк все еще не видел подводной лодки. Но он знал, что она у него за кормой. Опять траулер потащило с огромной скоростью, только на этот раз в обратном направлении.

Дрейк отдает приказание матросу Фреду Хатчинсону рубить толстый, толщиной в руку, трос сети.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Фред перерубил стальной канат. Только пять томительных

минут. Лодка внизу, наконец, освободилась, резко рванулась вперед, выровняла ход.

Дрейк и его экипаж в изнеможении стояли на своих местах, когда снова забурлила вода. Показался темный плавник ходовой рубки подлодки, а потом и сам корпус. Медленно развернувшись, она пошла на сближение с траулером.

Из рубки показались военные моряки.

— Добрый день, — раздался из рупора голос с сильным иностранным акцентом. — Надеюсь, у вас все в порядке? — спросил он неуверенно.

Дрейк ответил утвердительно.

— Британский флот не смог нас обнаружить. Зато вы это сделали блистательно. Примите мои поздравления, — добавил Петерсен.

Затем подводная лодка развернулась и пошла своим курсом. На свой курс лег и траулер шкипера Дрейка.

Стэнли Дрейк никогда не забудет день, когда он поймал самую большую рыбку за всю историю тралового флота. «Мы выкинули ее обратно в море, — сказал он потом журналистам. — Но кто может поручиться, что в один прекрасный день такая вот рыба не превратится в атомную акулу?»

Перевела А. БУЯНОВСКАЯ

ПРОИСШЕСТВИЯ

Набежавшая волна ласково коснулась ног женщины, как бы приглашая войти в воду.

— Пора, — сказал стоявший рядом мужчина, и они, поправив за спиной акваланги и натянув маски, нырнули.

Так начинался почти каждый трудовой день австралийского кинематографиста Бена Кроппа и его жены Ван. Бен Кропп всю свою жизнь посвятил подводным съемкам, и первым помощником ему в этом деле была жена. Сколько раз оба они встречались с опасными хозяевами морского царства: то с электрическим скатом, то с акулой! Вот и на этот раз они шли на свидание с самым опасным хищником океанских глубин — белой акулой, или, как ее порой называют, «белой смертью». Обычно такая встреча не сулит ничего хорошего для пловца. Не случайно Бен Кропп пытался отговорить жену от сегодняшнего плавания. Но Ван была настойчива.

Пловцы удаляются от берега. В руках у Ван большое подводное ружье, у мужа — еще и кинокамера. Вот и подводная расщелина, где два дня назад один из любителей подводного плавания встретил белую акулу и едва унес ноги. Но сейчас, когда хищница была так нужна, «дом» ее оказался пуст.

Первой заметила акулу Ван. Чудовище медленно двигалось в их направлении. Бен включил камеру. Ван находилась рядом, готовая пустить в ход ружье. Не доплыв метров пятнадцати, акула принялась описывать круги. С каждым кругом расстояние уменьшалось. Ждать дальше было опасно. Когда акула проплывала совсем рядом, Ван резко оттолкнулась от скалы и устремилась за ней. Оказавшись над хищником, Ван спустила курок. Смертельно раненная рыба рванулась вперед. Минут десять, пока акула не обессилела, она таскала за собой Ван. Все это время Бен продолжал снимать. Такая уж у них с женой работа. Недаром ведь, когда довольные супруги Кропп вытаскивали свою добычу на берег, разговор у них шел о завтрашнем дне, о завтрашней работе, об очередном визите к негостеприимным хозяевам морских глубин.

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

Палаточное поселение раскинулось внизу, вдоль дороги, которая ведет к морю и знаменитым замкам. Проезжающие по этой дороге туристы, а их здесь всегда много, видят зеленые палатки, видят, как бродят между ними женщины с детьми на руках, как сидят прямо на земле мужчины. Редко кому эти картины не напоминают о несчастье, обрушившемся на сицилийский городок Агридженто, что стоит на месте античного города Акрагас.

Оползень этого года (его здесь называют «оползень 19 июля») не убил, к счастью, никого. Однако он принес горе и отчаяние 2099 семьям. Пострадали 7787 человек. Одна из этих обездоленных — синьора Росалия Феррара-Алонги, жена рабочего, домохозяйка. «Нам удалось построить квартиру: две комнаты, кухня, ванна, — синьора сразу же начинает говорить о самом главном для нее. — Все это было как чудо для нас. Вы только представьте, чего нам стоили эти двадцать пять лет. Мы скопили почти два миллиона лир, лира за лирой, отказывались от кино, экономили на еде. Мы купили квартиру в старом доме и все в ней переделали. Я здесь и родилась, и всю жизнь прожила, и дочь родила...» — синьора уже плачет.

Оползень обрушился на город в тот самый момент, когда операция «строительная спекуляция» приблизилась к своему блистательному концу. В полном согласии с этой операцией в квартале Аддолората, как грибы после дождя, выросли внушительные, источающие самодовольство десяти-, двенадцати-, четырнадцатизэтажные дома. Целое стадо

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

выскочил на полотно и принялся отчаянно размахивать шляпой.

Однако эти двое, вероятно, единственные горожане, выполнившие свой гражданский долг. Мэр города (в муниципальном совете Агридженто демохристиане имеют абсолютное большинство) раздавал направо и налево разрешения на строительство жилых зданий. Больше того, муниципалитет сделал все возможное для того, чтобы «облегчить» трудности, стоявшие перед строителями, как будто в его задачи входило содействие спекуляции. Да и стоит ли этому удивляться, если руководитель муниципального отдела общественных работ Альфонсо Ваяна по совместительству руководил и крупнейшими проектами застроек!

Кто же все-таки будет отвечать за катастрофу? Судя по всему — никто. Одна местная газетенка с подходящим для этого случая названием «Метла» писала, что «сколь ни велико несчастье, обрушившееся на нас, мы должны благодарить покровителя нашего города Святого Калоджеро, что трагедия произошла днем, а не ночью». Оказывается, еще и благодарить надо.

Другая газета была более пессимистична: «Сколько слов сказано в связи с трагедией в нашем городе! И сколько еще будет сказано! Но что слова? Ответственность несет все наше общество, искать виноватых — все равно что пробовать переловить всех бабочек». Другими словами, газета советует поставить крест на всех этих разговорах о спекуляции и спекулянтах. Другими словами, пусть за последствия катастрофы в Агридженто расплачиваются налогоплательщики Италии, а спекулянты жильем продолжают безнаказанно наживаться.

ТАКАЯ У НИХ РАБОТА

РАЗРУШИТЕЛИ ИЗ АГРИДЖЕНТО

ПОКОРЕНИЕ «ЛЮДОЕДА»

этих параллелепипедов выстроилось в линию, другие растолкали старые дома, стоят важно, как монументы в честь золотого тельца. Спекуляцию здесь предпочитали, правда, называть «жилищным прогрессом». Теперь-то уж всем ясно, что это было скорее покушением на прогресс.

В самом деле, кто не знал, что землю под кварталом Аддолората если и можно с чем сравнить, так только с дырчатым швейцарским сыром. Сколько раз оттачивали свое перо историки, описывая знаменитые катакомбы, вырытые под Акрагасом древними греками для хранения обильных запасов воды и продуктов. То, что земля эта была оползнеопасной, ни для кого не составляло тайны. Уже в 1760 году здесь был зарегистрирован гигантский оползень. В 1860 году земля второй раз «пошла вниз». Несколькими годами назад — наверное, для того чтобы подтвердить пересуды о столетней цикличности оползней — на многих улицах появились трещины. Но в Агридженто, по всей видимости, не увлекаются чтением книг по истории, как, впрочем, и историей родных мест. По крайней мере о городских властях это можно сказать с уверенностью.

...Оползень начался в восемь утра. Первым его заметил старик дворник Франческо Барриджа. В ту же секунду он вскочил с лавочки, где устроился погреть кости, и с криком: «Быстрее все на улицу, а то погибнете!» — принялся нажимать на звонки всех окрестных домов. Многие, в том числе и сынор Салеми — ему принадлежит часть новых домов, — обязаны сообразительному дворнику жизнью. Что же до пассажиров поезда, вылетевшего в восемь пятнадцать из туннеля, то они должны благодарить неизвестного. Увидев приближающийся поезд, он

При каждом порыве ветра люди теснее прижимались к ледяной стене. Снег слепил глаза. Но с каждым шагом, с каждым метром все ближе желанная вершина...

Так проходило восхождение на Эйгер, знаменитую альпийскую вершину, четырех западногерманских альпинистов. «Эйгер» в переводе означает «Людоед». Наверное, это название не случайно: зимой 1957 года здесь погибли два немца и итальянец.

Для подъема четверка альпинистов выбрала северный склон, наиболее крутой и сложный. Штурм начали, как только установилась хорошая погода. Первый день пролетел быстро. Ночь провели прямо на снегу, в теплых спальных мешках. На второй день начался крутой подъем. С каждым метром покрытый толстой ледяной коркой склон становился все более отвесным. Да, это уже не напоминало начала восхождения. Порой за целый день поднимались лишь на тридцать-сорок метров. Ночью приходилось тяжелее всего. Спальные мешки подвешивали на колышках к скале, и ледяной ветер раскачивал их, пронизывая спящих насквозь.

На четвертый день погода резко изменилась. Пошел сильный снег, участились порывы ветра. Альпинисты, страхуя друг друга, упорно продвигались вперед. При такой погоде каждый неверным шаг мог стать последним. Нет, никто серьезно не думал прекратить подъем: спустаться вниз в таких условиях, пожалуй, еще сложнее, чем подниматься. Медленно отвоевывая каждый метр, продолжали они штурм вершины. На шестой день снова показалось солнце. Голова «Людоеда» сверкала и переливалась в солнечных лучах в каких-то ста метрах. Из последних сил поддерживая друг друга, альпинисты преодолели их за несколько часов. Наверху четверо, как один, подняли руки в знак победы. Стена Эйгера была покорена. Они стали первыми, забравшимися на нее в разгар зимы.

„Туда не бывало“

Ты хочешь знать, кто я? что я, куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
не скот, не дерево, не раб — но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,

...в острог Илимский еду.

А. Н. Радищев

В е виделись лет десять. Встретились — с трудом узнали друг друга. У одного казацкий чуб подернут сединой, у другого сквозь рыжеватые редкие волосы просвечивает молодая лысина. А всего тридцать пять и тому и другому.

Вечером пили молдавский коньяк, закусывали вяленным ангарским хариусом. Старались рассмотреть, понять друг друга — хоть оба и строители, а жизнь совсем разная. По другой мерке мерена, по другой колодке кроена, и нитками сшита совсем незнакомыми. И разговор ходил вокруг да около.

А как там тот!.. А не встречали!.. А помнишь этого — с гитарой!

Потом хозяин все-таки спросил:

— А сам-то как!

Гость закурил, пригладил волосы на пробивающейся лысине.

— Ну, как... Я в общем-то устроился, не жалуясь. Живу в Саратове. Работаю в Стройбанке. Жена, квартира, теща — все, как водится. Рассказывать особо нечего. Ты лучше про себя давай.

— Да что... Мне тоже вроде нечего. Попал на Братскую, отгрохал восемь лет. Потом сюда...

Усть-Илим спит крепко — сном уставшего рабочего человека. Он никогда не встает вместе с солнцем, потому что никогда вместе с ним не ложится. И все-таки каждое утро солнце пытается его

разбудить. Самые торопливые из солнечных лучей прорываются сквозь колючий гребень тайги на дальних сопках и со скоростью света врезаются в стекла — поселок спит. Тогда светило проплавляет в сопках огненную просеку и появляется целиком, во всей своей грозной красе — поселок не реагирует. Зато просыпается Ангара и, озябнув спротонок, стягивает с поселка туманное покрывало, которым заботливо поделилась с ним ночью. Но и обнаженный, он спит, светясь белизной свежесрубленных стен, в мире, распавшемся на зеленое и голубое, — удивительно юный и непростительно беззаботный. И утро замедляет свой бег — надо же дать ему выспаться.

Усть-Илим просыпается по звонку: будильники точнее солнца. Светило никак не применится к распорядку рабочего дня — то слишком рано встает, то слишком поздно. Будильники же поднимают ребят ровно за час до начала работы.

И мир моментально становится многоцветным, и в мире рождается звук. Рубашки, брюки, платья и косынки горластой мозаикой заливают пространство между домами и суматошным потоком выплескиваются на дорогу.

А дорога гудит, и ревет, и содрогается под колесами. Распахнутые настежь ворота автобазы вышвыривают громыхающие клубы пыли, в которых прячутся грузовики. Тугими бильярдными шарами они разлетаются по дорогам, и каждый тянет за собою пышный шлейф — пыльная серо-желтая пелена поднимается над поселком и смазывает грань между зеленым и голубым. Поток машин накатывается на поток людей и в несколько минут съедает его — машины идут туда, куда торопятся люди. К рабочим местам.

На дороге остаются немногие — те, кто пока еще не имеет рабочего места. Эти шагают не торопясь — будильники у служащих отдела кадров лишь собираются звонить.

Из всех ситуаций, связанных с общением на расстоянии, самая неприятная, пожалуй, та, когда

ЭНТУЗИАСТЫ

Следу...

Л. ФИЛИМОНОВ, наш спец. корр.

Фото автора

человек висит на телефоне. Так по крайней мере утверждают люди, не изведавшие прелести обратной ситуации — когда телефон висит на человеке. У Власова как раз обратная: на нем висит телефон.

— Не помню случая, чтоб я сначала сел, а уж потом снял трубку — вечно перехватит на полдороге к стулу. Мне уже кажется, что он меня дрессирует: не поговоришь — не сядешь. Вот и разберись тут, кто кого создал и кто кому диктует свою волю... О!.. Да. Я. Привет. Краски? Нет, дорогой. Никакой, ни грамма. На белила? А сколько дашь? Пол-та кг? Вези. Пошарим на складе, может быть, и найдем что-нибудь. Зеленая тебя устроит? Договорились. Пока...

Так вот... Извини. Да. Какой бульдозер? Эти вопросы решает диспетчер. Да-да, к нему. Не знаю. Все...

Вы, девушки, ко мне? Здравствуйте. Слушаю вас. Так. Техникум, третий курс, на практику. Направление есть?

Девушки (совсем девчонки — одна еще с косичками, другая, видно, только что остриглась) краснеют, мнутяся:

— Вы понимаете... Все дело в том... Ну, направление у нас совсем в другое место. А нам ужасно хочется сюда. Здесь стройка комсомольская... мы комсомолки... и в газете написано...

— И что же мне с вами делать? У нас ведь даже жить вам негде.

— А мы уже живем — нас одна тетенька взяла к себе.

— Смотри-ка, шустрые какие! Так что же придумать? Третий курс? Вы с геодезией знакомы? Извините... Да. Кто? Привет, Володя. Совещание в управлении? В пять вечера. Квартальный план. Спасибо, старина, все понял. Куда ж я денусь, буду обязательно. Всего. Да... девочки. Минутку... Казанков? Юрий Иванович, тебе нужны геодезисты? Студенты. Двое. Хорошо. Так вот что, девушки, вы подождите, пожалуйста, в коридоре. Приедет тут один товарищ, договоритесь — будем оформлять...

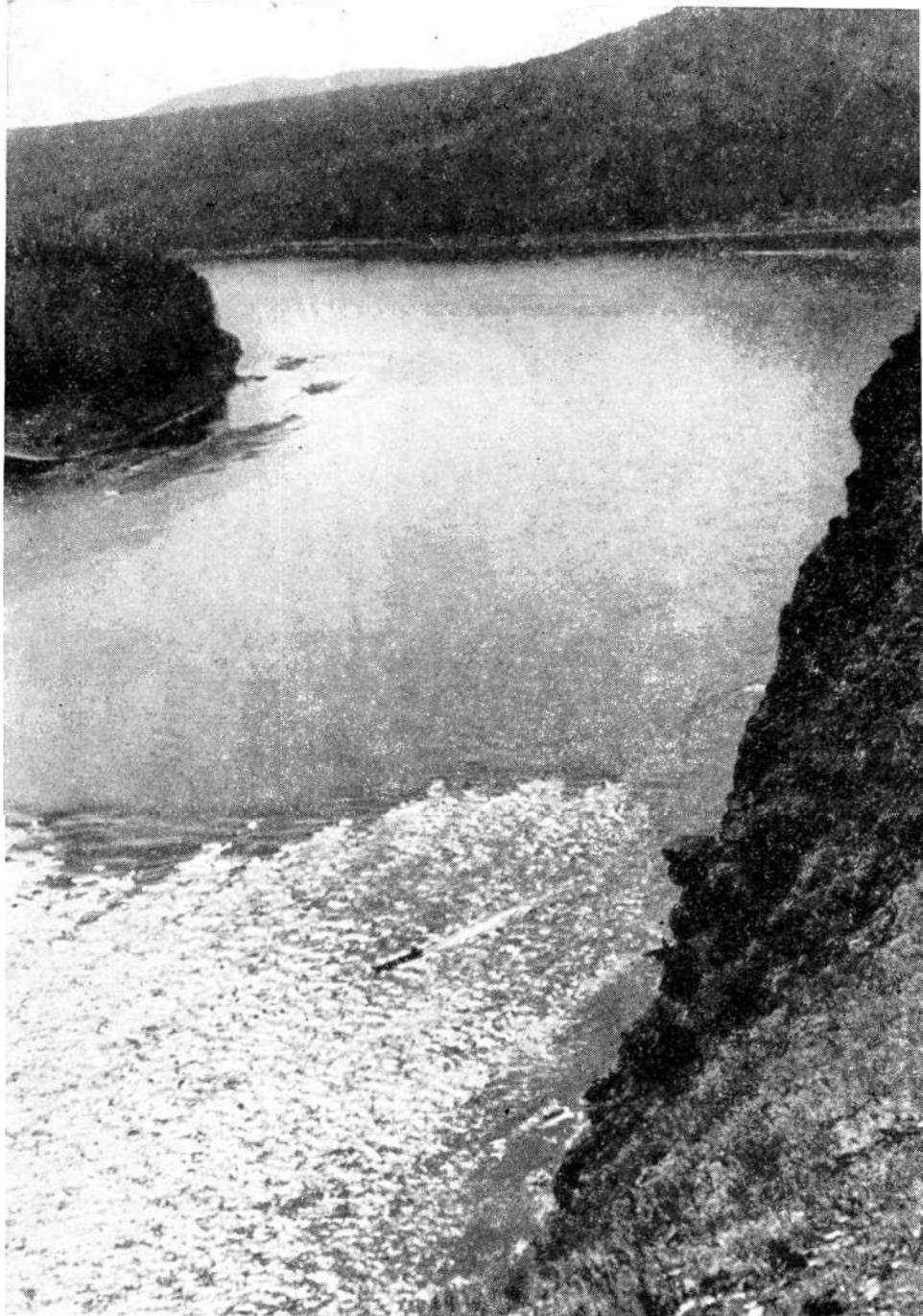
Насчет работы? Слушаю. Маляр? Кто вас направил? Ясно. Трудовую книжку, паспорт. Для маляров у нас пока работы нет.

Вернее, есть работа — нет материалов. Могу принять разнорабочим. Временно. Придут материалы — переведем в бригаду маляров. Кстати, где жить собираетесь? С жильем у нас тяжело.

— Да есть тут ребята знакомые, устроюсь на первое время.

— Ну что же, оформляйтесь — по коридору третья дверь.

И о чем только думают люди? Опять ругаться надо.

Управление? Власов. Привет. Послушай, ты зачем мне присылаешь маляров? Не знаешь, что маляры у нас на обрубке сучьев работают? Что у меня ни олифы, ни красок — вообще ничего? Что — будут, будут? Будут — тогда и разговаривать будем. А сейчас мне куда их девать? Больше ни одного отделочника не возьму — ни маляра, ни штукатуру. Вот так и запиши. Пока.

Эх, дорога, дорога... Режешь ты нас без ножа. Начало лета — разворот работ. Тот самый день, который весь год кормит. Нужны бульдозеры — оттаяла земля, самое время делать планировку. Экскаваторы — копать траншеи для коммуникаций сантехников и тепловиков. Сборный бетон на промбазу, блоки для фундаментов. Все нужно — от гвоздя до башенного крана. Дорога будет — будет все. Значит, будет и план. А выполнение плана — зарплата рабочих. Так вот одно за одно, как колесики в ходиках — все в дорогу.

Братск? Да\ Власов!.. А-а, привет, дорогой! Пошли машины? Ну, отлично! Что везешь? Как то есть что? Ты что, не знаешь, что нам нужно? Олифа, шифер, краски, толь, гвозди разные, пакля — везете? Рубероид? Ну, давай, дорогой, давай! Нам это все — как воздух. Что — дорога? Дорога — наша забота. Ты машины давай. Ну, будь здоров. Ждем...

Надя! Какая машина поблизости есть? Мне нужно на конец отсыпки.

— Толин автобус стоит. Только ему ведь служащих на обед везти.

— Скажи Анатолию — пусть подъезжает. К обеду вернемся. Да, вот еще что: загляни к кадровичке. Там парень этот... как его... маляр... Дементьев. Пусть оформляют маляром. Все, я ушел.

— Виктор Михайлович, а вас ведь еще комсомольцы ждут. Иркутские, двадцать человек.

— Вот и попробуй тут уйди... Ну что же, приглашай.

По коридору топот ног и сдержанный многоголосый гомон.

— Можно?

— Входите, входите. Рассаживайтесь. Ну, здравствуйте, мальчики-девочки. С приездом вас, с прибытием на нашу стройку.

— Спа-си-бо!

— Тсс, потолок обрушится! С жильем устроились? Ясно. Где магазин, столовая — узнали? Ну что ж, выкладывайте документы, все, вот сюда на стол, начнем

знакомиться. Так, так... Шофер. Хорошо. Еще шофер — прекрасно. Бульдозерист — совсем хорошо. Слесарь, слесарь, жестянщик — в мехмастерские. Электрик — хорошо. Два маляра — ну что же, вовремя. Швея? Хм... Еще швея. Еще... шесть швей! Вот это фокус. Что ж здесь шить?

— А мы не шить хотим.

— Шитье — не работа?

— Работа, конечно. Но нам ведь по восемнадцать. Нам строить хочется.

— Забавная концепция... Впрочем, концепция — дело сугубо личное. Разнорабочими. Потом приобретете специальность по душе, строительную. Согласны?

— Конечно, согласны. А это здесь можно — приобрести специальность?

— Не можно, а просто необходимо. У нас уже работают курсы крановщиков. Будут и другие. Теперь так: пишите заявления,

потом кто-нибудь один мне их принесет, я подпишу — и в отдел кадров. Оформитесь — распределим по бригадам. Ну, всего вам хорошего, доброй работы. Главное — не тушуйтесь.

М-да... Концепция, конечно, дело личное. В восемнадцать лет еще не поздно получить любую специальность. Придется учить, хоть и хлопотно. Ведь современная крупная стройка почти не полагается неквалифицированной силы. Уровень механизации строительных работ сейчас таков, что на одной романтике, без специальных знаний далеко не уедешь. Никто из молодых, пожалуй, и не знает, как выглядят носилки или тачка. Кирка и лопата котируются крайне низко.

Не часто, но иногда удается заскочить пообедать домой. Как «нормальные люди». И тогда все действительно «как у людей» —

семейный стол, супруга рядом, две дочурки. Старшая — «взрослая» первоклашка, вторая — совсем еще «детский сад». И теща во главе стола. Приятно. Все-таки общаешься с семьей. Да и накормят, что греха таить, получше, чем в столовой. Вот если бы еще не телефон, работающий без обеда.

— Да. Я. Обедаю. Ну, говори, говори, слушаю...

Допил остывший чай, поставил чашку.

— Спасибо. Я пошел.

— Ты как сегодня, Витя? Снова допоздна?

— Не знаю. В пять совещание в управлении.

— А-а... Ну, ладно.

Ну вот. опять это чувство вины, щемящее и неясное. И вроде бы не виноват ни в чем, а что-то тянет... Что? Володя Тест пытался сформулировать однажды.

Перед отъездом в Усть-Илим бродили по Братской плотине. Смотрели на море, на Ангару, на Братск, разметавшийся по тайге. Вспоминали отгремевшие здесь восемь лет. Володька говорил о женах:

— Дали мне орден за Братскую ГЭС. И вот я думаю: будь моя воля, я бы не нам, я бы женам нашим давал ордена. Вот честное слово, если бы было можно, я бы этот орден Шуре своей отдал. Понимаешь, молодые красивые женщины, образованные, со всеми современными запросами и вкусами, с огромной тягой к культуре, к музыке, театру, со всеми парфюмерно-косметическими слабостями и с вечной тоской по нормальному быту таскаются за нами и детей таскают — и не ноют, не хнычут, не жалуется. Вот сейчас в Братске только только налаживается нормальная

жизнь, тут бы им и вздохнуть. А мы с тобой снова в глушь, в Усть-Илим. И снова они за нами...

— Думаешь, от великой любви?

— Думаю... что они уже на многое смотрят нашими глазами. Ну просто невозможно, понимаешь, стоя вот здесь и видя все это, невозможно мыслить арбатскими категориями. Масштабы не те.

Масштабы, категории... Такая арбатская категория, как, например, театр Вахтангова, прекрасно уложилась бы в сибирские масштабы. Домой-то все же не мешало бы пораньше приходиться. Да в общем он и старается. Вот как-то на днях очень рано пришел. Да еще и гостя привел с собой. Приехала комиссия стройбанков федерации, один из членов — однокашник. Саратовский строительный кончали вместе.

...Гость закурил, пригладил волосы на пробивающейся лысине.

— Ну, как... Я в общем-то устроился, не жалею. Живу в Саратове. Работаю в Стройбанке. Жена, квартира, теща — все, как водится. Рассказывать особо нечего. Ты лучше про себя давай.

— Да что... Мне тоже вроде нечего. Попал на Братскую, отгрохал восемь лет. Потом сюда...

...Приехали зимой, в начале шестьдесят пятого. И поначалу растерялись. Нет, опыта у них хватало и тогда. Всю Братскую прошли — с фундамента до лука агрегатов, и производство знали дай бог каждому. Только здесь все было иначе. Вернее, не было ничего. Все нужно было начинать с нуля. И главное, нужно было сразу же найти себя в совершенно новых обстоятельствах — не в чисто производственных, а в производственно-бытовых.

...Случалось, не хватало хлеба — не успевали подвезти, бураны заносили зимник. Сидели, как в войну, с карандашом, расписывали хлеб по едокам — хоть понемногу, но на всех.

...Сибиряки из местных деревень хоть встретили неплохо, но поначалу и косились: попадались среди строителей нечистые на руку, «паршивые овцы». У старожилов в их охотничьих зимовьях, как в добром доме, было все: и спички, и дрова, и керосин, и соль с мукой, и топоры, и пилы, и патроны. А тут как иной побывает в зимовье, там

хоть в футбол играй, гвоздя не сыщешь. Да и зимовья сами чуть все не пожгли. Сидит дурак в избушке и избушкой печку топит. Дров нарубить, собака, ленится. Поди-ка объясни потом охотнику, что это Петька сделал, а не Ванька с Митькой. Строители — и все тут.

...Зимой холодно. До шестидесяти ниже нуля. Туман, не видно ничего. На улице не работали, закон — до сорока пяти. Вместо работ — политзанятия, техминимум. Сидят, сидят ребята, да и плюнут: что сидеть-то? Чего тут высидишь? Айда работать! Им говоришь: нельзя, закон, а они за топоры — и на улицу. И вкалывают — только пар валит!

А шоферы те все время работали. Мороз не мороз, а воду возить надо. Хлеб, дрова, горячее для дизелей. Детей в утепленном автобусе в школу возили. Гаража не было, машины на улице — не спасешь, как ни кутай. Вот он ее заводит, бедолага, утром и все на свете материт последними словами. И воду горячую заливает и факелом греет, чуть не костер под ней жжет, а она все не дышит. Швырнет парень ручку: ох, чтоб тебя! Отведет душу и снегом греет. Глядишь, задышала...

Старый автобус — тот самый, в котором Толя возит служащих на обед, — кряхтя, наматывает километры на разбитые колеса. Толя привычно, почти механически крутит баранку и время от времени поглядывает в зеркальце на начальство, клюющее носом у него за спиной, — начальство едет на конец отсыпки, а времени уже девять часов.

— Вот не сидится человеку дома! — неожиданно для себя шофер говорит это вслух.

— Что? — Власов поднимает голову.

— Да нет... Это я так, — смущается Толя, и Власов снова начинает дремать.

«А дорога серою лентою вьется...» — насвистывает Толя и крутит баранку — привычно, почти механически.

В вечерних сумерках она и в самом деле серая — бесконечная лента, уходящая за горизонт. А днем совсем иная. Цветная. Разноцветная. Лоскутная река в зеленых берегах.

Известняк, ослепительно белый под солнцем. Фиолетово-красная глина. Ярко-желтый — ну, прямо

цыплячий — песок. Сыпучий сланец цвета хаки. Бетон зеленовато-серый. И вороной асфальт — вороной, пока свежий. Асфальт — это там, далеко, возле Братска. Где-то между пятнадцатым и двадцатым.

«Ветер за кабиной уносится с пылью...» — слышится Власову сквозь дрему и рокот мотора. Вот верно, уж чего-чего, а пыли хватает. Стоит съехать с асфальта, как она окутывает плотным облаком, врывается в щели, забивает глаза и скрипит на зубах. А если впереди идет еще машина, то уж лучше свернуть на обочину и переждать. Одно спасенье — выйти из машины и забрести в «плантацию» жарков. Нарвать охапку, окунуть лицо в прохладное оранжеевое пламя и надышаться упоительно-нежнейшим ароматом... А впрочем, что пыль? Пыль — это полбеды. Там начинаются тревоги посерьезнее — у той черты, где обрывается асфальт. Вот хотя бы то «гиблое место» — сто десятого по сто тридцатый километр. Слабые грунты, под насыпью — болото. Чаще, чем где-либо, появляется здесь Симон Портнов, заместитель начальника Управления по строительству трассы, и смотрит, как многотонные МАЗы пропахивают в полотно податливую колею и беспомощно садятся мостами на грунт — их потом выдирают бульдозером. Легкий «уазик» проскакивает, но ведь не для «уазиков» же строится трасса. И снова Симон мчится в управление... Никто и никогда не сможет подсчитать, чего она, трасса, потребовала больше: материалов, денег и рабочих рук или бессонных ночей и потрепанных нервов. Она прошла не только сквозь тайгу, по сопкам да болотам. Она пролегла через судьбы людей. Через судьбу Симона Портнова. Через его, Виктора Власова, судьбу. И тех парней из Эдучанки, что восстанавливали мост, снесенный в половодье, соединяя путь, оборванный взбесившейся рекой. И экскаваторщиков из Бадармы, в дикую распутицу ставивших рекорды на своих ЭКГ. Через судьбы многих сотен строителей. Через судьбу всего поселка Усть-Илим.

Ведь все зависит от того, как посмотреть. Трасса может быть и «линией, намечающей направление...», и «живописной дорогой, пролегающей вдоль живописной реки». Может быть просто «отрезком пути, на котором один

пешеход догоняет другого». Для устьилимцев трасса стала жизнью — стройматериалами, бензином, хлебом, планом и зарплатой.

— Где едем, Толя? — глаза у Власова не открываются, спать хочется, как в сказке.

— Мерюнда.

Ну, значит, скоро. Вот эта речка Мерюнда последнее время в Усть-Илиме склоняется на все лады: у Мерюнды, на Мерюнде, за Мерюндой. Речушка маленькая, почти совсем пересыхающая летом, но довольно свирепая в половодье. Она не смогла — вследствие крайней своей незначительности — дать имя новому поселку. Но в историю строительства все-таки ухитрилась войти — в ее районе намечалась смычка двух участков трассы. Здесь грохотали сталью и породой последние «концы отсыпки» — Бадарминский и Усть-Илимский. Не где-нибудь, а именно за Мерюндой в последние недели бился стремительный пульс Усть-Илима. Редкий строитель в эти дни не считал: три километра... километр... пятнадцать метров... И наконец, он наступил — конец «конца отсыпки».

...Последний самосвал задрал огромный кузов. Бульдозер накатился, разровнял искрящийся щебень. И наступила тишина... Впервые за три года.

Тогда шоферы вылезли из МАЗов и небольшой толпой сошли на месте смычки. И несколько минут молчали, слегка ошеломленные, еще не верящие в то, что сами сделали. Потом один из них снял кепку.

— Ребята, магазин еще работает.

И жертвенный сосуд, пропитанный бензином и соленым потом, пошел по кругу...

— Приехали, — автобус скрежетнул, весь передернулся и встал. И первое, на что начальник обратил внимание, — бутылки в грязных, мускулистых, жилистых руках. И не простые, а серебряными горлышками.

— В рабоче-то время... — просто так сказал, чтоб что-нибудь сказать.

Шоферы оглянулись — пришло... — и посмотрели укоризненно, и удивленно, и насмешливо.

— Шучу, шучу, ребята, — поторопился он. — Я по такому случаю и сам... с огромным удовольствием.

на стр. 74 ►

Недавно в Москве состоялась выставка произведений художника **ВЛАДИМИРА ГОЛИЦЫНА**, имя которого наверняка помнит старшее поколение читателей нашего журнала. Мы публикуем несколько рисунков с этой выставки и воспоминания о художнике, написанные его братом **СЕРГЕЕМ ГОЛИЦЫНЫМ**.

● н всю жизнь любил море и всю жизнь рисовал море. «Я болею морем», — промелькнуло как-то в одном из его писем.

Помню, с какой радостью Владимир отправлялся в свою первую полярную экспедицию. Мы жили тогда в маленьком городке Богородицке Тульской губернии, и сами слова «Ледовитый океан», «полярная экспедиция», «вечные льды» казались словно пришедшими к нам из другого мира, мира книг о путешествиях Нансена, Амундсена, Седова, Скотта... А вскоре в наш трижды сухопутный городок стали приходить письма со штемпелем далекого и для всех нас таинственного Мурманска. Письма со сказочно интересными рисунками — океан, корабли, скалы, льдины.

В следующем, 1921 году Владимир получил назначение в Архангельск на ледокол «Малыгин» — в первую научную экспедицию Плавучего морского научно-исследовательского института. Из этого чрезвычайно тяжелого плавания Владимир привез замечательную серию рисунков. Больше всего поражали зарисовки, сделанные на Новой Земле, — темное небо, расцветенное призрачным огнем северного сияния, люди в диковинных меховых одеждах — и снова море, корабли, скалы, льдины...

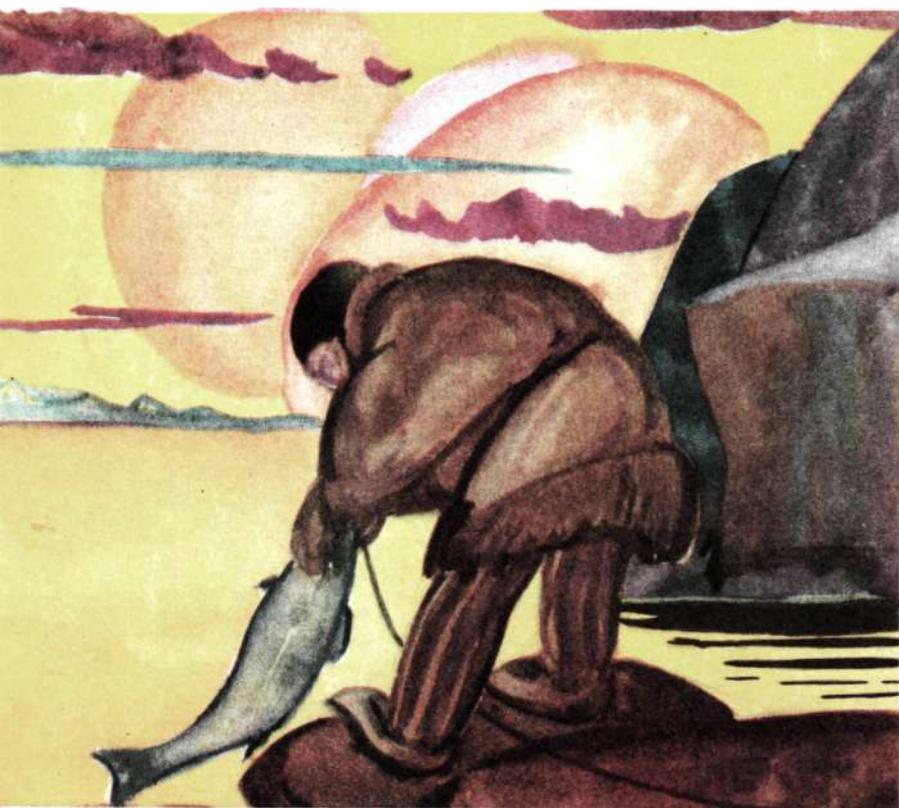
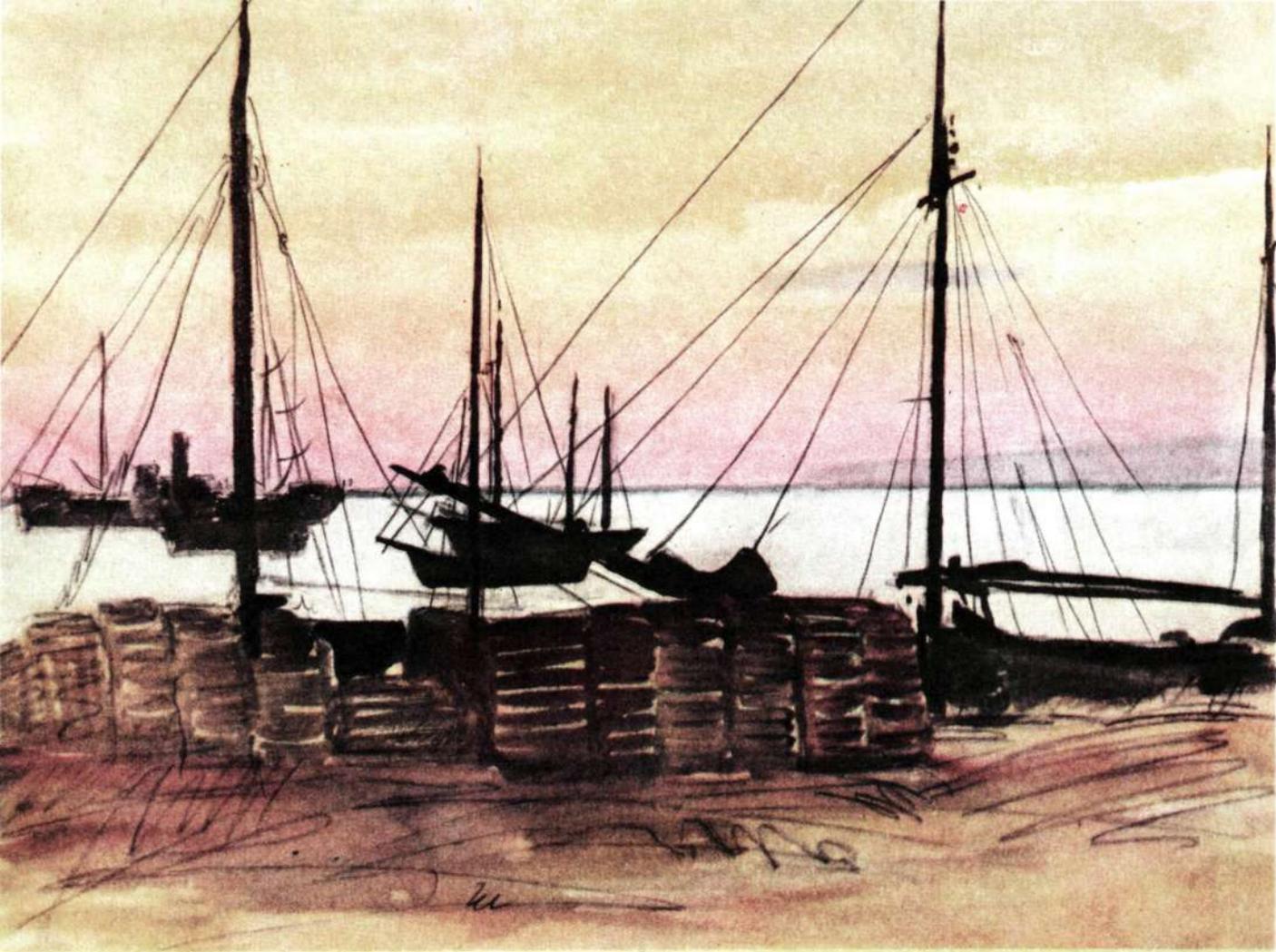
На одном листе — большой трехмачтовый парусник. Этот рисунок Владимир сделал уже в Архангельске, вернувшись из плавания, когда участники экспедиции начали достраивать первый советский корабль науки «Персей». По его эскизу был изготовлен флаг «Персея» — семь звезд в голубом небе.

...Шли годы. Владимир много путешествовал и много рисовал. Рисовал море. Где только можно, он доставал морские справочники на всех языках, и поэтому на его рисунках каждый парус, рея, мачта были изображены абсолютно верно, к какой бы эпохе

ни относился корабль. И эту точность очень ценили все писатели-моряки, рассказы которых публиковались во «Всемирном следопыте» и «Вокруг света» с иллюстрациями Владимира. «Голицын — это художник, который рисует корабли лучше всех», —

Владимир Голицын. Рис. В. ВАТАГИНА

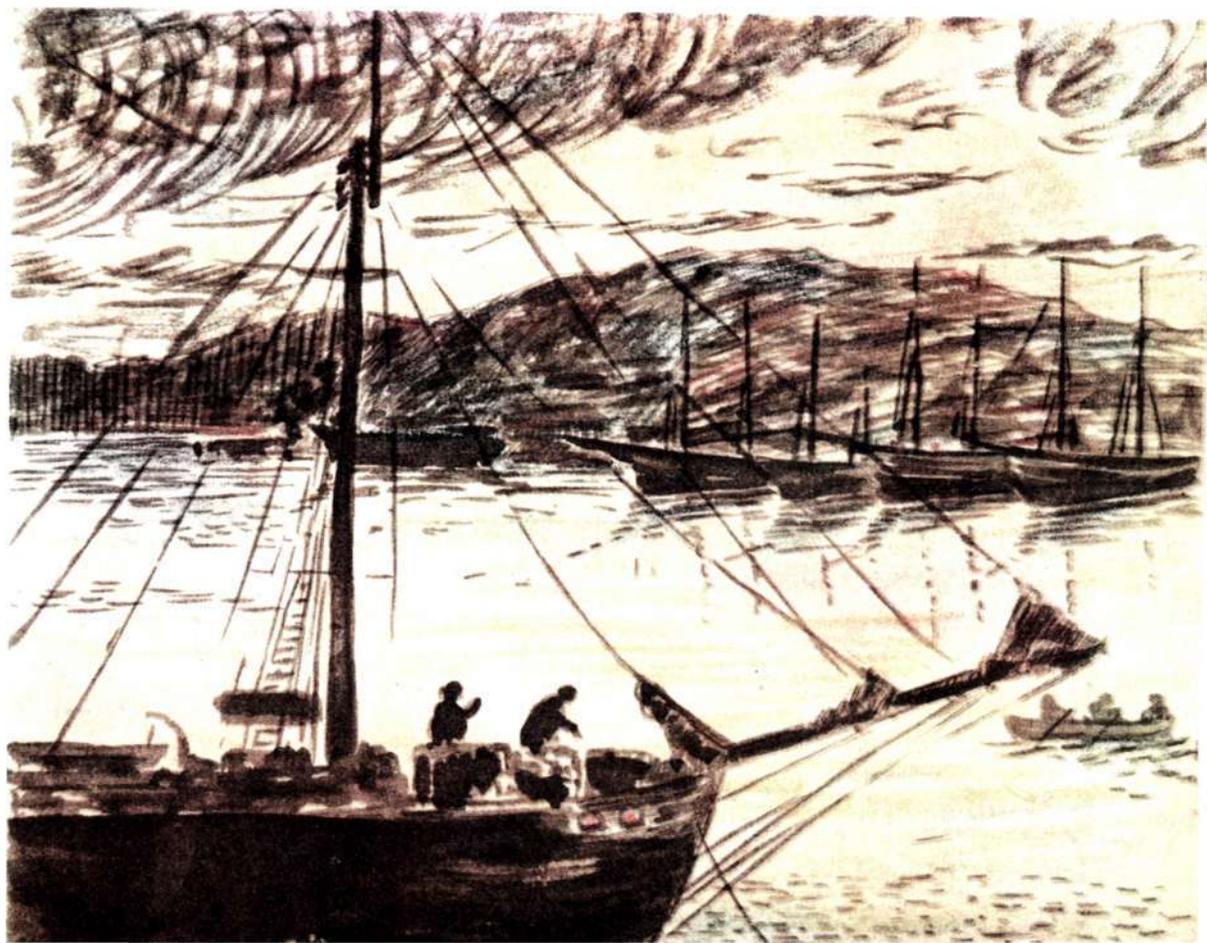

говорил Борис Житков. Особенно удачными были иллюстрации Владимира к очеркам Н. Шпанова о спасении экспедиции Нобиле и рисунки к знаменитой повести Ко-нан-Дойля «Марактова бездна», напечатанным во «Всемирном следопыте».

...Верность морю Владимир сохранил до конца своих дней. Уже неизлечимо больной, он долгие месяцы жил на Черноморском побережье и рисовал море, скалы корабли...

Недаром эмблемой его выставки стала легендарная каравелла с алыми парусами...

С. ГОЛИЦЫН

ПЁСТРЫЙ МИР

ЛЕТУЧИЕ КРОВОПИЙЦЫ

Распространенная в Латинской Америке разновидность летучих мышей, сосущих кровь у скота, представляет собой весьма серьезную угрозу для животноводства. Кроме всего прочего, эти летучие мыши — разносчики бешенства. В Мексике от них ежегодно погибает до 50 тысяч голов рогатого скота и около 10 тысяч лошадей.

ДРУГ ДЖУМБО

Известная английская цирковая актриса мисс Бренда утверждает, что более верного и преданного животного, чем слон, не сыщешь. Дрессированный слон Джумбо подтверждает слова своей хозяйки делом. Вот один из коронных номеров: Бренда ложится на песок арены, а слон ставит свою гигантскую ногу ей на голову. Ясно, что одно неосторожное движение слона — и человек будет раздавлен. Однако актриса верит в своего любимца. По словам Бренды, Джумбо очень умен и слишком ее любит, чтобы причинить вред.

ТИКАЮЩИЙ МУЗЕЙ

В Вене, в доме жившего в прошлом столетии некоего Иоганна Геймюллера, открыт музей часов. Среди 170 старинных венских часов и часиков встречаются весьма любопытные образцы. Например, большие комнатные часы с двухлетним заводом, часы с миниатюрным органом (ему, кстати, посвятил несколько мелодий сам Моцарт), часы с прозрачным циферблатом, позади которого стоит керосиновая лампа. Большинство экспонатов до сих пор «на ходу».

ЛОТЕРЕЯ НАЛОГОВ

Налоговое управление в Чили придумало оригинальный способ заставить торговцев отказаться от сокрытия доходов с целью уменьшения налогов с оборота. По радио объявили, что покупателям рекомендуется сохранять все выданные торговцами счета, так как в конце года они явятся своего рода билетами лотереи, организованной налоговым управлением. Эта мера заставила покупателей требовать от торговцев счета на каждую купленную мелочь, торговцам стало труднее утаивать от финансовых органов копии выданных счетов. Дополнительные поступления в казну значительно превысили сумму, ассигнованную на выплату выигрышей.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ АНТИПЧЕЛИНЫЙ

На город Кампос в восточной Бразилии напали пчелы. Они и раньше немало досаждали жителям Кампоса, но, как правило, жалили кур и домашних животных. Теперь же одичавшие пчелы напали и на людей. Доведенные до отчаяния жители Кампоса обратились к правительству. Депутат штата сделал запрос в парламенте о мерах помощи. Он призвал даже вступать в добровольный отряд борьбы с пчелами. Особенно уповал депутат на членов Общества защиты животных.

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА.

Молодому Педро из испанского города Томеллозо никак не удавалось покорить сердце своей избранницы. Решив пустить в ход последний козырь, он подъехал к ее дому, взяв с собой все сбережения. Для этого ему понадобился трактор, ибо наличный капитал, составлявший 40 тысяч песет, был в десятисантиметровых монетах. Гора денег произвела ошеломительный эффект.

ТАНЦУЮЩИЙ ДОМ

В предместье Нью-Йорка стоит дом, который привлекает туристов своей необычной конструкцией. Незнающие строители приладили стенам дома волнообразный вид. Поэтому издали кажется, что он как бы пританцовывает, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Дому, правда, недолго осталось «плясать». Он настолько стар, что вот-вот рухнет.

ТУФЛЯМ 550 ЛЕТ

Необычные туфли надела на свою свадьбу американка Нэнси Элен Фич. Судя по клейму мастера, сохранившемуся на подошве, они были сшиты в 1417 году. Один из ее предков привез их из Англии в 1620 году на знаменитом «Мэй-флауэре» — корабле первых поселенцев. По семейному преданию, эти туфли всегда приносили счастье и благополучие своим хозяевам. Их тщательно хранят и передают из поколения в поколение.

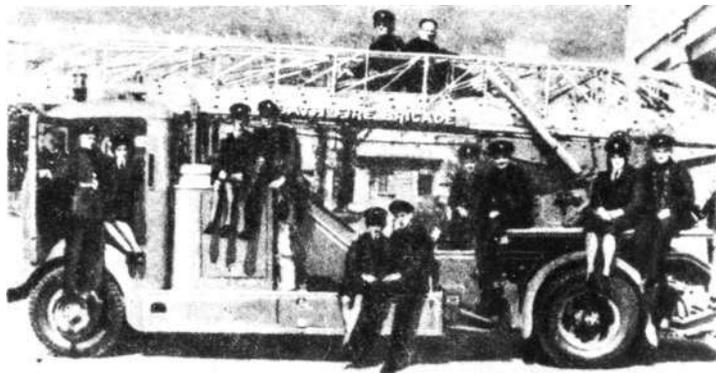
«КАРЛУ XXV, ЛИЧНО»

В небольшой австрийской деревне Раухонвальд существует забавный и редкий обычай — жителей деревни именуют по номерам их домов. Делается это потому, что многие проживающие там семьи имеют одинаковые фамилии и даже имена. Так, например, 12 человек имеют имя и фамилию Леопольд Бауэр, многих зовут Карлом Ршем и т. п. По номеру дома пишется и имена адресатов. Например «Польды XV» или «Карл XXV».

ОСТАЛСЯ ХОЛОСТЫМ

С поддельным свидетельством о бракосочетании предстала «супружеская пара» перед судьей города Кронфилд (США) с просьбой о разводе. Подделка была обнаружена, а «разводящихся» спросили о том, с какой целью они затеяли подобный спектакль. Выяснилось, что поддельному супругу представилась возможность жениться на вдовой миллионерше, поставившей непременным условием, чтобы ее избранник был разведенным. Поскольку времени было в обрез, неженатый претендент подделал брачное свидетельство, обещав соучастнице щедрое вознаграждение. Увы! Предприятие не принесло ожидаемых миллионов, вместо них несостоявшемуся жениху пришлось уплатить 100 долларов штрафа.

РАЗДЕЛЕННАЯ ЧЕСТЬ — РАЗДЕЛЕННАЯ ТЯЖЕСТЬ

По торжественным случаям мэры английских городов надевают на шею цепь — символ власти и почета. Мэр Монтгомери (Уэльс) в этом смысле ничем не отличается от своих коллег. Однако в его городе наряду с этой общей традицией существует и своя, монтгомерская: каждый мэр добавляет к цепи особую медаль с выбитыми на ней датой вступления в должность и собственным именем. С течением времени цепь достигла двух метров. Естественно, увеличился и ее вес.

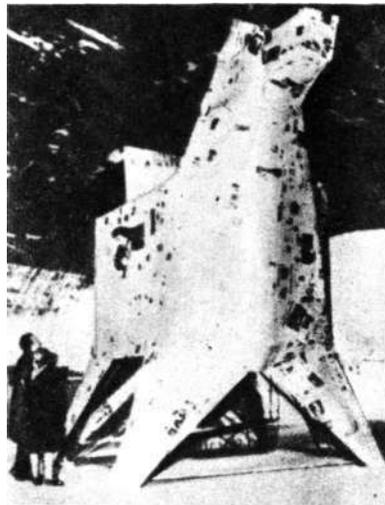
Но городские мужи — люди умудренные, им приходилось разрешать и не такие трудности. В будущем по решению муниципалитета цепь будут носить двое. Одну часть — мэр, другую — его супруга.

ОМАР ПО-ДОМАШНЕМУ

Можно ли держать омара дома? Ну, скажем, как кошку? Такой опыт провел сотрудник одного зоосада. Животное скоро привыкло к людям, откликалось на кличку Оскар и брало рыбу из рук. Правда, чтобы омар Оскар не улизнул, пришлось посадить его на цепь. А то не успеешь оглянуться, как попадет этот новый друг человека кому-нибудь в кастрюлю.

НОНДА НА КОНЕ

Известно, какую роль сыграл в свое время троянский конь: с его помощью греки завоевали Трою. Опытом древних соотечественников решил воспользоваться современный греческий художник Нонда для завоевания Парижа. На берегу Сены он воздвиг огромного коня и поселился в этой своеобразной мастерской. Впрочем, Нонда вовсе не был сторонником пассивного ожидания. В первый же день он «атаковал» любопытствующих парижан пестрыми обложками модных журналов и собственными живописными произведениями, развешенными и расклеенными по бокам верного коня. Хитрость удалась: за два месяца Нонда если и не завоевал, то привлек внимание «всего» Парижа.

СТИМУЛ НА ПОЖАРЕ

Умаленького английского города Бат есть своя достопримечательность: пожарная команда, куда входят и жены пожарников. По словам начальника пожарной охраны, команда неплохо справляется со своими обязанностями. Мужчины, воодушевляемые присутствием жен, демонстрируют чудеса храбрости и ловкости.

СЛОНЫ И ДУХИ

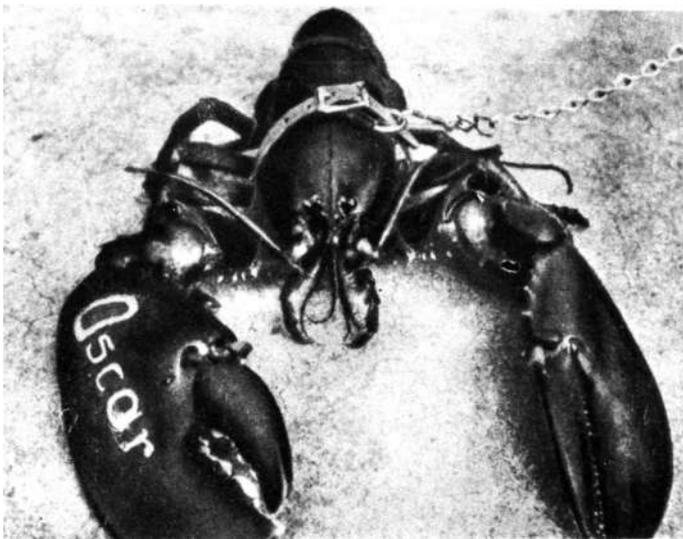
По Амстердаму слонов водили. Как рекламу цирка. Все шло великолепно, и толстокожие важно, не обращая внимания на прохожих, мерно вышагивали по улицам. Вдруг, без всякой видимой причины, слоны кинулись на открытую витрину парфюмерной лавки и в считанные секунды разнесли ее вдребезги.

Загадка недолго мучила сопровождавших. Присмотревшись к разбитым флаконам, они нашли среди них и флакон из-под любимых духов укротительницы слонов. В тот день она плохо себя чувствовала и не могла сопровождать своих питомцев. Слонов же ввел в заблуждение знакомый запах. Вот они и направились в лавку на поиски своей хозяйки.

БЕЗОПАСНЫЕ ЦВЕТА

Красные и желтые тона являются самыми безопасными. Автомшины, покрашенные в эти броские цвета, по данным зарубежной статистики, реже всего попадают в аварии: водители встречных машин раньше замечают их и успевают вовремя уклониться от столкновения. Полагают, что свою роль здесь играет и «условный рефлекс» дорожных сигналов: красный свет — «стой», желтый — «остерегись».

Зато машины, покрашенные в серые, коричневые и зеленые тона, менее марки. Их владельцы, по отзывам тех же статистиков, экономят по крайней мере одну мойку в месяц.

ДОЛИНА ГОЛУБЫХ ГОР

Фотоочерк В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Теберда... В переводе с черкесского — «холмистое место». Это, пожалуй, мягко сказано: колчухи вершины и хребты, окаймляющие Тебердинскую долину, легко и стремительно взлетают к небу на две, три, четыре тысячи метров.

Земля ста озер, ста ледников, ста микроклиматов. От вечных снегов и альпийских лугов до почти субтропических пышных зарослей. Это бесконечное разнообразие привлекает сюда ежегодно десятки тысяч туристов. И не только их — ученых тоже. Гигантская природная климатологическая лаборатория — вот что такое Теберда. В Тебердинском государственном заповеднике идет большая работа: изучается «самочувствие» культурных и диких ра-

стений и животных в различных климатических условиях, на разных высотах. Правильно использовать и в то же время сохранить и умножить бесконечное богатство кавказской природы — цель исследований.

«Природа создала здесь идиллию, среди которой можно чувствовать себя прекрасно», — писал о Теберде М. Рикли, ученый из Швейцарии, страны Альп.

И он прав. Домбай, Эрцог, Клухор, Северный Приют. Для тех, кто здесь был, эти названия полны высокого поэтического смысла. Говорят, кто раз прошел знаменитый маршрут через Клухорский перевал к морю, тот обязательно вернется в Теберду.

Среди угрюмых скал голубеет Большое Клухорское озеро. Высокогорное, холодное — не искупаешься.

◀ *Домбайская поляна. Отсюда веером расходятся маршруты. Здесь — турбаза и альплагерь, Домбай — туристская столица Теберды.*

Торжествующий шум водопадов слышен во многих уголках заповедника. Этот, безымянный, низвергается с северного склона вершины Белала-Кая.

Серна, от природы пугливая и чуткая, подпускает людей совсем близко и охотно позирует перед объективом.

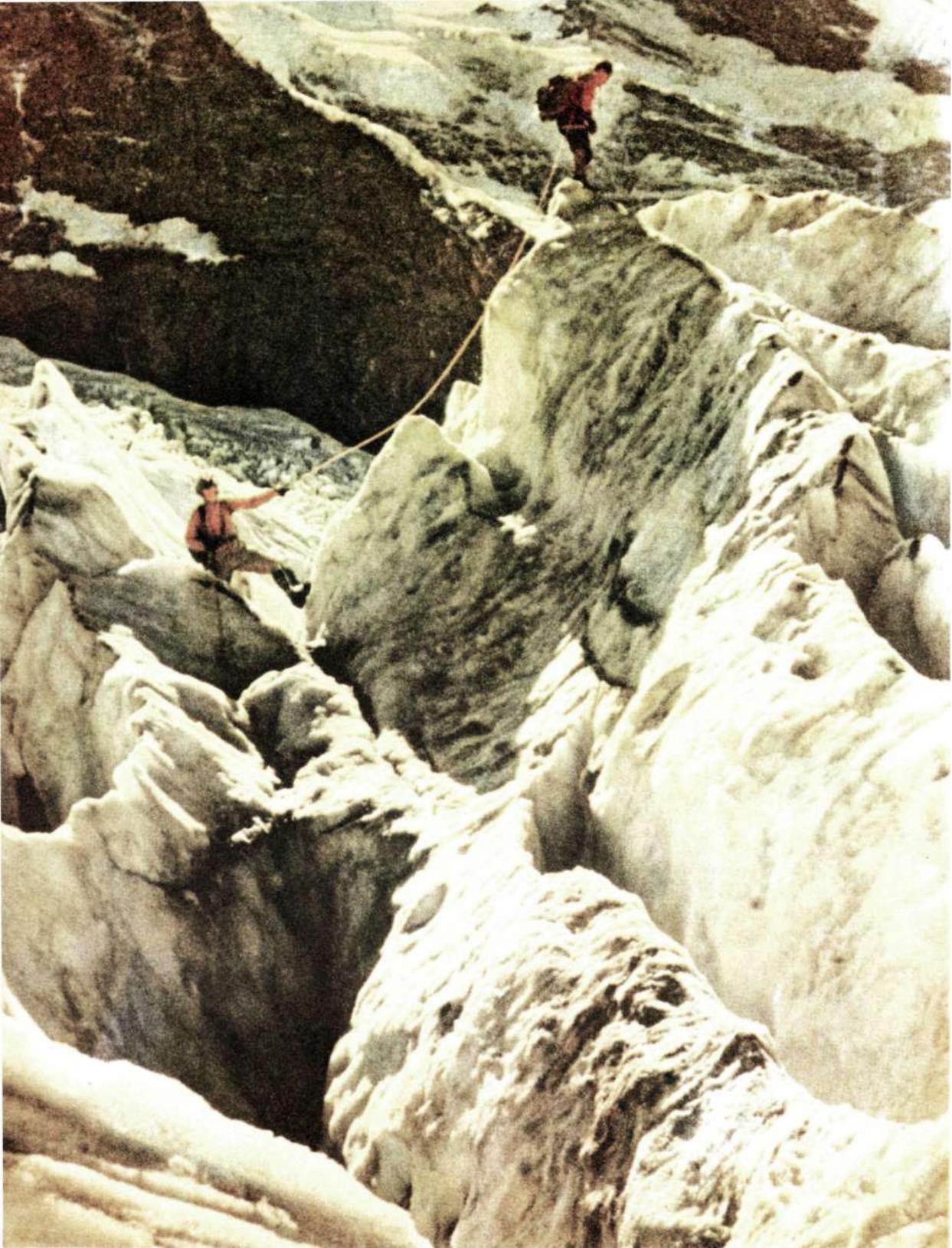

По зеленым коврам альпийских лугов разбросаны кучки маленьких серых камней. Все это — до смешного рядом, рукой подать. Но обманчиво ощущение расстояния в горах. Присмотритесь — «камни» движутся; прислушайтесь — до вас донесется тысячеголосое блянье. Огромные стада овец — богатство Карачаево-Черкессии. Чабан здесь — представитель распространенной и уважаемой профессии.

«Не убий» — здесь эта заповедь относится и к охотникам на дичь. Объездчики охраняют уникальный живой мир Теберды.

Горы... Они могут быть закрыты облаками и не видны ночью. Но их молчаливое присутствие чувствуется везде и во всем. Пологие и крутые, покрытые лесами и скалистыми, всех «категорий трудности», Кавказские горы у Теберды — рай для альпинистов, прекрасное место для испытания воли и физической закалки.

ДОН-КИХОТЫ ЛАМАНШСКИЕ

М. БЕЛЕНЬКИЙ

Беглого взгляда на карту достаточно, дабы убедиться, что в Мировом океане хватает проливов самой различной ширины и протяженности, но почему-то именно Ла-Манш вот уже полтора столетия манит пловцов со всего света. Впрочем, если принять во внимание обилие зрителей и особенно — что немало важно — газетчиков на этом оживленном морском перекрестке, удивляться уже не придется. Морской рукав Атлантики превратился в своеобразный «тест» для высококлассных пловцов, подобно стене Эйгера в Альпах — для скалолазов или фигуре «колокол» — для мастеров высшего пилотажа.

Тридцать два километра — такова ширина Па-де-Кале, самой узкой части Ла-Манша. Однако тем, кто собирается сейчас пройти дистанцию между мысом Гри-Не (Серый нос) на континенте и британскими меловыми скалами у Дувра, придется проплыть несколько больше. Дело в том, что именно этот маршрут признает оптимальным солидная, с вековой традицией «Ассоциация ламаншских пловцов», выпускающая свой ежемесячник, где даются советы и фиксируются достижения. К услугам покорителей пролива также обширная литература с подробными картами течений и температур. Одним словом, Английский канал, как часто называют пролив мореплаватели, ныне

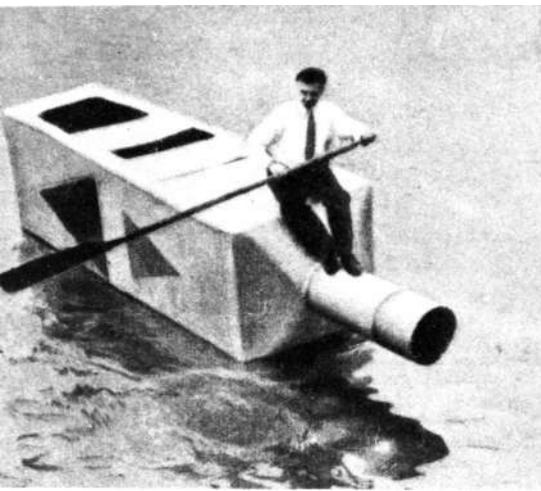
Томас Хэнкок первым предложил этот надувной костюм с буюм вниманию «джентльменов, желающих с комфортом пересекать самые широкие реки».

Изобретение деревянных велосипедов не такое уж бессмысленное занятие: ведь именно на нем англичанин Терри прошел в начале века трассу Дувр — Кале за двадцать часов.

Почему ватага студентов из Хэтфилда отправилась в путь на кровати? А из озорства...

Реклама — двигатель торговли. Истину эту еще раз подтвердил Боб Платтен, переплывший Ла-Манш на рекламной бутылке, соединенной с двигателем.

Моряки прозвали это пассажирское судно на воздушной подушке «летающей по волнам тарелкой». Скорость этой тарелки вызывает уважение — 50 миль в час.

«исплаван» вдоль и поперек, не меньше, чем, например, исхожена и изъезжена пешими и моторизованными туристами Швейцария.

Ну, прежде всего пловцам рекомендуется тренировать себя на «морозостойчивость» — ведь даже в разгар лета температура воды в Английском канале редко поднимается выше 16°. Для этого журнал «Ассоциации» настоятельно советует «выбросить из обихода шерстяные шарфы и носки».

Однако капитан королевского флота Мэтьюз Уэбб, первым переплывший Па-де-Кале в сентябре 1875 года (о более ранних случаях пока упоминаний не найдено), предстал перед зрителями в шерстяных носках и в костюме. Тогдашние журналы живописуют ликование французов, во множестве вышедших встречать смельчака на лодках. Кстати, теперь покорителей Ла-Манша обязательно сопровождает в плавании контрольная лодка с врачом на борту. Некоторым так понравилось в проливе, что они пересекли его в двух направлениях — не зараз, конечно. Так, банковский клерк из Бельгии Ван Воорен стал в августе этого года двенадцатым по счету чемпионом, переплывшим канал туда и обратно. Кстати, среди его одиннадцати коллег одна женщина.

Но это все пловцы. А вот кто были первые смельчаки, отважившиеся пересечь Ла-Манш с помощью подручных средств, история не упоминает.

В январе 1829 года в «Патентном вестнике» лондонского издания можно было прочесть следующее сообщение некоего Т. Хэнкока, фабриканта изделий из каучука: «Моя фирма приступила к выпуску оригинального приспособления, предназначенного для джентльменов, желающих пересекать самые широкие реки в условиях полного комфорта». Изобретение Хэнкока состояло из надувного резинового комбинезона, соединенного с каучуковым бумом в форме круглого таза. Двигаться можно было с помощью небольших лопаточек-весел. Газеты той эпохи свидетельствуют, что плавание в «костюме Хэнкока» увлекало спортсменов не меньше, чем сейчас водные лыжи. Кое-кто пытался достичь на нем близкого континента.

Однако выдумка Хэнкока бледнеет перед изобретательской

хитростью американского капитана Бейтона, сделавшего из своей персоны... парусное судно. Капитан пересек пролив от французского берега к Британским островам, лежа на широкой деревянной доске, причем на спине у него был укреплен парус с оттяжкой, зацепленной за ноги. Благодаря легкому бризу через 23 часа и 30 минут «человек-яхта» вошел в бухту Сент-Мargarет близ Дувра. Его друг Вильям Хоскинс, с трудом дождавшись следующего сезона, спустил на воду сноп сена с парусом и ровно за сутки прошел путь от материка до острова. Гравюры, запечатлевшей этот подвиг, не сохранилось, зато в анналы Британского музея занесена соответствующая запись, датированная августом 1862 года.

Естественно, что приемы «Донкихотов Ламанских», число коих росло неизбежно, оттачивались, идя в ногу с прогрессом техники. В этом смысле достойна внимания конструкция Тира Терри: для своей прогулки через Ла-Манш в начале века он изобрел деревянный велосипед и на нем вышел в море. Через двадцать часов непрерывной работы педалями Терри выкатился на пляж во Франции.

Теперь перенесемся в тридцатые годы нашего столетия. Шаткие «Росинанты», подверженные капризам стихий, обрастают надежными моторами. В 1929 году немец Байлиг на автомобиле-амфибии побивает рекорд неизвестного «умельца», который всего за шесть часов привел свой пневматический матрас с мотором в Булонь.

Очевидно, его достижение разбудило азарт французских пловцов, которые до той поры почему-то довольствовались в основном ролью пассивных наблюдателей и восторженных зрителей. В списке мастеров оригинальных проплывов наконец-то появляются французские фамилии.

Один из марсельцев, причаливший к Дувру на доске, запряженной в резиновый баллон, был задержан таможенниками... по подозрению в контрабанде.

Этим многочисленные курьезы не исчерпываются. Дело в том, что последние годы рекорды ставятся не на скорость — ею трудно удивить нынешнее поколение, — а на оригинальность. Сенсация и реклама здесь с лихвой искупают затраты на «строительство».

В 1961 году студент из Брайтона, Аллен Уитт, избрал для «похода за море» моторизованную ванну — да, да, самую настоящую ванну в комплекте с кранами, душем и отверстием для спуска воды. Приключение кончилось двойной ванной: «Трубник №1», как было написано на борту «судна», пошел ко дну в 14 милях от берега.

С годами добавилось еще одно обстоятельство, затрудняющее плавание рыцарей Ла Манша: уж больно тесно стало в проливе — до тысячи судов проходят по нему ежесуточно. С 1961 по 1964 год в судовых журналах было зарегистрировано 75 столкновений, и 863 раза звучал в эфире сигнал «SOS». Можно представить, как тяжело приходится любителям эксцентричных заплывов на маломаневренных посудинах, попавшим на этот морской «перекресток»! Спасательная служба Ла-Манша трижды возвращала к берегу тандем «Тото», который смастерили на кухне англичане Джим Вудс и Рон Брук. Но на четвертый раз им все же удалось, обманув бдительность стражей, переплыть вожделенный пролив.

Вполне понятно, что страховые

компании отказываются гарантировать безопасность этих «клоунов от навигации», как выразились однажды представитель фирмы «Ллойд». Юридически эти доморощенные агрегаты вообще не имеют права удаляться от пляжа. Морской надзор никогда бы не выпустил, скажем, «конструкцию» из доски, в которую запряжен дрессированный тюлень, приученный следовать за кораблем. А ведь именно так какой-то француз еще в 1949 году «доехал» до Англии.

Стремясь разрекламировать качество собственной продукции, Дэвид Тэп, владелец английской тракторной фабрики, попытал счастья в металлическом седле «морского коня» — трактора весом в 3750 килограммов. Над водой едва выглядывала верхняя часть сооружения, и журналисты заключали пари (через газету), что всадник вернется назад на катере спасателей. Однако через 7 часов 50 минут их французские коллеги по перу констатировали, что «конь» вынес владельца, окутанного дымом от дизеля, на противоположный берег.

Совсем недавно пресса принесла известие о том, что семеро

студентов из Хэтфилда решили махнуть через канал на... кровати. Правда, к ней они подсоединили два мощных мотора по 40 лошадиных сил, и кровать со скоростью 5 узлов промчалась по волнам.

До сих пор речь шла о рыцарях водной стихии. Но вот 17 июля 1962 года француз Жиль Деламар открыл эру летающих рыцарей Ла-Манша. Деламар — фигура № 1 среди французских каскадеров, то есть «трюкачей», подменяющих кинозвезд на съемках рискованных сцен. Этому профессионалу риска не стоило особого труда перемахнуть через пролив на парашюте, влекомом двумя катерами. Жиль провисел над водой несколько часов, так и не замочив ног. А вот американцы Дон Пикар и Эд Йест едва не утонули, когда их воздушный шар опустился в тумане на воду. Десятки судов, три вертолета, поднятые по тревоге, разыскивали их в клубящемся тумане. Но — чудо! — подхваченный ветром гигантский синтетический шар пятнадцати метров в поперечнике поднялся сам, чтобы благополучно опуститься на рыночную площадь в Кале.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

Океанский робот будет оборудован теле- и фотокамерами. Телекамера позволит с борта научно-исследовательского судна точно направлять робот на какое-нибудь рудное месторождение. Затем две механические руки возьмут пробу.

Недавно советские исследователи Антарктиды наблюдали в районе станции Молодежная перламутровые облака. Это довольно редкое и очень любопытное явление природы наблюдается главным образом зимой в высоких широтах перед заходом или восходом солнца. Перламутровыми они названы потому, что имеют оригинальную радужную окраску. Она настолько ярка, что отражается на снежном покрове.

Измерения показали, что перламутровые облака возникают при особо низких температурах воздуха — до минус 80—84 градусов и располагаются на высоте около 22 километров.

Изучение этих облаков представляет большой интерес для науки, в частности для выяснения динамики атмосферы в высоких слоях, определения скорости движения воздуха в стратосфере.

Ангарида. Таинственная древняя земля, занимавшая миллионы лет назад территорию нынешней Восточной Сибири. Климат в этом районе в те времена был теплым. Здесь бродили слоны и носороги, росли дубы и тисы.

Потом климат стал более суровым. Животные и растения начали постепенно мигрировать на юг, восток, запад.

Недавно в пещере близ Сучана обнаружен целый естественный палеонтологический музей. Здесь сохранились кости десятков видов древних ископаемых животных, в том числе верблюда, носорога, лошади, слона, мамонта, гиены.

Изучение загадок Ангариды прольет свет на историю животного мира всего земного шара.

Новую гипотезу, объясняющую изменения в состоянии полярной шапки Марса, предложили чехословацкие ученые Л. Кривский, И. Чех и И. Садил. Во время противостояния 1956 года, когда расстояние между Землей и Марсом уменьшилось до 36 миллионов километров, было отмечено, что южная полярная шапка этой планеты исчезла. Это совпало с крупной вспышкой на Солнце, которая извергла в космос гигантское облако материи, достигшей Земли главным образом в виде ядер атомов водорода — протонов. Поскольку атмосфера Марса более разрежена, чем земная, то, по мнению чехословацких ученых, корпускулы солнечного происхождения проникают ближе к поверхности планеты и вызывают там химические и температурные изменения. Именно это и приводит к исчезновению полярной шапки.

Дискуссия вокруг гипотезы чехословацких ученых продолжается.

Группа вашингтонских астрономов зарегистрировала рентгеновые лучи, источником которых, возможно, является первая «нейтронная звезда», открытая человеком.

Эта звезда, находящаяся очень близко (конечно, по астрономическим понятиям) от Солнца, представляет собой небольшое невидимое тело — меньшее, чем какая-нибудь гора на земном шаре. Но состоит она из столь плотного вещества, что если положить его в спичечную коробку, то она весила бы на Земле больше миллиарда тонн.

Археологи ОАР для изучения пирамид привлекли на помощь... космические лучи, которые, как известно, непрерывно «бомбардируют» землю и реагируют на любое препятствие или, напротив, пустоты. На этом свойстве космических лучей и основан проект просвечивания пирамид с целью обнаружить внутри них скрытые ходы, кладовые и захоронения. Серия самых крупных в истории рентгеновских снимков начинается со 138-метровой пирамиды Хефрена.

НАХОДКА СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

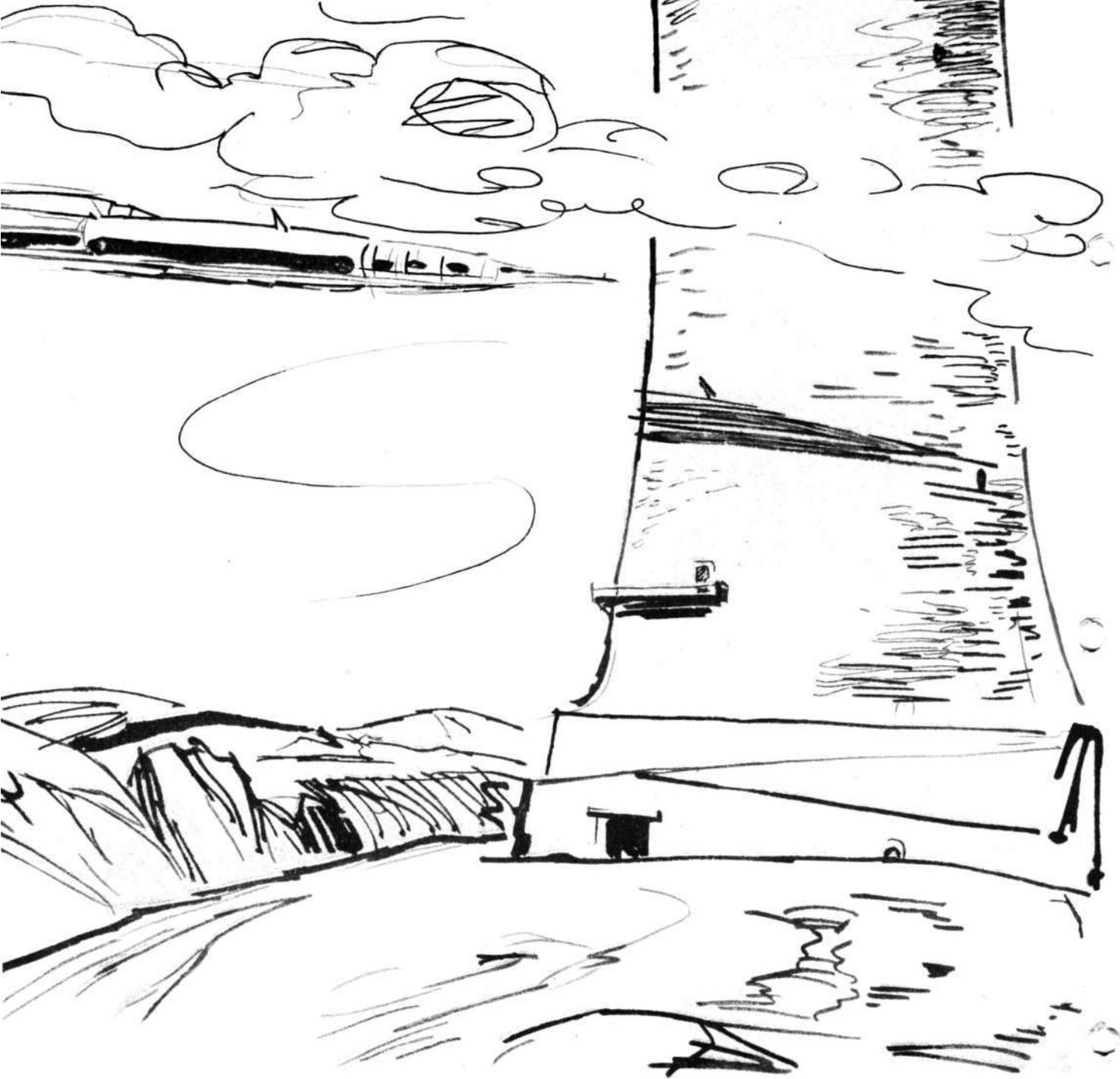
В конце прошлого года были раскопаны легендарные курганы Ыч-оба под Керчью. В одном из них археологи увидели поражающее своим великолепием, пышностью, обилием золотых ювелирных изделий погребение женщины.

В археологии, занимающейся изучением античного мира Северного Причерноморья, подобного не случилось уже многие десятилетия.

Очерк об этом открытии, опубликованный на стр. 73, по просьбе редакции написал руководитель раскопок археолог Д. С. КИРИЛИН.

КЛИФФОРД САЙМАК

КУШ

Я нашел доктора в амбулатории. Он нагрузился до чертиков. Я с трудом растормошил его. — Протрезвляйся, — приказал я. — Мы сели на планету.

Я взял бутылку, закупорил ее и поставил на полку, подальше от Дока.

— Пойдет вся команда. Возможно, снаружи нас кое-что ожидает.

— Понятно, — мрачно проговорил Док. — Раз ты так говоришь, значит нам придется туго. Омерзительнейший климат и атмосфера — чистый яд.

— Планета земного типа, кислород, климат пока прекрасный. Бояться нечего. Анализаторы дают превосходные показатели.

Док застонал и обхватил голову руками.

— Наши анализаторы работают прекрасно. Но мы-то сами отпетые.

— Мы не делаем ничего дурного, — сказал я.

— Мы стервятники, а порой и хищники. Мы рыскаем по Галактике и смотрим, где что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей. С похмелья он всегда брюзжит.

— Поднимись в камбуз, — сказал я, — и пусть Блин напоит тебя кофе. Я хочу, чтобы ты пришел в себя.

Но Док еще не был в силах тронуться с места.

— А что на этот раз?

— Силосная башня. Такой большой штуки ты сроду не видал. Десять или пятнадцать миль поперек, а верха глазом не достанешь.

— Силосная башня — это склад фуража, запасаемого на зиму. Что тут, сельскохозяйственная планета?

— Нет, — сказал я, — тут пустыня. И это не силосная башня. Просто похожа.

— Товарный склад? — спрашивал Док. — Город? Крепость? Замок? Но нам ведь все равно, капитан, верно? Мы грабим замки тоже.

— Встать! — заорал я. — Двигай!

Он с трудом встал.

— Наверно, население высыпало приветствовать нас. И надеюсь, как положено.

— Нет тут населения, — сказал я. — Стоит одна силосная башня, и все.

— Ну, ну, — сказал Док. — Работенка не ахти какая.

Спотыкаясь, он полез вверх по трапу, и я знал, что Док очухается. Уж Блин-то знает, как привести его в чувство.

Я вернулся к люку и увидел, что у Фроста уже все готово: и оружие, и топоры, и кувалды, и бухты канатов, и бачки с водой. Как заместителю капитана Фросту нет цены. Он знает свои обязанности и справляется с ними. Не представляю, что бы я делал без него.

Я стоял в проходе и смотрел на силосную башню. Мы находились примерно в миле от нее, она была так велика, что казалось, до нее рукой подать.

— В таком местечке, — сказал Фрост, — будет чем пожить.

— Если только кто-нибудь или что-нибудь нас не остановит. Если мы сможем забраться внутрь.

— В цоколе есть отверстия. Они похожи на входы.

— С дверьми толщиной футов в десять.

Я не был настроен пессимистически. Я просто рассуж-

дал логично — слишком часто у меня в жизни бывало так, что пахло миллиардами, а кончалось все неприятностями, и поэтому я никогда не позволяю себе слишком обнадеживаться, пока не приберу к рукам ценности, за которые можно, получить наличными.

Хэч Мэрдок, инженер, вскарабкался к нам по трапу. Как обычно, у него что-то не ладилось.

— Говорю вам, не сегодня-завтра эти двигатели просто развалятся, и мы повиснем где-нибудь в космосе, откуда даже за световые года не выберешься. Нам вздохнуть некогда — только и делаем, что чиним.

Я похлопал его по плечу.

— Может, это и есть то, что мы искали. Может, теперь мы купим новенький корабль.

Но он не очень воодушевился. Мы оба знали, что я говорю это, чтобы подбодрить и себя и его.

— Когда-нибудь, — сказал он, — нам не миновать большой беды. Мои ребята проволокут мыльный пузырь сквозь триста световых лет, если в нем будет двигатель. Только бы двигатель был. А на этом обломке, в котором...

Он бы распространился еще долго, если бы не заставил Блин, созывавший всех к завтраку. Док был уже за столом и, кажется, функционировал. Он поеживался и был немного бледноват. Кроме того, он был зол и выражался возвышенным слогом:

— Итак, нас ждет триумф. Мы выходим, и начинаются чудеса. Мы обшариваем руины, все желания исполняются, и мы возвращаемся проматывать деньжата.

— Док, — сказал я, — заткнись.

Он замолчал. Никому на корабле мне не приходилось говорить одно и то же дважды.

Завтрак мы не смаковали. Проглотили его и по-

шли. Блин даже не стал собирать посуду со стола, а пошел с нами.

Мы беспрепятственно проникли в силосную башню. В цоколе были входы без всяких дверей. Никто и ничто не задержало нас у входа. Внутри было тихо, торжественно... и скучно. Мне показалось, что я в чудовищно громадном учреждении.

Все оно было прорезано коридорами, а из коридоров проходы вели в комнаты. Комнаты были уставлены чем-то вроде ящиков с картотеками.

Некоторое время мы шли вперед, делая на стенах отметки краской, чтобы потом найти путь к выходу. Если в таком здании заблудиться, то всю жизнь, наверно, будешь бродить и не выберешься.

Мы искали... хоть что-нибудь, но нам не попадалось ничего, кроме этих картотечных ящиков.

Поэтому мы зашли в одну из комнат, чтобы порыться в ящиках.

— Там ничего не может быть, кроме магнитных лент с записями. Наверно, такая тарабарщина, что нам ее ни за что не понять, — сказал с отворачиванием Блин.

— В ящиках может быть все что угодно, — сказал Фрост. — Не обязательно магнитные ленты.

У Блина была кувалда, и он поднял ее, чтобы сокрушить один из ящиков, но я остановил его. Не стоит поднимать тарарам, если можно обойтись без этого. Мы поболтали немного по комнате и обнаружили, что если в определенном месте взмахнуть рукой, ящик выдвигается. Ящики оказались набиты чем-то вроде динамитных шашек. Они имели дюйма два в диаметре и были длиной в фут. Весили они много.

— Золото, — сказал Хэч.

— Черного золота не бывает, — возразил Блин.

— Это не золото, — сказал я им.

Я был даже рад, что это не золото. А то бы мы надорвались, перетаскивая его. Найти золото было бы неплохо, но на нем не разбогатеешь. Так, небольшой заработок.

Мы вывалили шашки из ящика на пол и сели на корточки, чтобы рассмотреть их.

— Может, они дорогие, — сказал Фрост. — Впрочем, сомневаюсь. А что думаете вы?

Никто из нас и понятия об этом не имел.

Мы обнаружили какие-то знаки на торце каждой шашки, и на всех шашках знаки были разные, но нам от этого не стало легче, потому что знаки нам ничего не говорили.

Выйдя из силосной башни, мы попали в самую жарюшу. Блин вскарабкался по трапу — пошел готовить жратву, а остальные уселись в тени корабля и, положив перед собой шашки, гадали, что бы это могло быть.

— Вот тут-то и сказывается наша немощ, — сказал Хэч. — В команде обычного исследовательского корабля есть всякого рода эксперты, которые изучают находки. Они делают десятки самых разных проб, они обдирают заживо каждую находку, прибегают к помощи теорий и высказывают ученые догадки. И вскоре не мытьем, так катаньем они узнают, что это за находка и будет ли от нее какая-либо польза.

— Когда-нибудь, — сказал я своей команде, — если мы разбогатеем, мы найдем экспертов. При такой добыче, которая нам все время попадает, они нам здорово пригодятся.

— Вы не найдете ни одного, — заметил Док, — который бы согласился якшаться с такой братвой, как мы.

— Что значит «такая братва, как мы»? — немного обидевшись, сказал я. — Мы, конечно, люди не очень образованные, и корабль у нас латаный-перелатанный. Мы не употребляем красивых слов, чтобы прикрывать ими дела, которые дают нам хлеб насущный. Но работаем мы честно.

— Я не сказал бы, что совсем честно. Иногда наши действия законны, а порой от них законом и не пахнет.

Даже сам Док понимал, что говорит чушь. По большей части мы летали туда, где не было никаких законов.

— В старину на Земле, — сердито возразил я, — именно такие люди, как мы, отправлялись в неведомые края, прокладывали путь другим, находили реки, карабкались на горы и рассказывали, что видели, тем, кто остался дома. Они отправлялись на поиски бобров, золота, рабов и вообще всего, что плохо лежало. Им было наплевать на законы и этику. Они находили, брали, и все тут. Если они убивали одного-двух туземцев или сжигали какую-нибудь деревню, что ж, к сожалению, так уж выходило.

Хэч сказал Доку:

— Что тебе за смысл корчить перед нами святого? Мы все одним миром мазаны.

— Джентльмены, — как обычно, с дурным актерским пафосом сказал Док, — я не собирался заевать пустую свару. Я просто хотел предупредить вас, чтобы вы не настраивались на то, что мы добудем каких-либо экспертов.

— А можем и добыть, — сказал я, — если предложим им приличное жалованье. Им тоже надо жить.

— Но у них есть еще и профессиональная гордость. Этого не надо забывать.

— Но ты же летаешь с нами.

— Ну, — возразил Хэч, — я не уверен, что Док профессионал. В прошлый раз, когда он вырывал у меня зуб...

— Кончай, — сказал я. — Оба кончайте.

Сейчас было не время обсуждать этот вопрос. Месяца два назад я еле примирил Хэча с Доком, и мне не хотелось, чтобы они снова начали свару.

Фрост подобрал одну из шашек и разглядывал ее, вертя в руках.

— Может, мы сообразим какую-нибудь пробу, — предложил он.

— И по этому случаю взлетим на воздух? — спросил Хэч.

— А может, она не взорвется. Скорее всего это не взрывчатка.

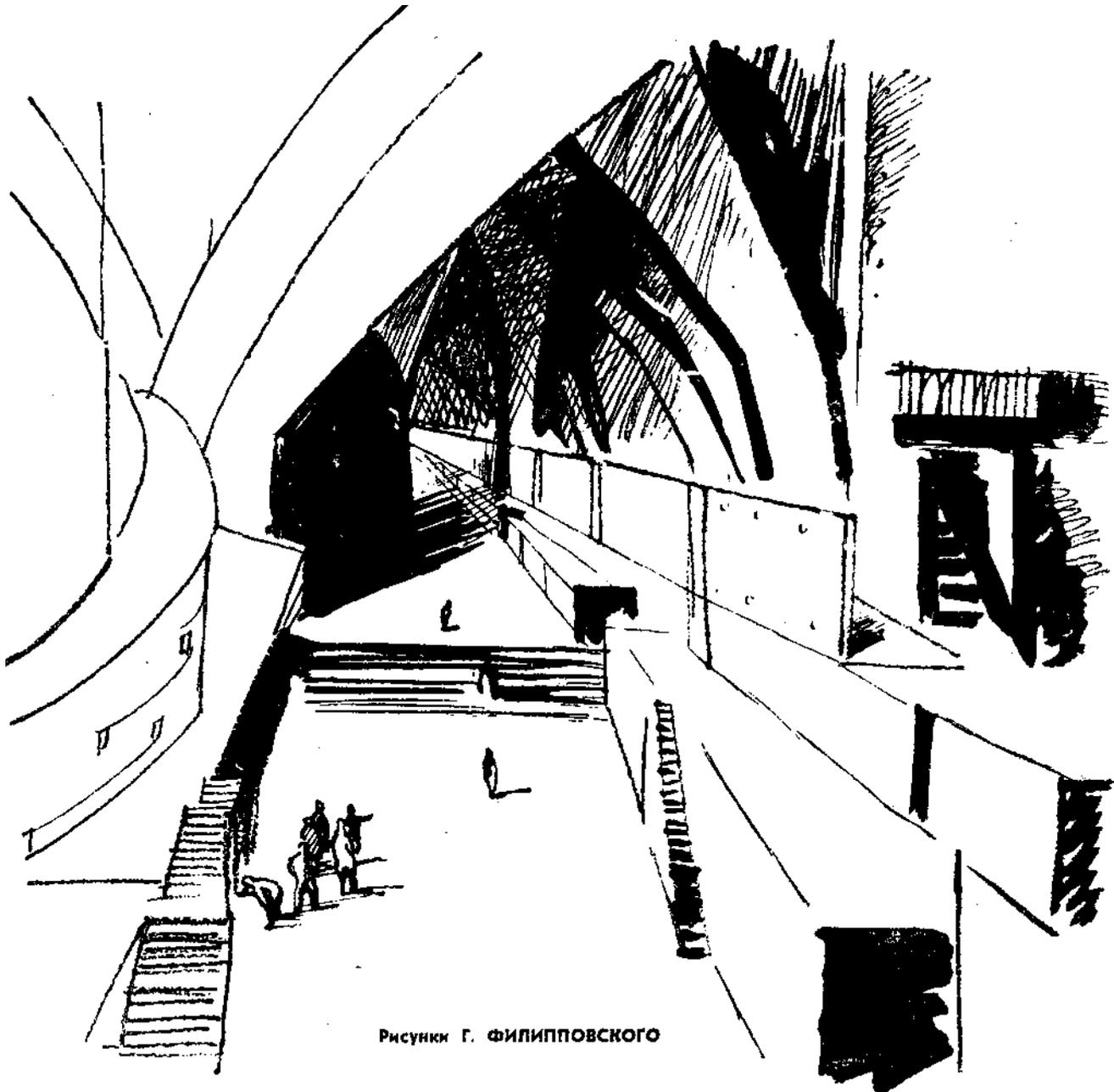
— Я в этом не участвую, — сказал Док. — Я лучше посижу здесь и поразмышляю. Это не так утомительно и гораздо более безопасно.

— Твои размышления ни к чему не приведут, — запротестовал Фрост. — Если мы узнаем, для чего эти шашки, богатство у нас в кармане. В этой башне их целые тонны. И ничто на свете не помешает нам забрать их.

— Первым делом, — сказал я, — надо узнать, не взрывчатка ли это. Шашка похожа на динамитную, но может оказаться чем угодно. Пищей, например.

— И Блин сварит нам похлебку, — сказал Док. Я не обращал на него внимания. Он просто хотел подковырнуть меня.

— Или топливом, — добавил я. — Сунуть шашку в специальный корабельный двигатель, и он будет работать год или два.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Блин засвистел, и мы все отправились обедать.

Поев, мы приступили к работе. Мы нашли плоский камень, похожий на гранит, и установили над ним треногу из шестов. Подвесили к треноге блок, нашли еще один камень и привязали его к веревке, перекинутой через блок. Второй конец веревки мы отнесли как можно дальше и вырыли там окоп.

Дело шло к закату, и мы устали до изнеможения, но решили не откладывать опыта, чтобы больше не томиться в неведении.

Я взял одну из шашек, а ребята, сидя в окопе, натянули веревку и подняли привязанный к ней камень. Положив на первый камень шашку, я бросился со всех ног к окопу, ребята отпустили веревку, и камень свалился на шашку.

Ничего не произошло.

Для верности мы натянули веревку и ударили камнем по шашке еще раза три, но взрыва не было.

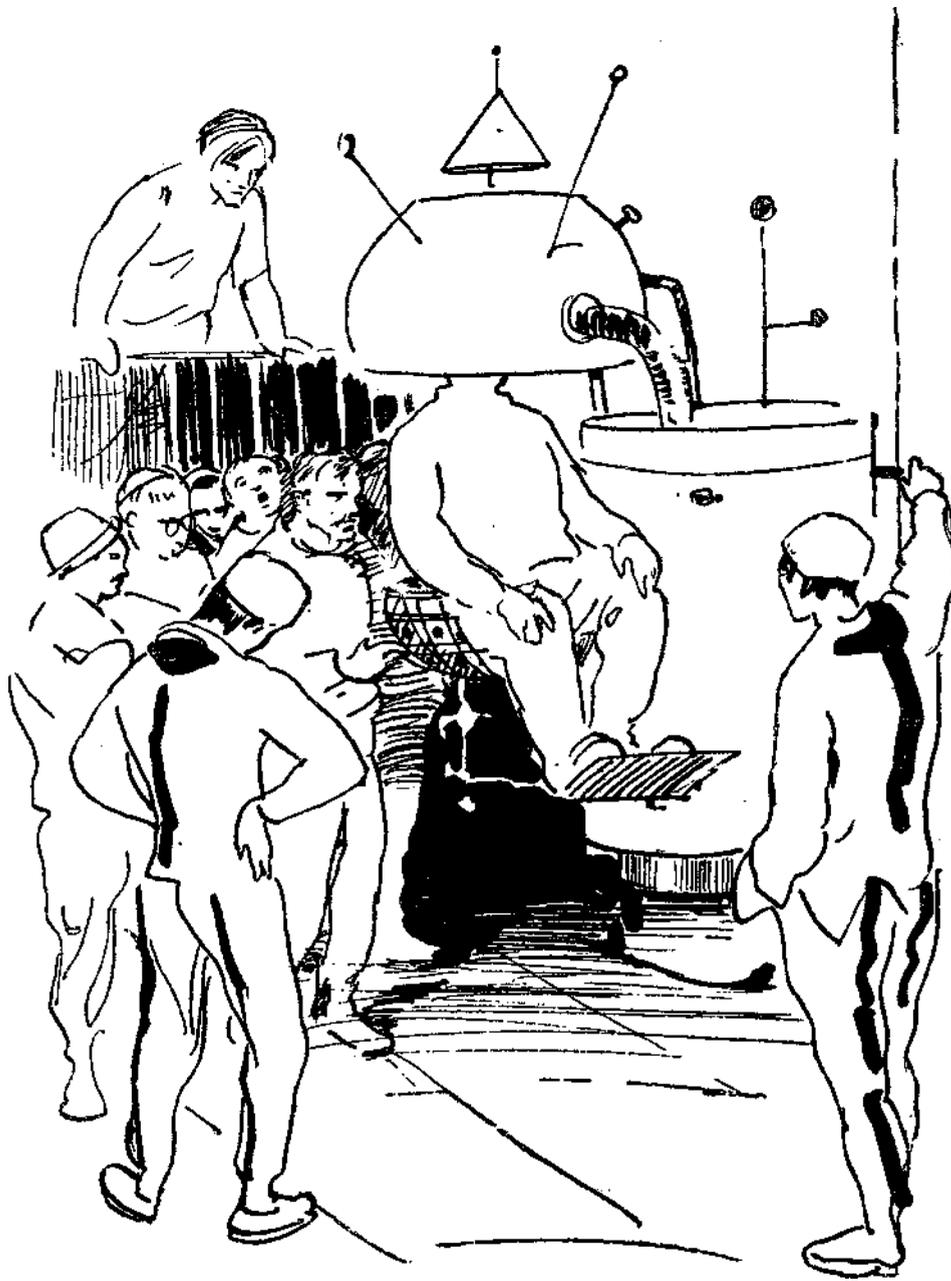
Той ночью мы что только не делали с шашками! Мы лили на них кислоту, которая просто стекала с них. Мы пробовали просверлить шашки и загубили два хороших сверла. Мы пробовали распилить одну и начисто стесали о шашку все зубья пилы. Мы попросили Блина сварить шашку, но он отказался.

— Я не пушу вас с этой дрянью в камбуз, — сказал он. — А если вы вломитесь ко мне, то потом можете готовить себе сами.

— Ладно, Блин, — сказал я. — Эту штуку, наверно, нельзя будет есть, если даже ее приготовить ты.

Мы сидели за столом, посередине которого были свалены шашки, и разговаривали. Док принес бутылку, и мы сделали по несколько глотков. Док, должно быть, очень огорчился тем, что ему пришлось поделиться с нами своим напитком.

— Если рассудить здраво, — сказал Фрост, — то

шашки эти на что-то годятся. Раз для них построили такое дорогое здание, то и на них ухлопали целое состояние.

— А может, там не только шашки, — предположил Хэч. — Мы осмотрели только часть первого этажа. Там может оказаться уйма всяких других вещей. И на других этажах тоже. Интересно, сколько там всего этажей?

— Бог их знает, — сказал Фрост. — С земли не видно верха здания. Оно просто теряется в высоте.

— Вы заметили, из чего оно сделано? — спросил Док.

— Из камня, — сказал Хэч.

— Я тоже так думал, — сказал Док. — А оказалось, что не из камня. Вы помните те холмы — жилые дома, на которые мы наткнулись на Сууде, где живут цивилизованные насекомые?

Разумеется, мы все помнили их. Мы потратили много дней, пытаюсь вломиться в них, потому что кашли у входа в один дом нефритовые фигурки, и думали, что внутри их, наверно, видимо-невидимо. За такие штуковины платят большие деньги. Люди на цивилизованных планетах с ума сходят по произведениям незнакомых культур, а тот нефрит был наверняка им не знаком.

Что мы только не делали, а внутрь нам забраться не удалось. Те «насекомые», видно, знали, что нам до них не добраться, и занимались своим делом, не обращая на нас никакого внимания. Это нас особенно бесило.

Мне пришло в голову, что такой материал как нельзя лучше подошел бы для строительства сооружения, подобного нашей силосной башне. Можно строить его каким угодно большим и высоким: чем сильнее давление на нижние этажи здания, тем они становятся прочнее.

— Это значит, — сказал я, — что зданию гораздо больше лет, чем кажется. Может, эта силосная башня стоит уже миллион лет или больше.

— Если она такая старая, — сказал Хэч, — то она набита всякой всячиной. За миллион лет в нее можно было упрятать немало добычи.

Док и Фрост поплелись спать, а мы с Хэчем продолжали рассматривать шашки.

Я стал думать, почему Док всегда говорит, что

мы всего-навсего шайка головорезов. Может, он прав? Но сколько я ни думал, сколько ни крутил и так и эдак, а с Доком согласиться не мог. Мы охотимся не за золотом, рабами или мехами, мы берем, что попадается. Иногда мы возвращаемся с пустыми руками, а иной раз — с трофеями. В конце концов так на так и выходит — получается что-то вроде среднего жалованья. — Но мы продолжаем уходить в набег, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллиардерами.

Такой случай еще не подворачивался, да, наверно, никогда и не подвернется. Впрочем, может подвернуться. Довольно часто мы бывали близки к цели, и призрачная надежда крепла. Я сознавал, что мы отправлялись бы в набег даже в том случае, если бы никакой надежды не было вовсе. Страсть к поискам неизвестного въедается в плоть и кровь.

Что-то в этом роде я сказал Хэчу. Он согласился со мной.

Толку от нашего сидения у стола с шашками не было, и я встал, чтобы пойти спать.

— Может, завтра мы найдем что-нибудь еще, — сказал я.

Хэч зевнул.

— Я крепко на это надеюсь. Мы даром потратили время на эти динамитные шашки.

Он взял их и по пути в спальню выбросил в иллюминатор.

На следующий день мы и в самом деле нашли кое-что еще.

Мы забрались в силосную башню поглубже, чем накануне, проделав по коридорам путь мили в две. Мы попали в большой зал площадью, наверно, акров десять или пятнадцать, который был от стены до стены уставлен рядами совершенно одинаковых механизмов.

Механизмы немного напоминали богато разукрашенные стиральные машины, только сбоку было плетеное сиденье, а наверху — колпак. Они не были прикреплены к полу, и их можно было передвигать в любом направлении, а когда мы перевернули одну машину, чтобы посмотреть, не скрыты ли внизу колесики, то нашли вместо них пару полозьев. Полозья были сделаны из жирного на ощупь металла, но смазка к пальцам не приставала.

Питание к машинам не подводилось.

— Может, у нее источник питания внутри? — предположил Фрост. — Подумать только, я не нашел ни одной вытяжной трубы во всем здании.

Мы искали, где можно включить питание, и ничего не нашли. Вся машина была как большой гладкий и обтекаемый кусок металла. Мы попытались посмотреть, что у нее внутри, да только кожух был совершенно цельный — нигде ни болта, ни заклепки.

Колпак с виду вроде бы снимался, но когда мы попытались его снять, он упрямо оставался на месте.

А вот с плетеным сиденьем дело было совсем другое. Оно кишмя кишело всякими приспособлениями для того, чтобы в нем могло сидеть любое существо, какое только можно себе представить. Мы здорово позабавились, меняя форму сиденья на все лады и стараясь догадаться, какое бы это животное могло усесться на него. Мы отпускали всякие соленые шутки, и Хэч чуть не лопнул от смеха.

Но мы по-прежнему топтались на месте и были уверены, что не продвинемся ни на шаг, пока не притащим режущие инструменты и не вскроем машину, чтобы узнать, с чем ее едят.

Мы взяли одну машину и поволокли ее по коридорам. Добравшись до выхода, мы подумали, что дальше ее придется тащить на руках. Но ошиблись. Она заскользила по земле и даже по сыпучему песку не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хэч спустился в рубку управления двигателями и вернулся с режущим инструментом. Металл был прочный, но в конце концов нам удалось содрать часть кожуха.

При взгляде на внутренности машины мы пришли в бешенство. Это была сплошная масса крошечных деталей, перевитых так, что в них сам черт не разобрался бы. Ни начала, ни конца найти было невозможно. Это было что-то вроде картинка-загадки, в которой все линии тянутся бесконечно и нигуда не приводят.

Хэч залез в машину обеими руками и попытался отделить детали друг от друга.

Немного погодя он проворчал:

— Они ничем не скреплены друг с другом. Ни винтов, ни шарнирных креплений, даже простых шпонок нет. Но они как-то липнут друг к другу.

— Это уже чистое извращение, — сказал я.

Он взглянул на меня с усмешкой.

— Может быть, вы и правы.

Он снова полез в машину, ушиб костяшки пальцев и принялся их сосать.

— Если бы я не знал, что ошибаюсь, — заметил Хэч, — я бы сказал, что это трение.

— Магнетизм, — предположил Док.

— Послушайте меня, Док, — сказал Хэч. — Вы в медицине и то не быстро разбираетесь, так что позволяйте уж заниматься механикой мне.

Чтобы не дать разгореться спору, Фрост поспешил вмешаться:

— Эта мысль о трении не так уж нелепа. Но в таком случае детали требуют совершенной обработки и шлифовки. Из теории известно, что если вы приложите две отшлифованные до совершенства поверхности друг к другу, то молекулы деталей будут взаимодействовать и сцепление станет постоянным.

Не знаю, где Фрост поднабрался всей этой премудрости. Обычно он был, как и все мы, но иногда говорил такое, что мы рты разевали. Я никогда не расспрашивал его о прошлом; такие вопросы задавать было просто неприлично.

— Дай-ка взглянуть. Может, я справлюсь, — сказал Фрост.

Хэч даже не огрызнулся. Ему утерли нос.

Фрост начал сдвигать, растягивать, скручивать, расшатывать путаницу деталей, и вдруг раздался шипящий звук, будто кто-то медленно выдохнул воздух из легких, а все детали распались сами. Они разъединились как-то очень медленно и, позвякивая, свалились в кучу на дно кожуха.

— Смотри, что ты натворил! — закричал Хэч.

— Ничего я не натворил, — сказал Фрост. — Я просто посмотрел, нельзя ли выбить одну детальку, и только это сделал, как все устройство рассыпалось.

Он показал на детальку, которую вытащил.

— Знаешь, что я думаю? — сказал Блин. — Я думаю, машину специально сделали так, чтобы она разваливалась при попытке разобраться в ней. Те, кто ее сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как соединяются детали.

— В этом есть смысл, — сказал Док. — Не стоит с этим возиться. В конце концов машина не наша.

— Док, — сказал я, — вы странно ведете себя. Я никогда не замечал, чтобы вы отказывались от своей доли, когда мы что-нибудь находили.

— Я ничего не имею против, когда мы ограничиваемся тем, что на нашем изысканном языке называется полезными ископаемыми. Я могу даже переварить воровство произведений искусства. Но когда дело доходит до воровства мозгов... а эта машина — думающая...

Вдруг Фрост вскрикнул.

Он сидел на корточках, засунув голову в кожух машины, и я сперва подумал, что его защемило и нам придется вытаскивать его, но он выбрался сам как ни в чем не бывало.

— Я знаю, как снять колпак, — сказал он.

Это было сложное дело, почти такое же сложное,

как подбор комбинации цифр, отпирающих сейф. Колпак крепился к месту множеством пазов, и надо было знать, в какую сторону поворачивать его, чтобы в конце концов снять.

Фрост засунул голову в кожух и подавал команды Хэчу, который крутил колпак то в одну сторону, то в другую, иногда тянул его вверх, а порой и нажимал на него, чтобы выпутать его из системы пазов, которыми он крепился. Блин записывал комбинации команд, которые выкрикивал Фрост, и Хэч, наконец, освободил колпак.

Как только его сняли, загадки как не бывало. Это был шлем, оснащенный множеством приспособлений, которые позволяли надеть его на любой тип головы. В точности, как сиденье, которое приспособлялось к любому седлашу.

Шлем был связан с машиной эластичным кабелем, который дотянулся бы до головы любого существа, усевшегося на сиденье.

Все это было, разумеется, прекрасно. Но что это была за штука? Переносный электрический стул? Машина для перманентной завивки? Или что-нибудь другое?

Фрост и Хэч покопались в машине еще и нашли наверху, как раз под тем местом, где был колпак, поворотную крышку люка, а под ней трубу, которая вела к механизму внутри кожуха. Только теперь этот механизм лежал грудой распавшихся деталей.

Не надо было обладать слишком большим воображением, чтобы понять, для чего эта труба. Она была размером точно с динамитную шашку.

Док вышел и вернулся с бутылкой. Сделав глотка по два, они с Хэчем пожали друг другу руки и сказали, что теперь зла не помнят. Но я не очень-то в это верил. Они мирились много раз и прежде, а потом и дня не проходило, как они были готовы вцепиться друг другу в глотку.

Трудно было понять, почему - мы устроили празднество. Мы, разумеется, узнали, что машину можно приспособить к голове, а в трубу положить динамитную шашку... и все же для чего это все надо, мы не имели никакого представления.

По правде говоря, все были немного испуганы, хотя никто в этом не признался бы.

Естественно, мы начали гадать, что к чему.

— Это, наверно, машина-врач, — сказал Хэч. — Садись запросто на сиденье, надевай шлем на голову, суй нужную шашку и вылечишься от любой болезни. Да это же было бы великое благо. И совсем не надо беспокоиться, знает ли твой врач свое дело или нет.

Я думал, Док вцепится в Хэча, но он, видимо, вспомнил, что мирился с Хэчем, и не бросился на него.

— Раз уж наша мысль заработала в этом направлении, — сказал Док, — давайте предположим большее. Скажем, это машина, возвращающая молодость, а шашки набиты витаминами и гормонами. Проходи процедуру каждые двадцать лет и остаешься вечно юным.

— Это, наверно, машина-преподаватель, — перебил его Хэч. — Может быть, эти шашки набиты знаниями. Может быть, в каждой из них полный курс колледжа.

— Или нас борот, — сказал Блин. — Может, эти шашки высасывают все, что ты знаешь, Может, в каждой из этих шашек по истории жизни одного человека.

— А зачем записывать биографии? — спросил

Хэч. — Немного найдется людей, ради биографий которых стоило бы породить все это.

— Вот, если предположить, что это что-то вроде коммуникатора, — сказал я, — тогда другое дело. Возможно, это аппарат для ведения пропаганды, для религиозных проповедей. Или это карты. А может, это не что иное, как склад деловых записей.

— Или, — сказал Хэч, — этой штукой можно прихлопнуть кого-нибудь в мгновение ока.

— Не думаю, — сказал Док. — Чтобы убить человека, можно найти способ полегче, чем сажать его на сиденье и надевать ему на голову шлем. И это не обязательно коммуникатор.

— Есть только один способ узнать, что это, — сказал я.

— Боюсь, — догадался Док, — что нам придется прибегнуть к нему.

— Слишком сложно, — возразил Хэч. — Не говоря уже о том, что у нас могут быть большие неприятности. Не лучше ли бросить все это к черту? Мы можем улететь отсюда и поохотиться за чем-нибудь попроще.

— Нет! — закричал Фрост. — Этого делать нельзя!

— Интересно, почему нельзя? — спросил Хэч.

— Да потому, что мы всегда будем сомневаться, не упустили ли мы куш.

Мы знали, что Фрост прав, но не торопились согласиться с ним.

Наконец мы потянули жребий, и Блину не повезло.

— Ладно, — сказал я. — Завтра с утра пораньше...

— Что там, с утра! — заорал Блин. — Я хочу покончить с этим сейчас же.

Он боялся, и ему, право, было чего бояться. Да и я чувствовал бы себя не в своей тарелке, если бы вытащил короткую спичку.

Не люблю болтаться по чужой планете после наступления темноты, но тут уж пришлось. Откладывать на завтра было несправедливо по отношению к Блину. И кроме того, мы увязли в этом деле по самые уши и не ведали бы покоя, пока не разузнали бы, что нашли.

И вот, взяв фонари, мы пошли к силосной башне. Протопав по коридорам, которые показались нам бесконечными, мы вошли в зал, где стояли машины.

Они все вроде были одинаковые, и мы подошли к первой попавшейся. Пока Хэч снимал шлем, я приспособил для Блина сиденье, а Док пошел в соседнюю комнату за шашкой.

Когда все было готово, Блин сел на сиденье.

Вдруг из меня поперла глупость.

— Послушай, — сказал я Блину, — почему должен делать это непременно ты?

— Кому-то надо, — ответил Блин. — Так мы скорее всего узнаем, что это за штука.

— Давай я сяду вместо тебя.

Блин обозвал меня нехорошим словом, чего он делать не имел никакого права, потому что я просто хотел помочь ему. Но я его тоже обозвал, и все стало на свои места.

Хэч надел шлем на голову Блину. Края шлема опустились так низко, что не стало видно лица Блина. Док сунул шашку в трубу, и машина, замурлыкав, заработала, а потом наступила тишина. Не совсем, конечно, тишина... если приложить ухо к кожуху, слышно особо, как машина работает.

С Блином ничего особенного не случилось. Он сидел спокойный и расслабленный, и Док принялся сразу же следить за его состоянием.

— Пульс немного замедлился, — сообщил Док, —

сердце бьется слабее, но, по-видимому, никакой опасности нет. Дыхание частое, но беспокоиться не о чем.

Мы ждали и ждали. Машина работала, а размякший Блин сидел в кресле. Он был расслаблен, как собака во сне, — возьмешь его руку, и кажется, что из нее начисто вытопили кости. Мы волновались все больше и больше. Хэч хотел сорвать с Блина шлем, но я ему не позволил. Черт его знает, что могло произойти, если бы мы остановили это дело на середине.

Машина перестала работать примерно за час до рассвета. Блин начал шевелиться, и мы сняли с него шлем.

Он зевнул, потер глаза и выпрямился. Когда он увидел нас, вид у него сделался немного удивленный — он узнал нас вроде бы не сразу.

— Ну как? — спросил его Хэч.

Блин не ответил. Видно было, что он приходил в себя и что-то вспоминал, собираясь с мыслями.

— Я путешествовал, — сказал он.

— Кинопутешествие! — с отвращением сказал Док.

— Это не кинопутешествие. Я там был. На планете, на самом краю Галактики, наверное. Ночью там мало звезд, да и те, что есть, совсем бледные. И над головой двигается тонкая полоска света.

— Значит, видел край Галактики, — кивнув, сказал Фрост. — Что его, дисковой пилой, что ли, обрезают?

— Сколько я просидел? — спросил Блин.

— Довольно долго, — сказал я ему. — Часов шесть-семь. Мы уже стали беспокоиться.

— Странно, — сказал Блин. — А я могу поклясться, что был там больше года.

— Давай-ка уточним, — сказал Хэч. — Ты говоришь, что был там. Ты хочешь, наверно, сказать, что видел эту планету.

— Я хочу сказать, что был там! — заорал Блин. — Я жил с этими людьми, спал в их норах, разговари-

вал и работал вместе с ними. Когда я в огороде работал, я себе кровавый мозоль мотыгой натер. Я ездил с места на место и насмотрелся всякой всячины, и все это было по-настоящему — вот как я сижу сейчас здесь.

Ставив его с сиденья, мы пошли обратно на корабль. Хэч не позволил Блину готовить завтрак. Он что-то состряпал сам, но кок из него был никудышный, и ничего в рот не лезло. Док откопал бутылочку и дал хлебнуть Блину, а всем остальным не досталось ни капли. Он сказал, что это лечебное, а не увеселительное средство.

Вот такой он бывает иногда. Настоящий жмот.

Блин рассказал нам о планете, на которой побывал. Правителей на ней, кажется, вообще не было, так как она в них не нуждалась, но богатой жизни тоже не было — довольно простодушные жители ее занимались примитивным сельским хозяйством. Блин сказал, что они похожи на помесь человека с кротом, и даже пытался нарисовать их, но толку от этого получилось мало, потому что Блин художник был липовый.

Он рассказал нам, что они выращивают, что едят, и это было потешно. Он даже легко называл имена местных жителей, припоминал, как они разговаривают — язык был совсем незнакомый.

Мы забросали его вопросами, и он всегда находил ответы, причем было видно, что он не выдумывал. Даже Док, который с самого начала был настроен скептически, склонялся к мысли, что Блин и в самом деле посетил чужую планету.

Поев, мы погнали Блина в постель, а Док осмотрел его и нашел, что он вполне здоров.

Когда Блин с Доком ушли, Хэч сказал мне и Фросту:

— У меня такое ощущение, будто доллары уже позвякивают у нас в карманах.

Мы оба согласились с ним. Мы нашли развлекательное устройство, какого сроду никто не видел.

**В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ —
ДЕКТИВНЫЙ РАССКАЗ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «ЧЕСТНЫЙ ШАРЛАТАН».
В ПЕРВЫХ НОМЕРАХ 1967 ГОДА — НОВЫЕ ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ К. ПАУСТОВСКОГО
«ЗОЛОТАЯ РОЗА», РАССКАЗ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВОЕННЫЕ БЭБИ».**

Шашки оказались записями, которые не только воспроизводили изображение и звук, но и возбуждали все прочие чувства. Они делали это так хорошо, что всякий, кто подвергался их воздействию, ощущал себя в той среде, которую они воссоздавали. Человек как бы делал шаг в воспроизводимое и становился частью, он жил там.

Фрост уже строил планы.

— Мы могли бы продавать эти штуки, — сказал он, — но это было бы глупо. Нам нельзя выпускать их из рук. Мы будем давать машины и шашки напрокат, а так как запас их будет только у нас, мы станем хозяевами положения.

— Мы можем рекламировать годовичные каникулы, которые длятся всего полдня, — добавил Хэч. — Это как раз то, что нужно администраторам и прочим очень занятым людям. Ведь только за субботу и воскресенье они смогут прожить четыре-пять лет и побывать на нескольких планетах.

— Может быть, не только на планетах, — подхватил Фрост. — Может быть, там записаны концерты, посещение картинных галерей или музеев. Или лекции по литературе, истории и тому подобное.

Мы чувствовали себя на седьмом небе, но усталость зяла свое, и мы пошли спать.

Но я лег не сразу, а достал бортовой журнал. Не знаю уж, зачем мне было возиться с ним вообще. Вел я его как попало. Месяцами даже не вспоминал о нем, а потом вдруг несколько недель записывал все кряду. Делать запись сейчас мне было, собственно, ни к чему, но я был немного взволнован, и у меня почему-то было такое ощущение, что последнее событие надо записать черным по белому.

Я полез под койку и вытянул железный ящик, в котором хранились журнал и прочие бумаги.

Их набралось там у меня чертовски много, и по большей части все это был хлам. Когда-нибудь, говорил я себе, я выброшу его. Там были пошленные документы, выданные в сотне различных портов, медицинские справки и другие, бумаги, срок действия которых давно уже истек. Но среди них я нашел и документ, закрепляющий мое право собственности на корабль.

Я сидел и вспоминал, как двадцать лет назад купил этот корабль за сущие гроши, как отбуксировал его со склада металлолома, как года два тратил все свободное время и все заработанные деньги на то, чтобы подлатать его и подготовить к полетам в космос. Не удивительно, что нас называют отпетыми. С самого начала наш корабль был развалиной, и все двадцать лет мы только и делали, что клали заплату на заплату. Уже много раз он проходил технический осмотр только потому, что инспектору ловко совали взятку. Во всей Галактике один Хэч способен заставить его летать.

Я продолжал разбирать бумаги, думая о Хэче и обо всех остальных. Я немного расчувствовался и стал думать о таких вещах, за которые вздул бы всякого другого, кто осмелился бы сказать их мне. Я думал о том, как мы все спелись и что любой из команды отдал бы за меня жизнь, а я свою — за любого из них.

Было, конечно, время, когда все было по-иному.

В те дни, когда они впервые подписали контракт, не было ничего, кроме команды. Но те дни прошли давным-давно; теперь это была не просто команда корабля. Контракт не возобновлялся уже много лет, а все продолжали летать, как люди, которые имеют право на это. И вот, сидя на полу, я думал, что мы, наконец, добились того, о чем мечтали, — мы, оборвыши в латаном-перелатанном корабле. Я был горд и радовался не только за себя, но и за Хэча, Блина, Дока, Фроста и всех остальных.

Наконец я собрал бумаги, сунул их снова в ящик и попытался сделать запись в журнале, но от усталости не хватило сил писать, и я лег спать, что и надо было сделать с самого начала.

Но как я ни устал, я уже в постели стал думать, велика ли силосная башня, и попытался прикинуть, сколько из нее можно выкачать шашек. Я дошел до триллионов, а дальше прикидывать не было толку — все равно точного числа не определишь.

Дело предстояло большое — такого у нас никогда не было. Нашей команде, даже если бы мы работали каждый день, понадобилось бы пять жизней, чтобы опустошить башню. Нам придется создать компанию, нанять юристов (предпочтительно, способных на любое грязное дело), подать заявку на планету и пройти через прочую волокиту, чтобы прибрать все к рукам.

Мы не могли позволить себе упустить такое дело меж пальцев из-за своей непредусмотрительности.

Не знаю, как остальным, а мне всю ночь снилось, будто я брожу, утопая по колено, по морю новеньких хрустящих банкнотов.

Наутро Док не появился за завтраком. Я пошел к нему и обнаружил, что он даже и не ложился. Он полулежал на своем старом шатком стуле в амбулатории. На полу стояла пустая бутылка, другую, тоже почти пустую, он держал в руке, свисавшей до самого пола.

Я страшно разозлился. Док знал наши правила. Он мог пьянствовать беспробудно, пока мы находились в космосе, но после приземления требовались рабочие руки, да и надо было следить, чтобы на планетах не подцепить незнакомые болезни, так что ему вменялось в правило не напиваться.

Я вышиб у него из руки бутылку, зяял его одной рукой за шиворот, а другой — за штаны и поволок в камбуз.

— Я хочу, чтобы ты протрезвился, — сказал я Доку, — у нас каждый человек на счету.

Хэч пригнал своих, а Фрост собрал всю команду вместе и приладил блок с таями, чтобы начать погрузку.

Мы отправились сразу после завтрака. Мы собирались погрузить на борт как можно больше машин, а все пространство между ними забить шашками.

Мы прошли по коридорам в зал, где были машины, и, разбившись по двое, начали работу. Все шло хорошо, пока мы не оказались на середине пути между зданием и кораблем. Мы с Хэчем были впереди и вдруг увидели, как футах в пятидесяти от нас что-то взорвалось....

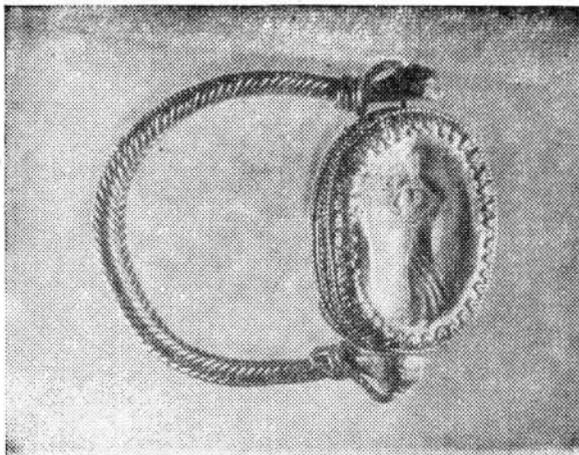
(Окончание следует)

Перевел с английского ДМИТРИИ ЖУКОВ

ЗОЛОТО СТАРШЕГО БРАТА

Д. КИРИЛИН

Фото Е. ИГНАТОВИЧ и Т. ЛАСКОГО

Золотой перстень. Печать с изображением танцовщицы.

Античный краснофигурный сосуд.

Огрешные курганы, холмы, остатки городищ и древних крепостей. Одни безымянные, другие, как люди, имеют имена. И каждый из них — легенда.

В двадцати километрах от Юз-обы — курганной гряды Ста холмов, опоясывающей Керчь с юга, — стоят одиноко в степи три холма — Ыч-оба — Три брата, как окрестила их народная молва.

...Давным-давно в этих местах жила мать с тремя сыновьями, которым неведом был страх пред людьми и богами.

Люди трепетали при одном упоминании о братьях, а земля чернела от крови там, где появлялись они. Все золото, добытое в грабежах и разбоях, братья приносили своей матери, но она не принимала его и тщетно умоляла сыновей бросить злое ремесло и заняться честным трудом. И однажды старая женщина не выдержала — изгнала сыновей из родительского сердца. Гнев матери превратил братьев в безмолвные холмы, которые люди обходили стороной. Лишь отчаянные осмеливались искать здесь то золото, которое унесли братья с собой...

Так гласит легенда. Но холмы существуют. Не холмы — курганы. И мы решили раскрыть для науки поросшую степной травой тайну.

Погода нас не баловала. Ветер, затяжные дожди со снегом. За века слежавшаяся в камень земля с трудом поддавалась даже бульдозеру, а курганы были не маленькие: «младший брат» поднимался на высоту четырех метров, «средний» — семи, «старший» — девяти. От зари до зари в выходные и праздничные дни над курганами разносился рев моторов.

Первым «сдался» «младший брат». Но, дойдя до погребения, мы обнаружили лишь следы грабителей.

Начали копать средний курган. И тот же результат. Искатели сокровищ настолько переусердствовали, что разрушили уступчатый склеп, взломали каменный пол, унесли или выбросили даже останки погребенных. Рядом с погребением мы нашли только бронзовые украшения от конской сбруи.

Но работа продолжалась. Дождь льет, ветер свистит — зимний, леденистый. Вскрываем плитовую могилу кургана — и перед нами семь скелетов... Когда-то эти грабители проникли в могилу. Может быть, они успели передать своему сообщнику драго-

ценности и золото «среднего» брата, прежде чем сорвавшаяся надгробная плита навечно замуровала их в склепе. Может быть, плита сорвалась не случайно... Кто знает...

За раскопки «старшего» кургана мы принялись с тяжелым чувством. И чем дальше вгрызались в окаменевшую землю, тем меньше и меньше оставалось у нас надежд.

На глубине четырех метров от вершины кургана мы увидели полосы черного грунта — зловещий след грабительского хода, ведущего в глубь кургана.

Все чаще и чаще появлялась предательская мысляшка — уж не бросить ли все это, зря тратим время, и деньги, и силы. Да и погода, казалось бы, решила сделать все, чтобы похоронить последнюю надежду: дождь усиливался, ветер швырял в лицо грязь и пыль. Но мы работали. Сначала решили идти грабительским ходом — он должен был привести к склепу. Но потом мы изменили этот план. Решили срыть бульдозером юго-восточную часть кургана и, если уж здесь никаких следов нетронутого захоронения не будет, заканчивать работу.

Машина счищала слой за слоем. И вдруг на глубине около шести метров, метрах в пятнадцати от центра кургана, бульдозер краем ножа зацепил что-то твердое. Каменная плита. Глыба перевернулась — под ней зияло черное отверстие.

Забыв об усталости, мы принялись за расчистку. И будто ветер убавил свою силу, и дождь затих. Постепенно нашим глазам открылся вытянутый с запада на восток грандиозный склеп с уступчатым покрытием. Вход был заложен камнями. Последнее усилие — и мы внутри.

Нужно ли описывать наше состояние, когда мы убедились, что грабители миновали этот склеп?!

У северной стены погребальной камеры под полом возвышалось каменное ложе из тонких известковых плит, покрытых изящным узором. Талантливый древний мастер создавал для человека последний приют...

Края погребального ложа обведены узкими красными полосами. В изголовье сосуд. На лежанке два скелета. Один скелет — молоденькой девушки. Дру-

гой — женщины средних лет. На останках женщины пышный ритуальный наряд. Сложный головной убор с покрывалом, расшитый золотыми пластинками с изображением крылатого божества. Диадема из тонкого золота, украшенная изображениями льва и пантеры. Начельник с подвесками. Золотые бусы и ожерелье из бляшек с выгисненными на них крылатыми конями и орлами. Золотые серьги в виде сфинксов, инкрустированные зелено-синей египетской эмалью. На левой руке — два спиральных золотых кольца, оканчивающихся изображением голов химерических львов. А на запястьях золотые витые браслеты, на концах которых львиные головы. Рядом с изголовьем стояла деревянная шкатулка с чернотелыми солонками, краснофигурным сосудом для смешивания вина с водой, сосудами для белил и румян. Здесь же лежал талисман из горного хрусталя с изображением амазонки на коне. Такой талисман, по поверьям древних, давал своему хозяину право просить у богов все, что он пожелает, и боги не могли отказывать.

В девяти метрах к востоку — культовое сооружение с уникальным двухметровым рельефом, изображающим хозяйку талисмана.

Мы определили, что захоронение было совершено в последней четверти IV века до нашей эры по образцам царской и греческой знати скифского племени сатавков, жившего около Феодосии. Величие монументального склепа, ювелирное изысканство украшений и особенно рельеф говорят о той роли, которую играла скифская знать в Боспорском царстве. Обилием золота и драгоценными украшениями она стремилась подчеркнуть свое величие и могущество. И золотые изделия, и украшения, и рельеф были выполнены с учетом местных, не греческих вкусов. Это неоспоримое свидетельство взаимного влияния греческой и местной культур, которое и создавало культуру великого Боспорского царства.

«Три брата» раскрыли свою тайну. Но сколько еще в причерноморских степях огромных курганов, холмов, остатков городищ и древних крепостей! И каждый из них — легенда...

со стр. 48 ▼

— Ну, если так...

И первую бутылку — вдребезги! Об нож бульдозера, как о форштвень корабля.

— С дорогой вас, строители!

Вино торжеств, запенившись, плеснуло в запрокинутые лица, смешалось с пылью, потом и солляркой.

— ...Ну, в общем нечего рассказывать. Давай уж лучше ты. Как город наш — цветет! Как набережная! Л мост какой отгрохали — видел в кино...

Гость говорил, хозяин слушал и под конец слегка расстроился. Саратов — родина, не шутка, столько лет... Гость предложил:

— Вернуться можно. С работой и с квартирой помогу.

Хозяин посмотрел, подумал.

Пожалуй, хорошо, что ничего не стал рассказывать. Великодушничает однокашник. «Еще бы, он устроился, как бог, а я сижу в дыре и, верно, дьявольски завидую. Конечно, я ведь неудачник, устраиваться не умею. Пощекотать ему нервишки, что ли! Бедняга, ночь не будет спать».

— Л что платят тебе в этом банке!

— Неплохо платят. Я заведу отделом. Сто шестьдесят, как говорится, в клювике. А у тебя!

— Да малость побольше, рублей на четыреста. Почти пятьсот шестьдесят.

Гость поднял бровь. Хозяин сделал встречный ход:

— Послушай, может, ты переберешься к нам! Люди нужны. И квартиру найдем.

Гость помедлил, тщательно загасил сигарету...

— Нет, пожалуй. Я уж за сто шестьдесят в Саратове посижу.

Поселок спит, нигде ни огонька. Спят, умаявшись за день, бульдозеристы и плотники, храпят экскаваторщики и маляры, залиvisto посвистывают слесари и бетонщики. Накрыв подушкой телефон, спит начальник отдела снабжения и видит во сне машины, машины, везущие паклю и гвозди, рубероид и стекло, белила и шифер. В обнимку с берданкой спит сторож на складе. Спят шоферы из Братска и шевелят во сне губами: им снится дорога, серой лентой уходящая за горизонт.

Усть-Илим спит крепко — сном уставшего рабочего человека.

Усть-Илим — Москва,
август, 1966

ВЫСТРЕЛ НА МОСТУ БОЛЬШЕВЕРИНО

МАДЛЕН РИФО,
лауреат Международной премии
журналистов

Летом 1962 года газета французских коммунистов «Юманите» ежедневно печатала репортажи о событиях в Алжире. Под заголовками стояло: «От нашего специального корреспондента в Оране Поля Райнера». Взбешенные головорезы из ОАС рыскали по Орану в поисках неуловимого Райнера. Еще бы, он осмеливался говорить о преступлениях террористов из самого их логова! И вот 30 ию-

ня «Юманите» поместила на первой странице следующее сообщение: «В четверг наш специальный корреспондент Мадлен Рифо, находившаяся в Алжире, была ранена... Несмотря на перелом руки и серьезную контузию головы, она сумела вчера позвонить в редакцию и передать свой материал...»

Да, под именем Райнера выступала журналистка Мадлен Рифо. «Тяжкий долг настоящего журналиста — быть свидетелем преступлений и разоблачать их», — писала она когда-то. И общественный резонанс ее фронтовых репортажей, разоблачавших «грязную войну» в Индокитае, ее гневных рассказов о войне в Алжире, о сегодняшней Испании свидетельствует, что голос совети Мадлен Рифо звучит не напрасно.

Война вошла в жизнь семна-

дцатилетней Мадлен, чтобы навсегда оставить в ней след — след пыток гестапо на теле и великой ненависти к преступлениям нацистов в сердце. Она вступает в борьбу против фашизма с верой в грядущую победу, чей свет зажегся в битве под Москвой.

23 июля 1944 года девушка-парижанка застрелила среди бела дня гитлеровского офицера. Один выстрел! Его, казалось, могли не услышать и в соседнем переулке. Но выстрелу Рифо — этому акту гнева и мужества — была уготована другая судьба. Его услышали во всем Париже, он прозвучал призывом к восстанию для тех, кто не хотел покориться врагу, для тех, кто, идя за коммунистами, готовился к сражению за свободу. Об этом и рассказывает отрывок из воспоминаний Мадлен Рифо, который мы публикуем сегодня.

С отчетливой ясностью вспоминаю момент, когда я в полной мере осознала, что такое оккупация. Произошло это не в те дни, когда из Парижа тянулись бесконечные пыльные хвосты беженцев, и не во время бомбежки под Ле-Маном. Это случилось в Амьене, куда я привезла умирающего деда. Амьен после капитуляции оказался в оккупированной зоне, даже больше: «в запретной зоне». Мы вылезли на разбитом вокзале, добрые люди помогли мне спустить на платформу деда и уложили его на скамью. Я пошла к выходу через зал, битком набитый немецкими солдатами. Солдаты лежали прямо на полу, и мне приходилось перешагивать через них; они гоготали, перебрасываясь намеками

Летом сорок четвертого года Париж вновь воздвиг на своих улицах баррикады. На них встали внуки коммунаров.

на своем языке. Вот тогда-то я вдруг почувствовала, что я не у себя, что в моем доме по-хозяйски развалились чужие люди с тяжелым солдатским запахом.

Вскоре я заболела, и родители отправили меня в пока свободную южную зону. Там я познакомилась с чудными ребятами, моими сверстниками — им было лет по шестнадцать-восемнадцать, но они уже были связаны с подпольными группами, а кое-кто успел и отсидеть в петэновских тюрьмах. Там я вступила в группу студентов-коммунистов. Мы читали подпольную литературу — да и что тогда было легальным? — и до хрипоты спорили.

Но хотелось действовать настоящим. И вот я, уговорив родителей, возвращающуюся в Париж и записывающую на медицинский факультет. Товарищи из южной зоны связали меня с парижским подпольем.

Дело нашлось сразу: немцы в то время начали мобилизовывать молодежь на работы в Германию. В ответ мы стали писать на стенах призывы: «Ни одного человека для Гитлера!» Чтобы не привлекать внимания, мы разбились на пары и разыгрывали из себя влюбленных. Парень писал, притворяясь, что обнимает девушку. А иногда не притворяясь...

Мы были неистовыми романтиками. Вспоминаю сейчас первую написанную мной листовку — сколько патетики, восторженности! Тогда мне казалось, что я, наконец, обрела смысл собственного существования. Однако в голове не было ясности, я во многом плохо разбиралась. А политика требовала большей настойчивости, хладнокровия, умения, выдержки — того, чем делились с нами профессионалы-революционеры. И еще — мужества.

Мы все рисковали — парни и девушки, связавшие свою судьбу с Сопротивлением. Девушки, например, делали большую работу: были связными, развозили, разносили подпольную литературу. Помню, как однажды меня попросили отвезти на вокзал разводной ключ, которым ребята развинчивали рельсовые болты. Я ехала в метро, и вдруг облава. Люди в вагоне как-то напряглись, напряжались. Но я с таким независимым видом прошла мимо немцев, что они даже не спросили, что у меня в газете.

Но мне мало было только та-

ких заданий, я чувствовала, что должна и могу делать больше. Первые победы Красной Армии на Восточном фронте звали к более смелому действию. Позднее, уже после моего ареста, после парижского восстания ко мне прилипла кличка «неудавшийся мальчишка». Абсолютно неверно. У историка Мишле я как-то натолкнулась на мысль, которая точнее объясняла то мое состояние. Мишле пишет по поводу Жанны д'Арк (не подумайте только, будто я собираюсь проводить параллель между ней и собой), что всякий раз, когда женщине на протяжении истории приходилось брать за оружие и становиться воином, ею двигал извечный женский инстинкт сострадания и любви к своему народу, к своим близким. Во имя любви она обретала способность убивать.

Мне было тоже так тяжело, что я могла стрелять.

После нападения Гитлера на Советский Союз я перешла в ряды ФТП1. Мы были солдатами в гражданской одежде, и Париж был нашим «маки». Структура нашей «армии» была приспособлена к условиям городского подполья; мы были разбиты на тройки и действовали, пользуясь «тактикой ртутной капли»: после операции тут же растекались без следа.

В нашей руководящей тройке самым заметным был, конечно, Шарль Мартини (это его подпольная кличка). Лицо у него было, что называется, самое «бандитское», но это был лучший в мире товарищ, к тому же человек отчаянной храбрости, тонкой души и, как и я, влюбленный в поэзию.

Однажды Шарль возвратился после операции в квартале Порт д'Итали. «Все прошло гладко, — рассказывает, — хотя и обменялись парой выстрелов с патрулем. Удалось взять несколько автоматов. В подворотню, где я стоял, влетел молодецкий солдатик. Я отобрал у него винтовку».

— А самого пристрелил? — спрашиваю.

— Нет, он и так перетрусил. Сам отдал. И потом ведь это простой солдат, бедный парень...

На следующий день Шарль сидел на набережной перед больницей Сент-Антуан, где работал врачом. Мимо проезжал грузо-

вик с солдатами, и среди них, по случайности, оказался тот самый немец, которому он вчера подарил жизнь. Немец узнал Мартини, прыгнул с машины, перевел затвор винтовки и выстрелил Шарлю в спину. Мартини ошибся: то не был просто немецкий солдат, то был фашистский солдат.

Мартини, наш товарищ, умерал в больнице. У его изголовья дежурили двое шпиков в штатском, надеясь, что он очнется и заговорит. Шарль один знал, где находится склад с оружием. Мы поручили переговорить с Шарлем санитару больницы. Он тоже был из наших, но Мартини ему ничего не сказал. «Позовите Райнера...» — еле слышно шепнул он.

Райнер — это был мой псевдоним. Кстати, им я тоже обязана Шарлю. Когда меня принимали в группу ФТП, Мартини сказал: «Ну, а сейчас закрой глаза... Перед тобой на полках книги. Протяни руку и выбери себе новую фамилию». Я протянула руку и уткнулась в томик стихов Райнера Марии Рильке.

— Ну, теперь ты будешь для всех Райнером.

— Но это же немец!

— Что с того? Мы же воюем не против народа, а против нацизма.

И вот теперь, чтобы попасть к Шарлю в больницу, мне пришлось выдать себя за его сестру и изменить внешность. Когда я склонилась, чтобы поцеловать его в лоб, он назвал мне место, а я шепнула: «Завтра... завтра мы отомстим за тебя».

Завтра было воскресенье. Я села на велосипед. Через плечо у меня — по тогдашней моде — висела сумка. В ней пистолет, который мы отобрали у полицейского в Булонском лесу.

Довольно долго я кружила по городу впустую: дело в том, что немцы уже боялись ходить в одиночку. Им было страшно. Я, конечно, тоже боялась. За себя, за товарищей. И друзья мне потом говорили, что им тоже было страшно. Не боится только тот, кто ничем не дорожит. Но человек потому и человек, что способен преодолеть свой страх. Я не боялась только в тюрьме, когда под пытками переступила порог страха. Уже после восстания, после баррикад и боев, когда приходилось прыгать с крыши на крышу через улицы, многие говорили, что я бесстрашна. Это не так — просто в тот момент ненависть к врагу вытеснила у меня инстинкт страха.

¹ ФТП — «Фронтиреры и партизаны», боевая организация Сопротивления, созданная компартией. — *Прим. авт.*

«Вот так мы плыли и плыли, и, обогнув выступ берега, мы увидели на суше впереди себя много больших селений. Так мы неожиданно набрали на благодатную землю и владение амазонок».

В страну Корицы

...21 февраля 1541 года. В городе Кито, нынешней столице Эквадора, царит небывалое оживление. Звон оружия, ржание лошадей, крики мулов... В далекий и неведомый путь отправляется большой испанский отряд. Шествие открывают около двухсот всадников в тяже-

лых металлических нагрудниках и шлемах, на сильных, упитанных лошадях в пестро разукрашенной сбруе. Затем идут солдаты с пиками, алебардами, мушкетам и арбалетами. За ними длинной вереницей тянутся носильщики-индейцы из «дружественных», то есть покоренных, племен. Впрочем, на всякий случай «дружественные» индейцы попарно связаны друг с другом. Следом в оковах бредут негры-рабы с самым тяжелым грузом — палатками, котлами для приготовления пищи, солью. В хвосте колонны в тучах пыли медленно движется **огромное стадо**

Часам к трем я оказалась на мосту Сольферико. Там я увидела немецкого офицера. Он был один. Я подъехала к нему. Сошла. Офицер стоял, облокотившись на парапет, смотрел на Сену, на Нотр-Дам, на рыболовов. Между мной и немцем очутился мальчуган — как раз в тот момент, когда я полезла в сумочку за пистолетом. Я сказала ему: «Иди, малыш, иди отсюда...» Видно, лицо у меня было такое, что он, не удивившись, побежал дальше. Тогда я достала пистолет, подняла руку к голосе немца и выстрелила, раз и еще раз. Он упал, как надломанная кукла, без вскрика. Никто из прохожих тоже не крикнул, хотя народу было довольно много, — слишком часто стреляли тогда на улицах; все смотрели не на меня, а на ваявшегося офицера, потому что в глубине души даже самые робкие ждали этих выстрелов. Наверно, тогда самым важным было показать всем, что это можно и нужно делать. Я отстегнула у немца кобур, положила ее вместе со своим пистолетом в сумочку, снова села на велосипед и поехала. На мгновение мне даже показалось, что все обойдется.

Когда я подъезжала к вокзалу Орсе, сзади послышался шум машины. В то время на парижских улицах почти не было машин, а те, что ездили, передвигались на газогене, так что грохот от них стоял невероятный. Для нас, подпольщиков, шум этих моторов был грохотом колесницы смерти — ведь это могла быть только полиция, немецкая или французская, фашистская. Раздался скрип тормозов, и страшный удар отшвырнул меня на мостовую, сумочка грохнулась рядом, и оба пистолета выпали наружу. Я схватила один из них и поднесла к виску. Теперь уже не спастись, и я боялась, что вдруг заговорю под пыткой. Но у меня ногой выбили пистолет и скрутили руки за спиной. Тот, кто задержал меня, оказался одним из главарей версальской милиции¹. Он видел, как я стреляла, но, хотя и был вооружен, не решился сразу подойти, а ждал, пока я поеду, чтобы придавить меня, ничем уже не рискуя. На меня надели наручники и повезли прямо в гестапо.

В холле особняка на рю Соссе висело длинное зеркало. Когда

я увидела себя в наручниках, с окровавленным лицом, то сразу вспомнила лица наших товарищей на «красных афишах» — тех плакатах, что фашисты вывешивали для устрашения населения.

Дальше начинается особая история. Это история моей жизни в странном мире, который назывался гестапо. История, которую я так никогда не смогла как следует рассказать, да о которой и не люблю вспоминать.

В случае ареста товарищи советовали не выкручиваться — «так вы только запутаетесь», лучше говорить: «Я ничего не знаю». Женщины в камере рассказывали мне потом, что я даже в бреду повторяла: «Я ничего не знаю». Я настолько убедила в этом самое себя, что под конец допросов кричала: «Вы же видите, как мне больно, если бы я знала что-нибудь, я бы сказала!»

Хуже собственных мучений было то, что они схватили одного паренька из моей группы — совсем еще мальчика. Он застрелил немецкого солдата. Гестаповцы пытали его при мне, заставляя сознаться, что он меня знает. Они выворачивали ему ноги, а он смотрел на меня, как взрослый мужчина, и молчал, и его глаза умоляли меня тоже молчать. Офицер, который нас допрашивал, иезуитски обращался ко мне: «Что, разве вы не любите детей, мадам?» Он называл меня «мадам». Потом они забили мальчика до смерти и выставили его труп для обозрения.

Во время допросов в парке пел дрозд. В перерывах гестаповцы ставили пластинку с Пятым бранденбургским концертом. После мне казалось, что я уже никогда не смогу слушать Баха.

Я твердо держалась версии, что убила офицера по собственной инициативе, что у меня не было никакого задания и я хотела лишь отомстить за смерть своего жениха. Немцы было поверили тому, что я не имею отношения к Сопротивлению, но в это время гестапо разыскало полицейского, у которого мы отобрали пистолет в Булонском лесу, — пистолет этот был у меня в сумочке. Он тут же опознал меня: «Да, это она заправляла там всеми, на ней еще была красная кофта». И все началось сначала — допросы, пытки; мой расстрел перенесли. Так мне удалось дожить до Освобождения, и с первых же часов я кинулась без оглядки в бой.

Перевел с французского
М. МАРИКОВ

¹ Фашистская милиция, набранная из предателей-французов. — *Прим. авт.*

скота — свыше четырех тысяч лам и свиней — живой запас мяса.

То становясь во главе колонны, то пропуская ее мимо себя, гарцует на коне командир — Гонсало Писарро, младший брат Франсиско Писарро, завоевателя Перу.

...Где-то далеко на востоке, за могучими горными хребтами Анд, должна быть легендарная страна Корицы, о которой испанцы неоднократно слышали от индейцев. Корица же в те времена на европейском рынке ценилась на вес золота. Кроме того, за Андами якобы находилась и страна Эльдорадо, где золота так много, что из него делают оружие. Однако все это были только слухи: ни один человек еще не побывал по ту сторону Анд. Поэтому-то так основательно снарядил свою экспедицию Гонсало Писарро.

Неудачи начались, как только отряд вошел в горы. Людям приходилось то подниматься на неприступные снежные вершины, карабкаясь по скалам и цепляясь за каждую выбоину и трещину, то пересекать бездонные ущелья, постоянно рискуя свалиться в головокружительную пропасть, то преодолевать стремительные горные реки с ледяной водой. Весь скот пришлось бросить. Начался голод.

Выйдя из гор, отряд попал в непроходимые джунгли. Несколько месяцев шли наугад, через непро-

лазные топи, заросли тростника, пробивая себе путь алебардами и топорами. Голод и болезни косили людей. Тогда на военном совете было решено построить небольшую бригадину и отправить на ней вниз по реке передовой отряд в поисках населенных мест и продовольствия. а остальным участникам экспедиции дожидаться его возвращения. Руководство этим отрядом было возложено на Франсиско де Орельяну — губернатора одной из провинций Перу, участвовавшего в экспедиции Писарро вместе со своими людьми.

26 декабря 1541 года бригадина «Сан-Педро» и четыре лодки с командой в пятьдесят семь человек отправились вниз по течению реки, названной в честь так пока и не найденной страны рекой Корицы.

Тщетно ожидал Писарро помощи или хотя бы вестей от Орельяны. Через два месяца, потеряв всякую надежду, Писарро вернулся назад в Кито. В июле 1542 года, спустя почти полтора года после выхода экспедиции, ее жалкие остатки — всего около восьмидесяти человек — подошли к городу.

...Тем временем, увлекаемая быстрым течением, флотилия Орельяны неслась вдоль болотистых диких берегов. Голод стал невыносимым. «Из-за нехватки съестного мы впали в крайнюю нужду и пи-

тались лишь кожей, ремнями да подметками от башмаков, сваренными с какой-либо травой, и столь слабы мы были, что не могли держаться на ногах; одни из нас на четвереньках, другие же, опираясь на палки, отправлялись в горы на поиски съедобных корней. Находились и такие, которые, объевшись неведомыми травами, были на волосок от смерти и походили на безумцев и совсем лишались разума», — так описывает эти дни один из участников похода, монах Карвахаль.

Наконец показалось первое индейское поселение, где путешественники смогли отдохнуть, подкрепиться и запастись провизией. Но о возвращении в лагерь Писарро уже не могло быть и речи: путешествие против течения было не под силу обессиленным людям, и команда, во всяком случае в этом уверяет нас летописец, потребовала от Орельяны продолжать путь по течению в надежде добраться до испанских или португальских колоний.

Вскоре течение вынесло флотилию из реки Корицы в другую, гораздо более мощную реку, дотеле никому не известную. Она была так широка, что противоположный берег едва виднелся.

Селения были очень редки, а попытки испанцев добыть продовольствие, то есть, попросту говоря, ограбить индейцев, превращались в кровавые сражения. Молва о жестоких чужеземцах, распространяясь вниз по реке, опережала их прибытие. И чем дальше плыли они, тем сложнее становилась проблема продовольствия. Голод, тропическая жара, постоянная сырость, сражения, раны, болезни превратили жизнь Орельяны и его спутников в сплошной ад. «Идти стало гораздо труднее, — жалуется Карвахаль, — еще пище прежнего угрожал нам голод, потянулись безлюдные берега, так как река текла в сплошных лесах, и нельзя было найти место для ночлега или хотя бы наловить какой-нибудь рыбы, так что волей-неволей нам пришлось питаться травой».

Так день проходил за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, мимо путешественников про-

Амазонка... Это не только одна из величайших рек мира. Это великая страна, занимающая значительную часть южноамериканского континента, страна джунглей и скал, болот и равнин, загадок и неожиданностей. Сколько исследователей расплатилось своей жизнью за попытки проникнуть в ее тайны. Недаром существует поговорка: «В джунглях Амазонки бываешь счастлив два раза — когдаходишь в них и когда их покидаешь...» На марке Эквадора Гонсало Диас де Пинедо — первый исследователь «зеленого ада» Амазонки, один из тех, кому джунгли разрешили быть счастливым дважды.

До сих пор экспедиции археологов и этнографов находят в Амазонии развалины древних построек — храмов, дворцов, культовых сооружений.

На марке Перу остатки храма Солнца, которые многие ученые считают своеобразной древней обсерваторией. Древние сооружения свидетельствуют о высокой культуре коренных жителей Амазонии, поднявшихся против закованных в латы чужеземцев. И может быть, именно так, как это изображено на второй марке Перу, гонцы инков предупреждали своих соседей о приближающейся опасности.

А на третьей марке Перу современный обитатель верховьев Амазонки со своим верным другом — ламой,

плывали берега, острова, протоки, селения, а реке не было конца.

Вскоре по выходе из реки Орильяны Орельяна впервые услышал от индейцев о племени отважных женщин-воинов, страна которых, по их словам, находилась ниже по течению. Мифы о женщинах-воинах — амазонках — были известны еще в глубокой древности. Легенды помещали их страну то в Малой Азии, то в причерноморских степях, то по мере расширения географических познаний в Африке, и вот теперь их следы обнаружили в джунглях Южной Америки! Коньяпура — так индейцы называли женское племя — были, по их словам, настолько свирепы, что каждому, кто окажется в их владениях, грозила смерть.

В одной из деревень Орильяны и его спутники увидели непонятные строения в виде щитов с отверстиями. Оказалось, что это религиозные сооружения, а воздвигнуты они, как заявили индейцы, в честь племени женщин-амазонок.

Хозяева оказали весьма прохладный прием незваным гостям: индейцы (конечно, подданные амазонок) послали к хозяйкам за помощью, и вскоре в бой вступил целый отряд женщин-воинов. «В бою они не уступают добродушному десятку индейцев, и многие из них — я видел это воочию, — уверяет Карвахаль, — выпустили по одной из наших бригантин целую охапку стрел, так что бригантины стали походить на дикобразов».

Впрочем, судя по поведению испанцев в селениях на всем протяжении путешествия, проще предположить, что не племя амазонок вступило в сражение с ними, а женщины индейских племен вместе с мужчинами поднялись на защиту своих очагов. Воображение же испанцев превратило их в амазонок.

В одной из стычек был взят в плен индеец, который рассказал, что страна амазонок так богата, что амазонки едят и пьют из золотой посуды, носят золотые украшения, молятся золотым идолам, а стены их домов выложены серебряными плитами.

Эти и многие другие известия об амазонках были для Орилья-

ны, да и для его современников самым ярким впечатлением.

Всему на свете приходит конец, пришел конец и путешествию Орильяны. 26 августа 1542 года потрепанные и обветшалые бригантины (в одном из селений Орильяна провел два месяца и построил вторую бригантину) вышли в Атлантический океан, а еще через две недели прибыли на остров Кубагуа — испанское владение в Карибском море.

Может показаться удивительным, но Орильяна не только не назвал открытую им реку Амазонкой, но и вообще не дал ей никакого названия.

Вот как это получилось.

По обычаям конкистадоров — испанских завоевателей тех времен, вновь открытая земля объявлялась «собственностью» испанской короны, «предпоносилась» испанскому королю, который, как правило, жаловал ее в управление конкистадору — первооткрывателю. Так было с Кортесом, получившим в управление завоеванную им Мексику, так было и с Писарро — завоевателем и вице-королем Перу. Такая же слава мерещилась и Орильяне. Но на пути к власти и славе было серьезное препятствие. Орильяна догадывался, что открытая им река — это продолжение другой реки, которую в Перу называют Мараньон. С другой стороны, еще за сорок лет до путешествия Орильяны было известно, что на восточном побережье Южной Америки в Атлантический океан впадает какая-то очень большая река, ибо за десятки километров от берега в океане обнаруживали пресную воду. Эту неизвестную реку называли Пресной рекой. Одни считали ее устьем Мараньона, другие — самостоятельной рекой. Но устье Пресной реки согласно испано-португальскому договору 1494 года находилось в португальском секторе Южной Америки, так что отождествлять открытую им реку с Пресной рекой Орильяне также не было смысла. Естественно, что Орильяна попытался запутать дело о «происхождении» открытой им реки.

Вот так и получилось, что в «Капитуляции об исследовании, за-

воевании и заселении Новой Андалузии», а проще — в договоре об организации новой экспедиции, заключенном Орильяной по прибытии в Испанию с наследным принцем Филиппом, нигде не упоминается ни местоположение, ни название реки, а вместо этого пишется «река, по которой Вы (то есть Орильяна) вышли в море», «река амазонок» и просто «упомянутая река», а на картах того времени писали «река, открытая Орильяной» или «река Орильяны». Со временем имя первооткрывателя было забыто и исчезло с карт, а за рекой от выхода ее из Анд до устья установилось название Amazonas, то есть река Амазонка. Западнее Анд она сохранила название Мараньон.

Остается лишь рассказать о дальнейшей судьбе Орильяны. В мае 1545 года Орильяна на четырех кораблях отплыл из Испании в новую экспедицию — «к амазонкам», как говорится в «Капитуляции». Экспедиция была плохо подготовлена и оснащена, так что до устья Амазонки дошли лишь два корабля. Вскоре погиб еще один корабль, а последний, четвертый, ввиду его крайней ветхости пришлось разобрать и из его остатков построить небольшое речное судно. Вскоре сам Орильяна умер, а остатки его экспедиции покинули Амазонку.

Ю. СЕРГЕЕВ

Богат и разнообразен животный мир Амазонки. На марках Коста-Рики — гроза джунглей — ягуар и «кроткий кузен носорога» — тапир (об этом удивительном животном мы писали в третьем номере журнала за прошлый год). На марках Колумбии тоже одно из наиболее удивительных животных Амазонки — муравьед — обладатель едва ли не самого длинного языка в мире, броненосец — прямой потомок гигантских ящеров, вымерших миллионы лет назад, и ленивей, — представитель самых флегматичных существ в мире, который не утруждает себя передвижением со скоростью более 150 метров... в час.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 11 НОЯБРЬ 1966

СОДЕРЖАНИЕ

К 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой	2
ЕВГЕНИЙ ВОРОБЬЕВ — Рождение командира	3
Линия Самохвалова	6
А. ШАМАРО — Крушение «Колчаковии»	8
О. РУДАКОВ, М. ОКУШКО — Протяните руку королеве	12
АНТОНИО ГАРСИА — Будущее	14
А. ГОРЯЧЕВ — Земля преображенная	17
ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ — На древней дороге	17
Фата-моргана	20
Хороший климат	22
ДЭВИД ЛЭМП — На воде и под водой	24
ДЖЕЙН С. ГУДЕЙЛ, ЭНН ЧОУНИНГ — Все по-старому на	
Новой Британии	25
АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ — Тройной прыжок	32
Такая у них работа	42
Разрушители из Агридженто	42
Покорение «Людоеда»	43
Л. ФИЛИМОНОВ — «Где не быкало следу...»	44
С ГОЛИЦЫН — Я болею морем	49
Пестрый мир	52
В. ГИППЕНРЕЙТЕР — Долина голубых гор	54
М. БЕЛЕНЬКИЙ — Дон-кихоты Ламаншские	59
Загадки, проекты, открытия	61
Находка советских археологов	62
КЛИФФОРД САЙМАК — Куш	64
Д. КИРИЛИН — Золото Старшего Брата	73
МАДЛЕН РИФО — Выстрел на мосту Сольферино	75
Ю. СЕРГЕЕВ — В страну Корицы	77
Кто ты, дельфос?	80

Главный редактор **В. С. САПАРИН**
Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ** (заместитель главного редактора), **К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТО В, Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ПЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, А. А. ШАЛАЕВ.**

Оформление **В. Чернецова** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефон для справок Д1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; литературы — 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А15164. Поди, к печ. 11/Х 1966 г. Бум. 84x1081/16. Печ. л. 5(8,4). Уч.-изд. А. 12,0. Тираж 1500 000 экз. Заказ 1811. Цена 60 коп.

Типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушевская, 21,

На первой странице обложки: **ОСТРОВ ПУТЯТИНА**. Вряд ли этот осьминог доволен тем, что его вытащили из родного Японского моря. Но что поделаешь, наука требует жертв. Удачливый охотник — **Олег Яременко**. Он кандидат технических наук, но на время отпуска становится океанологом. Опытный спортсмен-аквалангист, он неизменный и полезный участник летних экспедиций Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии.

Фото **А. РОГОВА**

КТО ТЫ, ДЕЛЬФОС?

„Я провел четыре ночи около умирающего дельфина и скажу, что это не животное».

«Вероятно, умственное развитие дельфинов сравнимо с нашим, хотя чрезвычайно своеобразно».

«Пять лет научных исследований убедили меня в том, что дельфин... способен вести беседу с человеком».

В последнее время все чаще и чаще в печати, в том числе в солидных научных изданиях, появляются статьи, посвященные этим удивительным созданиям. Многие ученые мира пытаются сейчас понять это существо — возможно, самое близкое к человеку по развитию.

«Вокруг света» уже писал о жизни дельфинов (см.: С. Варшавский «О веселом племени дельфинов», № 3 за 1962 год).

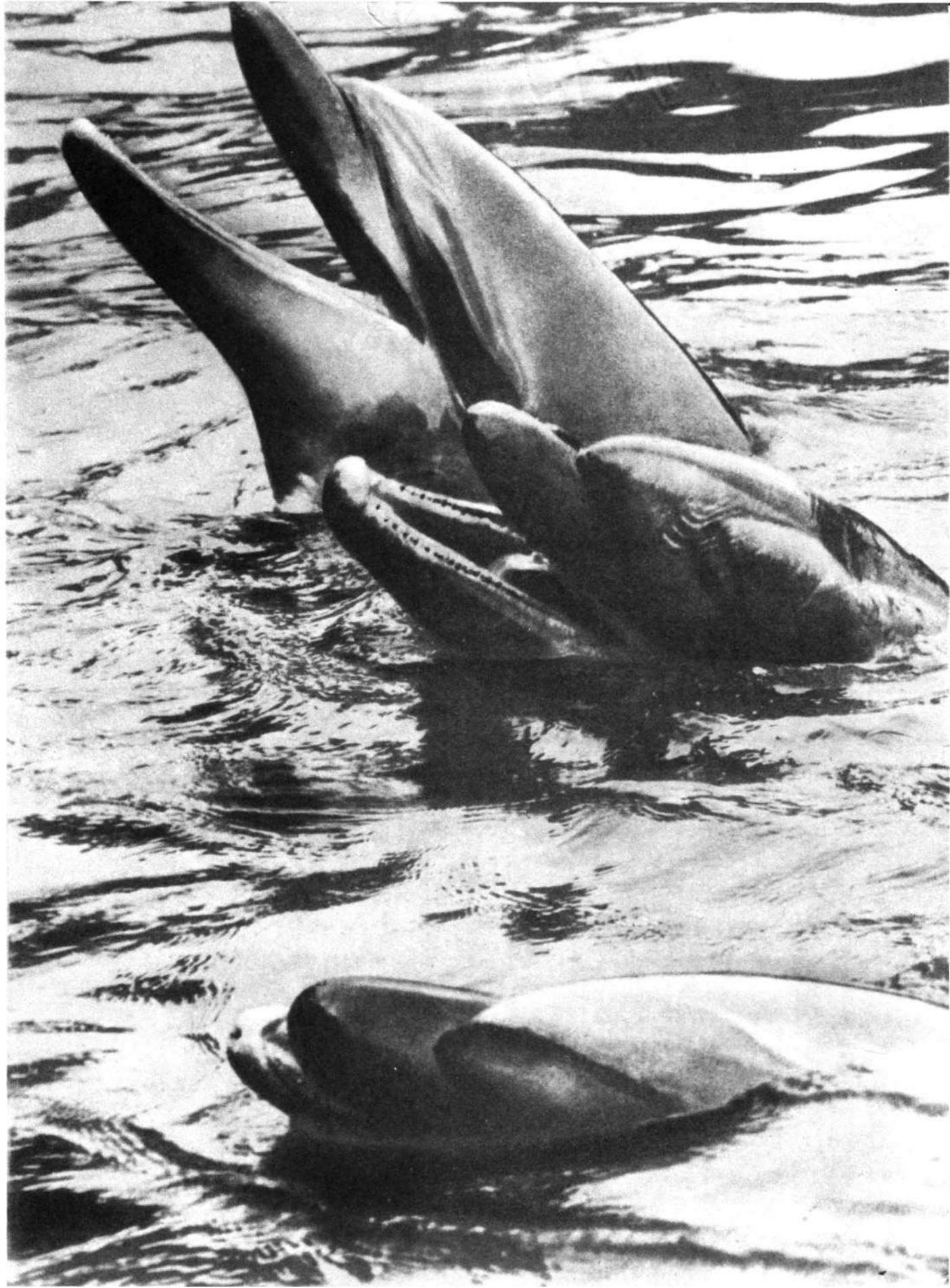
Выполняя многочисленные просьбы читателей, мы в ближайшее время еще раз вернемся к этой теме. В 1967 году в одном из первых номеров нашего журнала будет опубликована подборка материалов, посвященных последним достижениям науки в области изучения этих «интеллигентов океана».

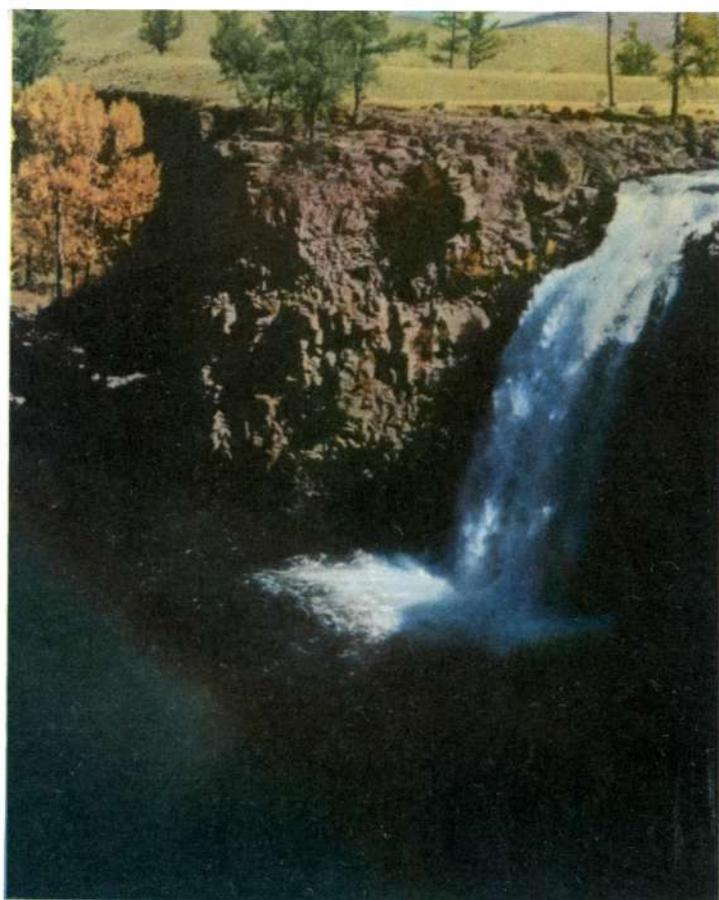
К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «ВОКРУГ СВЕТА» на 1967 год принимается до 25 ноября. После 25 ноября можно подписаться на журнал, начиная со 2-го номера.

Журнал «Вокруг света» будет распространяться в основном по подписке; розничная продажа ограничена.

Приложение к журналу — «ИСКАТЕЛЬ» — только в розничной продаже.

ЕЖЕГОДНО СОТНИ
СОВЕТСКИХ
ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК
ПУТЕШЕСТВУЮТ
ПО МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ.

sputnik

Цена 60 коп.

Индекс 70142